

גזי

ТРИ БУКВЫ

Коллективный фантастический
роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХСVIII

Salamandra P.V.V.

ТРИ БУКВЫ

Коллективный
фантастический
роман

Salamandra P.V.V.

Три буквы.

Три буквы: Коллективный фантастический роман. Факсимильное изд. Salamandra P.V.V., 2019. — 118 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССХСVIII).

В Сан-Франциско, в притоне «Кровавая мышеловка», идет большая игра. Капитан русского судна, князь Енгушев, в отчаянии ставит на кон свой талисман — огромный бриллиант с выгравированными на нем таинственными древнееврейскими буквами. Ставка капитана выигрывает, но бриллиант бесследно исчезает: как оказалось, его зашил под кожу на колене русский жандармский агент, замаскированный под негра...

Так начинался небывалый детективно-фантастический роман-эксперимент, затеянный в 1911 году редакцией популярного «Синего журнала». В написании остросюжетного романа-буриме «Три буквы» приняли участие известнейшие литераторы эпохи — А. Куприн, А. Аверченко, Тэффи, И. Ясинский, А. Каменский, А. Измайлов, И. Потапенко. В. Тихонов и П. Гнедич. Иллюстрировали роман видные книжные графики — С. Чехонин, В. Сварог и Н. Герардов. Роман печатался подряд в №№ 14-51 «Синего журнала» за 1911 г. с пропуском № 38.

В настоящем выпуске серии «Polaris» мы с радостью предлагаем читателям первое за более чем 100 лет переиздание романа «Три буквы». Роман представлен в факсимильном виде, то есть именно таким, каким впервые увидели его читатели 1911 года. Сканы выполнены сотрудниками Российской государственной библиотеки.

ТРИ БУКВЫ

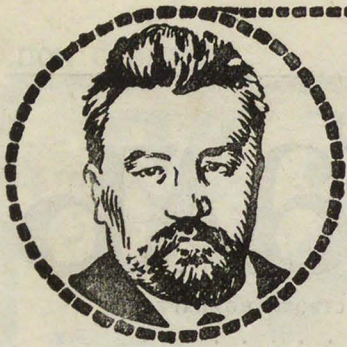
1 9 1 1

СИНИЙ УЖАСЪ

(См. стр. 8).

Сегодня—коллективный фантастическій романъ!

(Три буквы)

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будищева, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тиханова, I. I. Ясинскаго, и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина,

ГЛАВА I.

„КРОВАВАЯ МЫШЕЛОВКА“.

Улица Догъ-стритъ, самая мрачная и опасная улица на южныхъ окраинахъ Санъ-Франциско, была погружена въ мракъ и безмолвіе.

Зима вступала въ свои права, морозъ крѣпчалъ. Ночь была черна, точно чернила. Ни одна звѣзда не блестѣла на небѣ, затянутаго пеленой густыхъ тучъ.

Рѣдко кто осмѣливался показываться въ эту пору на улицѣ Догъ-стритъ. Случайный путникъ, проходившій вдоль нея, шепталъ молитву и крѣпко сжималъ въ карманѣ рукоятку браунинга. Вистрѣлъ изъ засады или предательскій ударъ кинжаломъ были здѣсь самымъ обыкновеннымъ явленіемъ.

Но въ одномъ двухъ-этажномъ домѣ, расположенномъ въ глубинѣ обширнаго двора и скрытомъ отъ улицы густою чащей развѣсистыхъ шихтъ, свѣтились сквозь закрытые ставни узкія, какъ лезвіе, полосы свѣта. Это былъ извѣстный всѣмъ любителямъ сильныхъ ощущений ужасный вертепъ, подъ многозначительнымъ названіемъ «Кровавая Мышеловка».

Мы попросимъ читателя, преодолевъ брезгливость и страхъ, послѣдовать туда за нами.

Нижній этажъ былъ расположенъ необыкновенно прихотливо и запутанно и поражалъ своимъ разнообразнымъ убранствомъ. Здѣсь, напримѣръ, была огромная зала, безъ оконъ. Вся ея меблировка заключалась въ узкихъ кожаныхъ скамейкахъ, шедшихъ вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ. Посрединѣ помѣщался квадратный толстый коверъ. По угламъ ковра возвышались стойкія, соединенныя между собой веревкой. Надъ ковромъ съ потолка свѣшивалась люстра въ восемьдесятъ сильныхъ электрическихъ лампъ.

Это было зало для самаго жестокаго вида бокса, запрещеннаго какъ закономъ, такъ и спортивными обществами. Въ большинствѣ случаевъ схватки здѣсь кончались смертью и всегда тяжелыми физическими увѣчьями.

Здѣсь также была комната, убранная со всею роскошью и причудливостью Востока: ковры, низкіе диваны, шелковые ткани на окнахъ и на дверяхъ, вышитыя золотомъ арабскія и индійскія изреченія на стѣнахъ. Здѣсь курили опиумъ и гашишъ.

Дальше находился баръ, съ тѣми жестокими «ударными» напитками, выдерживать которые могутъ только американскія глотки.

«Время—деньги,—говорятъ американцы,—и если напиваться, то ужъ какъ можно скорѣе!»

Были здѣсь еще комнаты для травли крысъ бульдогами, для пѣтушиныхъ боевъ, были ванны и бассейны и маленькія спальни для отдохновенія.

Верхъ представлялъ собою одну гигантскую сплошную залу.

Тамъ исключительно играли. Играли во всевозможныя игры: въ покеръ, макао, фараонъ, баккара, рулетку и т. д.

Хозяевъ какъ будто-бы не было.—Каждый былъ хозяиномъ. Нужно было только при входѣ внести десять фунтовъ и платить пять долларовъ за каждую колоду картъ и два доллара за каждый новый ходъ шарика рулетки. Здѣсь не существовало никакихъ правилъ приличій или общественныхъ нормъ. Но за-то никто не удивлялся, если банкометъ передъ сдачей вѣшалъ около себя заряженный револьверъ.

Впрочемъ, было одно правило, которое никогда не переступалось: ни одна женщина не смѣла проникнуть въ стѣны «Кровавой Мышеловки».

ГЛАВА II.

РОКОВОЙ БРИЛЛАНТЪ.

Въ описываемое нами время, въ игорномъ залѣ «Кровавой Мышеловки» происходило нѣчто необыкновенное. Всѣ посѣтителы столпились вокругъ рулетки. Даже многіе игроки, привлеченные необычайнымъ волненіемъ, бросили свои століки и тѣснымъ кольцомъ столпились вокругъ дьявольской машинки. Всѣхъ интересовала отчаянная игра иностранца, капитана военнаго судна, русскаго князя по происхожденію. Въ этотъ вечеръ онъ проигралъ уже около 80.000 долларовъ.

Онъ сидѣлъ въ срединѣ стола очень блѣдный, но совершенно спокойный, сосредоточенный и молчаливый. Когда онъ ставилъ свои ставки, его тонкіе, выхоленные пальцы не дрожали. Время отъ времени онъ прихлебывалъ виски съ содовой водой изъ стоящаго около него стакана.

— Дѣлайте вашу игру!—сказалъ крупье.

Послышался звонъ золота, и множество рукъ замелькало въ воздухѣ, потянулось черезъ плечи, задвигалось по столу. Иностранецъ медлилъ.

— А вы, милордъ?—спросилъ его банкометъ.

Иностранецъ, темнолицый брюнетъ съ сѣдыми висками, острыми, пронзительными глазами и презрительнымъ ртомъ, въ первый разъ за этотъ вечеръ обнаружилъ какое-то колебаніе. Но онъ быстро преодолѣлъ себя.

— Я проигралъ все, что у меня было съ собою,—сказалъ онъ спокойно, цѣдя слово за словомъ, сквозь зубы и глядя равнодушно на крупье,—но не примите-ли вы вотъ это?..

Онъ засучилъ рукавъ своего великолѣпнаго смокинга. Запястье его руки обнималъ тонкій золотой браслетъ, а на браслетѣ болталась дамская серьга, съ прелестнымъ, огромнымъ брилліантомъ, каратовъ около десяти.

— Yes!..—отвѣтилъ хладнокровно крупье.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу у кого-нибудь ножницы. Всѣ переглянулись и заговорили сразу.

Случай былъ изъ ряду вонъ выходящій.

— Вотъ вамъ, сэръ,—крикнулъ чей-то голосъ сзади.— Вотъ садовый ножъ и при немъ прочныя ножницы.

Черезъ головы зрителей перелетѣлъ большой ножъ и гулко ударился о зеленое сукно.

— Благодарю!—спокойно сказалъ русскій и переложилъ сигару изъ праваго угла рта въ лѣвый.

Затѣмъ онъ однимъ движеніемъ перерѣзалъ тонкую проволоку серьги и небрежно швырнулъ брилліантъ въ сторону крупье.

Десятки рукъ услужливо передали его по назначенію.

Крупье поднялъ камень вверху, чтобы разглядѣть его на свѣтѣ. Голубые и зеленые, оранжевые и синіе огни сказочнымъ снопомъ брызнули изъ этого маленькаго предмета.

— Прекрасный индійскій брилліантъ—произнесъ чей-то голосъ.—Самой чистой воды.

— Во сколько вы его цѣните, сэръ?—спросилъ льстиво крупье, сухой крючконосый уроженецъ Венецуэллы, типичный потомокъ пиратовъ или работоторговцевъ.

— Не знаю!—отвѣтилъ русскій.—Это подарокъ.

— Каратовъ семь—восемь?
— Больше!..
— Семь тысячъ долларовъ?
— Идетъ! Но я-бы хотѣлъ раньше узнать какой суммой располагаетъ банкъ.

Банкометъ принялся сосредоточенно измѣрять глазами правильныя столбики золота, потомъ перелисталъ аккуратно сложенные ассигнации. Ни одного звука не слышалось въ это время въ игровой залѣ. Рыжія черныя и русыя, встрепанныя и приглаженные головы игроковъ низко склонились надъ столомъ.

Красныя отъ волненія и отъ безсонницы глаза съ пристальной жадностью глядѣли на руки банкомета. Кое-кто нервно жевалъ сигару, другой судорожно стискивалъ зубами мундштукъ трубки.

— Около двухсотъ тысячъ долларовъ!—сказалъ, наконецъ, испанецъ. Но въ эту минуту дверь, расположенная прямо противъ рулетки, быстро отворилась и сильный, звенящій, какъ серебро, женскій голосъ воскликнулъ:

— Владимиръ!!

ГЛАВА III. СУДЬБА.

Въ дверяхъ стояла высокая молодая женщина, необыкновенной красоты, въ бѣломъ бальномъ платьѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ выше локтя. Золотые тяжелые волосы, какъ корона, лежали на ея царственной головѣ.

Русскій быстро всталъ съ мѣста.

— О, Марія!—воскликнулъ онъ, протягивая къ ней руки.—Неужели... ты... простила меня?..

— Я пришла за тобой—отвѣтила красавица.

— Подожди. Одна минута... я иду!..
— Джентльмены,—обратился онъ къ игрокамъ, которые съ удивленіемъ глядѣли на невиданное въ стѣнахъ «Кровавой Мышеловки» зрѣлище,—мы въ Европѣ больше всего цѣнимъ въ англосаксонской расѣ ея способность ничему не удивляться. Будемъ продолжать игру! Кстати предупреждаю, — и онъ вынулъ изъ кармана изящный никелированный револьверъ, — что каждому, кто позво-

... Въ дверяхъ стояла высокая, молодая женщина, необыкновенной красоты.

литъ себѣ неумѣстное замѣчаніе или слишкомъ пристальный взглядъ на эту леди, я безъ малѣйшаго колебанія пушу пулю въ правый глазъ.

Толпа глухо, но не сердито зароптала.

Во всей Америкѣ, а въ особенности въ Фриско, настоящіе мужчины чтутъ храбрость и преклоненіе передъ женщиной.

Теперь капитанъ стоялъ. Лицо его свѣтилось радостью и вдохновеніемъ.

— Смотрите онъ сорветъ банкъ!—сказалъ сиплымъ густымъ басомъ старый янки, у котораго сбѣдая борода росла вѣромъ, точно изъ шеи.

— Семь тысячъ долларовъ на номеръ первый,—сказалъ иностранецъ.

— Кончено!—воскликнулъ крупье и бросилъ шарикъ.

Прошло нѣсколько секундъ напряженнаго молчанія. Наконецъ, шарикъ остановился.

— Номеръ первый!—сказалъ крупье.—Сакраменто.

Протяжный вздохъ пронесся среди игроковъ. Потомъ всѣ, точно очнувшись отъ сна, сразу заговорили, задвигались, замахали руками.

— Каррамба,—вскричалъ испанецъ и ударилъ кулакомъ по столу.—Вы разорили нашу кампанію!.. Здѣсь точно чертъ вмѣшался. Подождите, я произведу расчеты!

Иностранцу слѣдовало 242 тысячи долларовъ. Но въ банкѣ было всего около 230 тысячъ.

— Я совершенно теряюсь,—сказалъ въ смущеніи испанецъ, придвигая русскому цѣлую грудку золота и ассигнацій. Я могу уплатить вамъ недостающую—сумму только черезъ четыре дня.

Но русскій, улыбаясь той же свѣтлой побѣдоносной улыбкой отвѣтилъ,—О, пожалуйста, когда вамъ будетъ—угодно... Я больше всего забочусь о томъ, чтобъ мнѣ возвратили мой брилліантъ.

А. Купринъ.

(Продолженіе главъ А. И. Куприна въ слѣдующемъ номерѣ).

Вмѣсто вступленія къ фантастическому коллективному роману «Синяго Журнала».

Кто авторъ «Тысячи и одной ночи» — этого образа сказочной поэзіи, этой великой книги вдохновеннаго вымысла и волшебныхъ видѣній?

Сколько авторовъ соединилось для созданія этого самаго увлекательнаго и нѣжнаго, самаго трогательнаго и самаго остроумнаго фантастическаго повѣствованія.

Чуждые другъ другу поэты вписали свои талантливейшія страницы въ волшебныя сказки «Шехразады», и развѣ отъ этого нарушилась ихъ литературная стройность, и развѣ не одинакова яркость красокъ во всѣхъ частяхъ книги, и блѣднѣетъ-ли интересъ и занимательность разсказа, сотканнаго

изъ поэтическихъ грезъ различныхъ и неизвѣстныхъ авторовъ?

Кто творецъ живой и нѣкимъ непревзойденной поэмы—прекрасной «Одиссеи»?

Многими учеными эта честь у Гомера отнята и лучшее твореніе міровой литературы приписывается коллективу древнихъ писателей.

Характерно въ этомъ случаѣ указаніе на то, что нѣкоторые участники древняго коллектива даже уклонялись отъ логическаго теченія поэмы.

Вотъ почему нѣкоторыя главы ея какъ-бы случайно замѣшались въ книгу и безъ всякаго ущерба для хода повѣствованія о приключеніяхъ Одиссея могли-бы быть вырваны изъ этого художественнаго сказанія.

Многія Гомеровы страницы прямо противоборѣтъ другъ другу.

Во всякомъ случаѣ всѣ эти гипотезы о

нѣсколькихъ авторахъ, какъ названныхъ, такъ и нѣкоторыхъ иныхъ крупныхъ произведеній міровой литературы, представлявшихъ одну связанную общимъ и стройнымъ сюжетомъ книгу, являются лучшимъ подтвержденіемъ возможности объединить литературныя индивидуальности отдѣльных писателей для совместной творческой работы, безъ всякаго ущерба ея литературному значенію и художественной силѣ.

Нечего говорить, что и въ наше время объединенными, дружными писательскими силами можно создать литературное произведеніе, которое при нынѣшней словесной техники, послѣднихъ усовершенствованіяхъ литературной формы и гибкости творчества увлекло-бы читателя и дало-бы ему нѣсколько захватывающихъ часовъ.

Какъ извѣстно, попытка братьевъ Гонкуръ къ совместному сотрудничеству внесла въ сокровищницу міровой литературы цѣ-

дый рядъ художественныхъ, образцовыхъ романовъ.

По пути братьевъ пошли и другіе западные писатели и романы ихъ, проникнутые общим настроеніемъ, нисколько не уступали произведеніямъ отдѣльныхъ авторовъ.

Не такъ давно въ Германіи двѣнадцать писателей произвели опытъ коллективнаго романа и замыселъ ихъ привѣтствовался какъ критиками, такъ и читателями.

Помните, какъ высмѣивалъ у насъ Козьма Прутковъ процессъ индивидуальнаго литературнаго творчества?

„Толпой огромною стѣснился въ мой умъ, разнообразныя, удачныя сюжеты,

Съ завязкой сложною, съ анализомъ души И съ патетичною, загадочною развязкой.

Я думалъ въ міровой поэмѣ ихъ ра вить, Въ большомъ, посредственномъ или маленькомъ масштабѣ,

И ужъ составилъ планъ..... Съ задаткомъ опытной практичности житейской,

Съ запасомъ творческихъ и правильныхъ началъ,

Съ избыткомъ силъ души и выстраданныхъ чувствъ,

На данныя свои взирая объективно Задумалъ типы я, и идеалъ создалъ...

...И прямо, кажется, къ предмету я отнесся; И, поэтичнѣ его развитъ хотѣвъ,

Характеры свои заранѣ обусловилъ...

Но разложенья, вдругъ, нечаянный моментъ Настигъ мой славный планъ... И я вотще,

стараясь, Хотѣ точку, въ сей бѣдѣ, исходную найти!

„Сія бѣда“ во всякомъ случаѣ не постигнетъ авторовъ коллективнаго фантастическаго романа, къ печатанію котораго приступаетъ сегодня „Синій Журналъ“...

Ихъ планъ простъ: объединенные однимъ стремленіемъ дать живой, увлекатель-

ный разсказъ, авторы романа, сплетая фантазію съ дѣйствительностью, поведутъ читателя исключительно по пути интерес-

ной и увлекательной фабулы, которая будетъ развиваться съ каждой главой все пышнѣе и пышнѣе.

Читатель романа отдохнетъ надъ нимъ послѣ тѣхъ изломовъ и вывертовъ ралч-

ныхъ „модернъ-авторовъ“, которые отцвѣли, не успѣвши расцвѣсть.

Онъ отдохнетъ на романѣ добраго, стараго времени, — томъ безыскусственномъ, доступномъ каждому легкомъ, фантастическомъ повѣствованіи, при чтеніи котораго скрашивались досуги, жила и разгоралась фантазія... многихъ поэтовъ и писателей, за-

навшихъ почетное мѣсто въ міровой литературѣ.

Редакціей „Синяго Журнала“ получались письма какихъ-то анонимовъ, кивавшихъ по поводу затѣи лучшихъ русскихъ писателей на „честные, благородные завѣты русской литературы“.

Собственно ихъ „протестики“ въ основѣ своей такъ шатки и ломки, что не слѣдовало-бы и вовсе касаться ихъ здѣсь. Но для предупрежденія дальнѣйшей корреспонден-

ции представителей этого рода „литературнаго пуританизма“, мы привели историче-

скіе примѣры коллективнаго творчества (конечно, не ставя на одну плоскость указан-

ные выше поэтическіе шедевры съ скромной затѣей русскихъ писателей).

Судить объ удачѣ замысла станемъ только тогда, когда коллективный фантастическій романъ будетъ заключенъ послѣдней точкой.

Пусть потерпятъ до того времени наши зоилы и критики „отъ апломба“...

А пока согласимся со старой формулой: — Все роды и виды и искусства прекрасны, кромѣ бездарнаго и скучнаго.

Вас. Регининъ.

РАДІЙ И АВІАЦІЯ.

Новая бесѣда съ Эдисономъ.

Американскій интервьюеръ спросилъ на дняхъ Томаса Эдисона, этого мага и чародѣя современной прикладной науки: каково его мнѣніе о современной авіаціи?

Знаменитый изобрѣтатель улыбнулся и покачалъ головой:

— Человѣкъ не разрѣшилъ еще проблемы лѣтания. Современная авіатика, лѣтаніе на аэропланѣ, несомнѣнно — интересный видъ спорта. И въ этомъ спортѣ человѣкъ оказалъ уже большіе успѣхи. Но это не лѣтаніе, а „скольженіе“ по воздуху. Человѣкъ будетъ лѣтать лишь тогда, когда научится подыматься ввысь по перпендикулярѣ, не скользя по воздуху, а преодолевая его усиліями машины.

— Могутъ-ли ваши электрическія батареи дать аэроплану необходимую механическую энергію? — спросилъ интервьюеръ. Г. Эдисонъ лишь недавно изобрѣлъ самый усовершенствованный типъ батарей. Но онъ опять отвѣтилъ въ отрицательномъ смыслѣ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — Онѣ слишкомъ тяжелы для этого... Если-бы только могли воспользоваться радіемъ для воздухоплаванія!.. Вотъ вамъ идеальный двигатель для аэроплана. Подумайте только: одна пригоршня радія содержитъ въ себѣ столько механической энергіи, сколько необходимо для приведенія въ движеніе величайшаго океанскаго парохода Мавританію въ 32.000 тоннъ. Но теперь еще авіаторамъ нельзя и мечтать о радіи. Едва измѣримая частица этого драгоценнаго металла стоитъ тысячи. Но когда нибудь мы непременно добьемся дешеваго способа добычанія радія. Это открытіе можетъ быть сдѣлано въ любой моментъ. И тогда...

Великій изобрѣтатель смолкъ передъ грандіозными перспективами этого открытія.

Лестное замѣчаніе.

Помѣщаемъ отрывокъ изъ интересной статьи де-Лаво въ „La Revue“.

„Мнѣ недавно пришлось быть въ Россіи, — пишетъ де-Лаво — по заказу императорскаго правительства я сдалъ нѣсколько дирижаблей типа „Зодиакъ“. То, что я увидѣлъ въ Россіи, искренно изумило меня: трудно представить себѣ, насколько Россія опередила Францію, общепризнанную колыбель авіаціи.

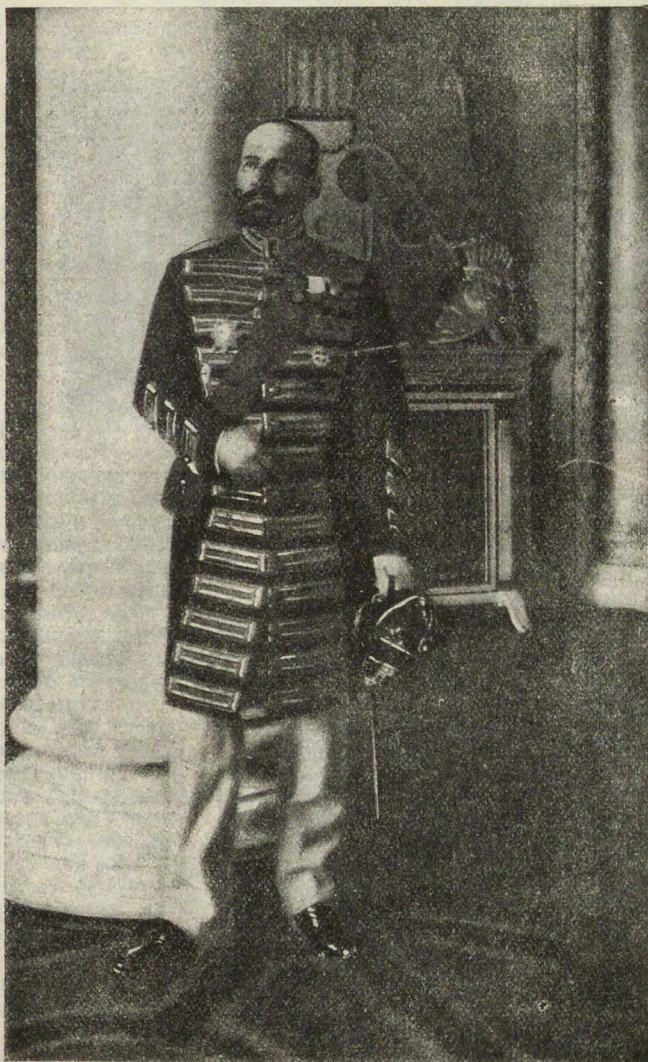
Прекрасно оборудованные ангары, въ изобиліи снабженные всѣми нужными принадлежностями, въ большомъ количествѣ находятся на громадной территоріи. Заводы въ необходимомъ количествѣ добываютъ безукоризненный газъ, который съ удивительной скоростью разсылается по всѣмъ имперскимъ аэродромамъ.

„Достаточно характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій примѣръ. Во Франціи для наполненія газомъ „Зодиакъ“, емкостью въ 2000 кубическихъ метровъ, мнѣ требовалось всегда трое сутокъ. Въ Россіи я наполнилъ такихъ же размѣровъ „Зодиакъ“ въ 1¼ часа.

Русскіе аэронавты держатся того мнѣнія, что нѣсколько дирижаблей небольшихъ сравнительно размѣровъ принесутъ гораздо больше пользы, чѣмъ одинъ большой дирижабль. Это мнѣніе до сихъ поръ раздѣляется исключительно русскими. Я увѣренъ, что этотъ принципъ рано или поздно возьметъ верхъ“...

Премьеръ-министръ П. А. Столыпинъ

(Къ послѣднимъ правительственнымъ актамъ)

Со спеціального снимка придворнаго фотогр.

Премьеръ-министръ П. А. Столыпинъ въ полной парадной формѣ въ Александровскомъ залѣ Зимняго дворца противъ Александровской колонны. Зала рядомъ съ кабинетомъ покойнаго Государя Александра III, гдѣ занимался П. А. Столыпинъ, проживая въ покояхъ Зимняго дворца.

(ТРИ БУКВЫ)

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

Содержаніе первых главъ А. И. Куприна.

На улицѣ Догъ-Стригъ (въ трущобѣ Санъ-Франциско) въ мрачномъ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ идетъ азартная игра. Капитанъ русскаго судна, князь Ингушевъ, проигралъ всю имѣющуюся при немъ наличность, около 80.000 долларовъ, и предложилъ играющимъ принять вмѣсто денегъ на ставку брилліантъ, вѣланный въ дамскую серьгу и привѣшанный къ золотому браслету. Ставка принята. Брилліантъ оцененъ въ семь тысячъ долларовъ. Игра продолжается... Въ эту минуту въ дверяхъ притона, куда за все время его существованія еще не входила ни одна женщина, появляется неожиданно высокая красавица и восклицаетъ:

— Владимиръ!.. Я пришла за тобой!..

Взволнованный князь Ингушевъ проситъ ее обождать, пока выяснится результатъ игры...

„№ 1“, на который ставить князь Ингушевъ выигрываетъ. Князь Ингушевъ долженъ получить изъ банка 242 тысячи долларовъ.

Банкъ выплачиваетъ ему только 230 тысячъ.

— Остальную сумму вы можете уплатить мнѣ когда вамъ будетъ угодно, — улыбаясь говоритъ князь. — Я больше всего забочусь о томъ, чтобы мнѣ возвратили мой брилліантъ!..

... Шестидесяти-силный автомобиль мягко мчалъ ихъ по гладкому шоссе. Зарево электрическихъ огней сіяло надъ Санъ-Франциско...

ГЛАВА III.

С У Д Б А.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

— О, да, конечно, конечно... взволновался крупье — и суетливо сталъ искать серьгу на столѣ и въ ящикахъ для золота. Но ея нигдѣ не находилъ.

— Это колдовство! — вскричалъ испанецъ — Я самъ отлично помню, что положилъ ее вотъ сюда, въ этотъ ящикъ.

— Джентльмены, — сказалъ русскій, — прошу васъ, не сходя съ мѣста, поищите мой брилліантъ, не закатился ли онъ куда-нибудь подъ сукно или, можетъ быть, онъ упалъ на полъ. Тому, кто его найдетъ, я предлагаю 100.000 долларовъ!..

— Я предлагаю 100.000 долларовъ — сказала молодая женщина, стоявшая въ дверяхъ. — Камень долженъ найтись! — и она блеснула на Владимира негодующимъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ фиолетовыхъ глазъ.

— Да, да, вы правы Мери — воскликнулъ русскій князь. — Смотрите, джентльменъ я беру изъ моего выигрыша 80.000 долларовъ, принадлежавшихъ мнѣ раньше. Остальные деньги я оставляю на храненіе администраціи вашего вертепа. Тотъ кто найдетъ брилліантъ и доставитъ его мнѣ въ Hotel Bristol, мнѣ Князю Ингушеву, получитъ цѣликомъ всю сумму.

Всѣ — игроки, крупье, члены акціонерной игорной компаніи, администрація «Кровавой Мышеловки» всѣ приняли участіе въ поискахъ брилліанта, но онъ точно упалъ въ морскую пучину.

— Пойдемъ! — сказала повелительно женщина, обращаясь къ русскому.

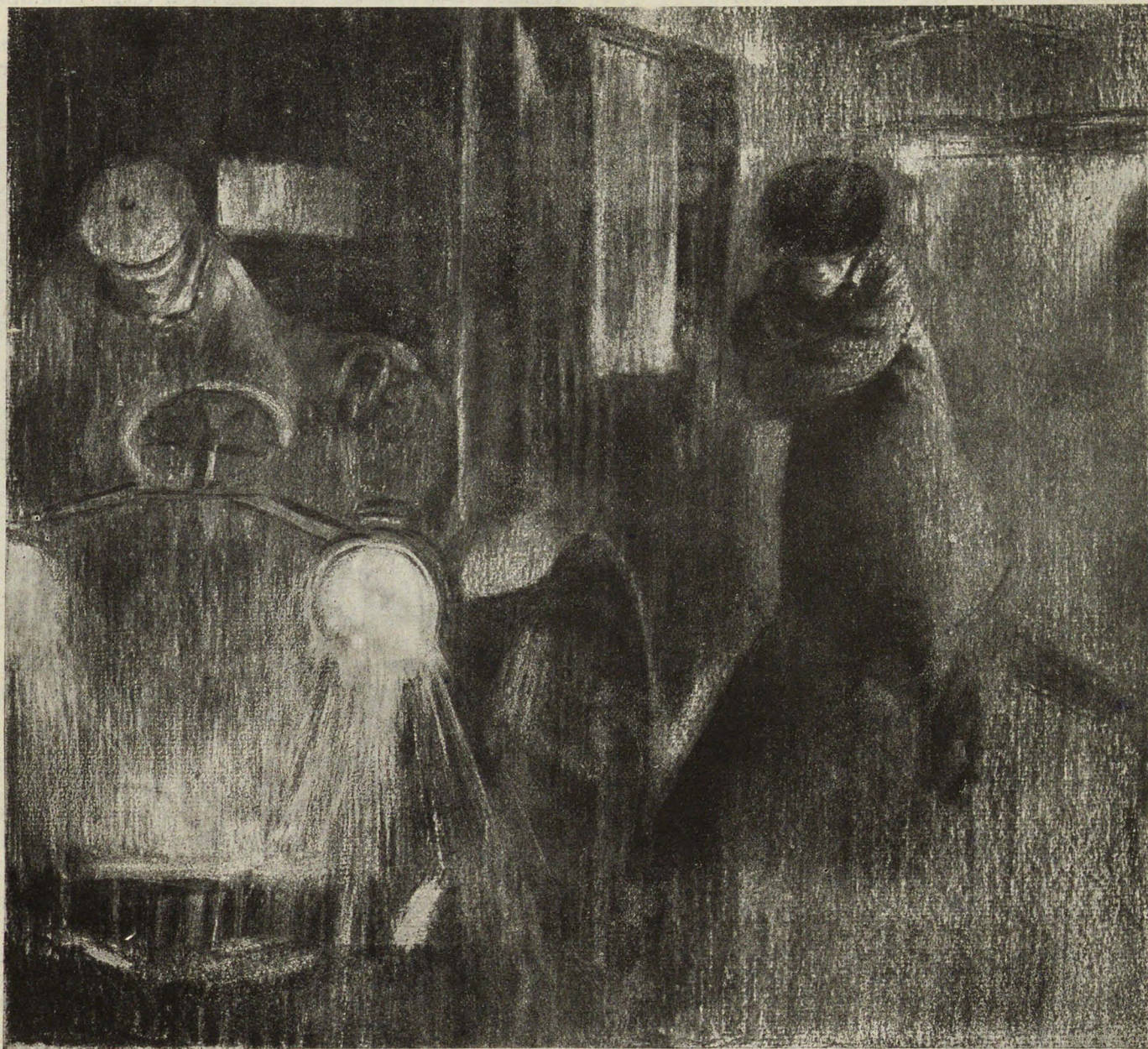
У крыльца ее дожидался автомобиль. И только, когда за ними съ трескомъ захлопнулась дверь, она обвила его прекрасными руками, прижалась къ его груди и расплакалась.

— Зачѣмъ ты не сохранилъ этого камня! — говорила она въ отчаяніи. — Мнѣ вовсе не жаль этой бездѣлушки. Я не сержусь, что ты мой самый интимный подарокъ поставилъ на этотъ грязный столъ...

— Прости меня! — прошепталъ Владимиръ, цѣлуя ея мягкіе волосы.

— Нѣтъ! повторяю, не сержусь на тебя. Но развѣ ты не могъ вспомнить, что съ этимъ камнемъ тѣсно связано наше счастье и наша жизнь. Развѣ ты не знаешь, сколько

Рис. Н. Герардога.

(Къ фантастическому коллективному роману „Синяго Журнала“).

...Молодой человекъ осторожно вынулъ изъ кармана дощечку съ номеромъ и ловкимъ движеніемъ прицѣпилъ ее, закрывъ прежній номеръ.

крови должно пролиться только отъ того, что брилліантъ не виситъ на твоей рукѣ, наконецъ, ты вѣдь самъ зналъ, что этотъ галиманъ приноситъ счастье только разъ въ жизни тому, кто его носитъ!.. И смотри: въ первый разъ за пять лѣтъ нашей разлуки мы прибѣгли къ его помощи, и вотъ онъ не обманулъ, принесъ тебѣ счастье... но какое? Нѣсколько смятыхъ бумажекъ, нѣсколько кучекъ металла, которые не нужны ни тебѣ, ни мнѣ... А вѣдь мы съ тобой не видались цѣлыхъ 5 лѣтъ и такъ стремились другъ къ другу и неужели напрасно?

Шестидесяти — сильный автомобиль мягко мчалъ ихъ по гладкому шоссе. Зарево электрическихъ огней сіяло вдали надъ Санъ-Франциско.

ГЛАВА IV.

ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКІЯ БУКВЫ.

А въ это время въ одномъ изъ самыхъ таинственныхъ и недоступныхъ кабинетовъ «Кровавой Мышеловки» происходила странная сцена.

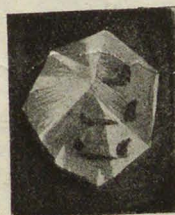
Недавній крупье, смурный венецианецъ съ разбой-

ничьимъ лицомъ, стоялъ, почтительно согнувшись передъ мужчиной, небрежно полулежавшимъ на диванѣ. Человека этого не было сегодня видно ни въ игровой, ни въ нижнихъ залахъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, бѣлокуръ, съ пушистыми свѣтлыми усами и холодными голубыми глазами. Несмотря на статское платье, въ немъ, по наружности и выправкѣ, угадывался переодѣтый военный.

— Я успѣлъ незамѣтно разогнуть ланки у серги, вынуть камень и спрятать его въ ротъ, — говорилъ по англійски испанецъ, протягивая загадочному гостю брилліантъ. — Возьмите его, ваша честь... Я знаю, что вы не оставите насъ безъ награды... Я не въ первый разъ служу вамъ...

— Какъ ты это сдѣлалъ? — спросилъ блондинъ.

— Какъ и всегда, ваша честь... Рядомъ со мною, если вы замѣтили... а я вѣдь видѣлъ, какъ вы нѣсколько разъ выглядывали изъ-за дверей... рядомъ со мною сидѣлъ очень сильный — гипнотизеръ... онъ

Камень съ таинственными знаками.

былъ въ сѣрыхъ очкахъ... Мое дѣло заключалось только въ

томъ, чтобы обыграть князя навѣрняка, а мистеръ Чильби усиленъ воли заставилъ его снять бриллиантъ.

— Хорошо — сказалъ отрывисто голубоглазый — можешь идти. — Кольцо останется у меня. Завтра ты получишь половину награды... Будь здѣсь же въ 11 часовъ вечера.

Испанецъ ушелъ. Незнакомецъ тотчасъ же досталъ изъ кармана лупу и принялся пристально разсматривать камень.

— Такъ и есть — прошепталъ онъ, покачавъ головой. Вотъ онъ этотъ странный знакъ, похожій на древне еврейскія буквы... И въ глубинѣ гравировки легкій слѣдъ сургуча. Да, я былъ правъ... Камень несомнѣнно служилъ печатью.

А. Купринъ.

ГЛАВА V.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЗАМЫСЕЛЪ.

— Но теперь не будемъ терять времени. — сказалъ голубоглазый блондинъ. — Выполнимъ все по намѣченному плану.

Онъ опустилъ камень въ жилетный карманъ, наглухо застегнулся, надѣлъ висѣвшее тутъ-же пальто, низко на глаза опустилъ широкия поля сомбреро и по узенькой витой лѣсенкѣ спустился на улицу.

Было совсѣмъ тихо и пусто въ этотъ поздній часъ. Ни одного кэба, ни одного прохожаго. Только на углу домовъ черезъ десять вырисовывался силуэтъ извозчичьяго автомобиля. Молодой человѣкъ тотчасъ и аправился къ нему, стараясь не стучать каблучками, чтобы подойти незамѣченнымъ.

Автомобиль былъ пустъ; на переднемъ сидѣннѣ дремалъ шофферъ.

Молодой человѣкъ осторожно вынулъ изъ кармана дощечку съ номеромъ, какія обыкновенно прикрѣпляются сзади между колесъ автомобилей и, ловкимъ движеніемъ прицѣпилъ ее, прикрывъ прежній номеръ. Затѣмъ подошелъ къ шофферу и гробомъ разбудилъ его.

— Долго-ли мнѣ еще будить васъ? Вамъ бы лучше спать у себя дома. Въ Ольдъ-Шинъ-Стритъ! Мимо стараго рынка. Живо!

Смущенный шофферъ пустилъ машину полнымъ ходомъ.

Когда они выѣзжали на ярко освѣщенную главную артерію ведущую изъ глухого Догъ-Стрита въ центральную часть Санъ-Франциско, какой-то преземистый человѣкъ, съ гапюшономъ на головѣ, точно поджидавшій ихъ посреди улицы, прокричалъ что-то вслѣдъ и, вынувъ книжку, тщательно, записалъ номеръ автомобиля.

Молодой человѣкъ, наблюдавшій за этой операцией черезъ окошечко экипажа, самодовольно усмѣхнулся и проговорилъ:

— Удачно! Ишейка пушена по ложному слѣду. Они завтра лопнутъ отъ бѣшенства, когда во всѣмъ городѣ не окажется автомобиля подъ номеромъ 1.232.323 Б.Б.Б.

ГЛАВА VI.

ЧЕРНАЯ САЛЛИ.

Минувавъ старый рынокъ, молодой человѣкъ приказалъ шофферу остановиться около небольшого грязнаго дома, съ облупившимися отъ сырости стѣнами и окнами, заколоченными гнилыми досками.

Получивъ деньги шофферъ отъѣхалъ настолько мед-

ленно, что молодому человѣку не составило большого труда отцѣпить свою нумерованную дощечку и снова спрятать ее въ карманъ.

Затѣмъ онъ постучалъ ногой въ окошко подвала условнымъ стукомъ. Такой же стукъ не замедлил отвѣтить ему изнутри подвала.

Минутой черезъ двѣ пріоткрылась калитка и старушечій голосъ пропихивалъ въ щелочку.

— Это ты пьяный Биль?

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Въ такомъ случаѣ это пьяный Бобъ?

Не дождавшись отвѣта старуха воскликнула уже вполне увѣреннымъ тономъ.

— Эге, да это самъ пьяный Дикъ! Входи-же старая обезьяна! Не держи меня на холоду, свинячій объѣдокъ.

Молодой человѣкъ усмѣхнулся и, толкнувъ дверцу, шагнулъ во дворъ.

Маленькій черный комокъ, державшій фонарь скрюченной бурой лапой, ахнулъ и присѣлъ отъ удивленія.

— Мистеръ Перси? Въ такую пору. Что случилось?

— Хорошо же ты меня принимаешь, черная Салли. Веди меня къ себѣ, да живо. Я по дѣлу.

Старуха быстро повернулась и покатила шарикомъ внизъ по лѣсенкѣ, освѣщая фонаремъ дорогу гостю.

Въ маленькой тѣсной каморкѣ, заваленной старымъ тряпьемъ и всякой дрянью, старуха усадила молодого человѣка на сундукъ и, поднявъ къ нему свое черное сморщенное личико, усиленно заморгала глазами, чтобы показать, что внимательно слушаетъ.

— Я пришелъ по важному дѣлу. Сама понимаешь, что въ такую пору по пустякамъ не приходятъ. Я знаю — ты предана мнѣ, ты меня выкормила и, навѣрное, не откажешь мнѣ въ томъ, что для меня такъ важно.

Старуха, не предвидя ничего хорошаго послѣ такого вступленія, скорчила плаксивую рожу и вздохнула.

— Я люблю тебя Перси, но я всегда боялась, когда ты начиналъ говорить, какъ пасторъ. Будучи еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, ты уже...

— Ну, не болтай. Некогда. Я пришелъ сюда... ну, словомъ, дѣло въ томъ, что мнѣ нужна твоя кожа.

— Моя кожа?

Старуха кинула бѣглый взглядъ на дверь, словно прицѣпляясь, успѣетъ ли она во время выпрыгнуть.

— На что господину кожа старой негритянки? На сапоги?

— Нѣтъ, не только на сапоги. Я весь долженъ быть чернымъ. Я долженъ стать къ утру негромъ. Если ты, старая вѣдьма, не съумѣешь сдѣлать изъ меня негра какими-нибудь мазями и красками, я просто на просто сдеру съ тебя кожу и облекусь ею. Такъ и знай.

— Моей кожи хватилъ бы господину только до пояса. Но перекрасить кожу господину я берусь такъ, что никто не узнаетъ. Когда у толстухи Бекки родился бѣлосый ребенокъ въ отсутствіи мужа, это вѣдь я его подбросила. Да какъ хорошо! Только одинъ разъ въ годъ приходилось подновлять, пока отецъ его не померъ. А тамъ отчистился мѣломъ съ укусомъ...

— Я такъ и зналъ, что ты на всѣ руки мастеръ, старая хрычевка. Живо за работу. Мнѣ нужно къ утру хорошенько просохнуть. Ты мнѣ раздобудешь подходящее платье. ну да объ этомъ послѣ. А теперь живо за работу.

Тэффи.

Продолженіе романа въ слѣд. номерѣ: глава VII Тэффи — „Самъ себѣ лакей“ и начало дальнѣйшаго текста I. I. Ясинскаго, въ который входятъ слѣд. главы: Глава VIII. Небоскребъ въ Гилл-Микетъ. Глава IX. Еще нечто-таинственное. Глава X. Даже нѣчто легендарное. Глава XI. Продолженіе легенды. Глава XII. Къ Боксу! Глава XIII. Боксомъ. Глава XIV Эпоха Соединенныхъ Метлъ. Глава XV. Опять бриллиантъ.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолия Каменскаго, Тэффи, В. И. Немуровича-Данченко, А. А. Измайлова, А. И. Будищева, И. И. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, I. I. Ясинскаго, и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

И. И. Ясинский.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинский,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Глѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.,
съ „послѣсловіемъ“
Вас. Регинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна и Тэффи.

Въ мрачныхъ трущобахъ Санъ-Франциско въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ идетъ азартнѣйшая игра. Проигравъ всѣ наличныя деньги (болѣе 80,000 дол.) капитанъ русскаго судна, кн. Ингушевъ ставитъ на табло вмѣсто денегъ золотую серьгу съ драгоценнымъ камнемъ, и „убиваетъ“ банкъ. Князю выплачиваютъ 230,000 дол., но поставленнаго брилліанта, не смотря на обѣщанную княземъ награду, найти не могутъ. Брилліантъ исчезъ...

Вошедшая въ это время женщина требуетъ, чтобы кн. немедленно ѣхалъ съ ней изъ притона и дорогой упрекаетъ спутника за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, дорогой для нея, какъ талисманъ, приносящій счастье.

Пропавшій брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка Перси, быть можетъ, знавшаго тайну трехъ буквъ, выгравированныхъ на камнѣ. Смуглый испанецъ сумѣлъ незаметно взять со стола брилліантъ и спрятать въ ротъ, а потомъ передалъ его Перси, который во время игры въ игорныхъ залахъ не былъ. Сейчасъ-же послѣ кражи съ разными предосторожностями Перси пробирается на другую окраину города и въ темномъ подвалѣ проситъ свою старую няньку, негритянку Салли, выкрасить его въ черныя цвѣта, чтобы походить на негра.

— Ты на всѣ руки мастеръ, старая хрычевка! Живо, за работу. Мнѣ нужно къ утру хорошо просохнуть. Ты мнѣ раздобудешь подходящее платье, ну да объ этомъ послѣ. А теперь живо за работу!.. И блѣдный Перси превращается въ негра Тома Квика.

ГЛАВА VII. САМЪ СЕБѢ ЛАКЕЙ.

Мистриссъ Хау-Дэвисъ только что встала и, приколовъ съдыя булки, пила утренній кофе, когда ей доложили, что пришелъ, наконецъ, тотъ негръ-лакей, котораго она такъ давно ожидала.

— Пусть войдетъ, это очень важно, — сказала мистриссъ Хау-Дэвисъ и откинулась на спинку кресла.

— Васъ нанялъ мой сынъ? — спросила она вошедшаго въ комнату высокаго стройнаго негра въ зеленой форменной курткѣ съ золотыми пуговицами.

— Да, сударыня. Мистеръ Перси приказалъ мнѣ явиться сюда еще недѣлю тому назадъ. Я виноватъ, что такъ запоздалъ, но по контракту долженъ былъ дослужить у стараго хозяина.

— Не въ томъ дѣло, что вы опоздали, — перебила его старая леди, — а въ томъ, что я хочу поскорѣе узнать, гдѣ теперь мой сынъ Перси. Онъ ушелъ по какому-то дѣлу двѣ

недѣли тому назадъ и съ тѣхъ поръ никто его не видѣлъ.. На-дняхъ я получила отъ него коротенькую записку. Онъ сообщаетъ мнѣ, что пришлетъ сюда слугу негра, которому проситъ доверитъ уборку его комнатъ. Письмо было безъ штемпеля и безъ даты. Нашли его въ ящикѣ для газетъ. Ничего не понимаю.

— Я не знаю сударыня, гдѣ теперь находится мистеръ Перси. Онъ нанялъ меня въ Филадельфи. Я ничего не знаю. Зовутъ меня Томъ Квикъ, къ услугамъ вашей милости.

Леди разматривала новаго слугу въ лорнетъ и думала:

«Онъ строенъ и гибокъ, но какая неодолимая пропасть отдѣляетъ этихъ звѣроушекъ отъ насъ. Въ каждомъ его движеніи есть что-то наглое и виѣтъ съ тѣмъ рабское. Не даромъ Богъ вселилъ въ насъ это могучее стихійное отвращеніе къ чернымъ. Бррр... И какой отвратительный запахъ отъ этихъ людей.»

— Идите, милый мой, вамъ покажутъ комнаты моего сына. Держите ихъ въ порядкѣ.

Новый лакей поспѣшно вышелъ и, не требуя указаній при-слуги, прошелъ на половину молодого барина.

Если бы старая леди подматривала за нимъ, она была бы очень удивлена его поведеніемъ. Вмѣсто того, чтобы убирать и мести полъ, онъ взялъ съ туалетнаго стола бритву и, засучивъ панталоны на лѣвой ногѣ, сдѣлалъ легкій надрѣзъ надъ самымъ колѣномъ. Крови почти не вышло.

Затѣмъ, вынувъ изъ жилетнаго кармана какой-то маленькій твердый предметъ и засунувъ его подъ кожу. Доставъ двѣ стальные булавки, онъ съ ловкостью хирурга соединилъ края ранки и залилъ ихъ колодіемъ.

— Черезъ три дня заростетъ — прошепталъ онъ, утирая холодный потъ, выступившій на лбу отъ боли. — Такъ спокойно. А теперь пора и за дѣло.

Тэффи.

— Я ничего не знаю... Зовутъ меня Томъ Квикъ... Къ услугамъ вашей милости...

ГЛАВА VIII. НЕБОСКРЕБЪ ВЪ ГИЛЛЬ-МИКСТЪ.

На вновь проложенной широкой улицѣ Гиль-Микстъ возвышался небоскребъ—громадное двадцативосьмизатное зданіе, свимокъ съ котораго въ свое время былъ напеча-

Онъ съ ловкостью хирурга соединилъ края ранки и залилъ ихъ колодіемъ (см. стр. 2).

танъ во всѣхъ лучшихъ міровыхъ ежедневныхъ. Роскошный лифтъ поднималъ и опускалъ жильцовъ небоскреба съ феноменальною быстротою. Въ описываемое же утро лифтъ былъ пущенъ съ такой силой на высоту двадцать-восьмого этажа, что, когда онъ достигнулъ конца, пассажиры, мистеръ Спрингъ, почти въ обморочномъ состояніи вбѣжалъ въ мастерскую знаменитаго художника Шеррисона и хриплымъ голосомъ закричалъ:

— Виски!

Въ мастерской было нѣсколько человѣкъ—все первоклассныя свѣтила американской палитры: огромный Диплокъ, крохотный Краббъ, красивая рыжеволосая Бетти, завитой, черный, какъ жукъ, Ньюкомъ Друмбамумъ, веселый русскій эмигрантъ—Калина и еще нѣсколько другихъ знаменитостей.

На мольбертѣ стояло длинное полотно, а вокругъ круглаго стола размѣстилось высокое художественное собраніе и наслаждалось завтракомъ.

Хозяинъ мастерской Шеррисонъ добродушно поглядывалъ на товарищей и угощалъ ихъ настоящими русскими яйцами. Какъ извѣстно, въ Америкѣ нѣтъ натуральныхъ яицъ. Страшное зло фальсификаціи захватило въ Америкѣ и яйца въ свои цѣпкія руки. Яйца, которыми угощалъ метръ Шеррисонъ, были недоварены, вылиты въ общую миску и, смѣшанные съ солью, подсушенными гренками и благовоннымъ ямайскимъ ромомъ, представляли собою привлекательное блюдо, которое веселый Калина немедленно прозвалъ «вали-все-въ-кучу».

— Поль-моль—старался онъ перевести по англійски.

Когда мистеръ Спрингъ—извѣстный репортеръ газеты «Желтый Калифорніецъ»—задыхаясь, потребовалъ виски, зѣвъ повернули въ его сторону голову и единогласно спросили:

— Что случилось?

— Виски!—повторилъ Спрингъ и упалъ на табуретку.

Но виски уже не было. Все было выпито. Шеррисонъ взялъ пробку отъ виски и далъ ее понюхать Спрингу. Репортеръ закрутилъ носомъ, чихнулъ нѣсколько разъ и пришелъ въ себя.

— Случилось, мистеры, нѣчто изъ ряда вонъ выходящее, — началъ онъ. — Вчера въ «Кровавой Мышеловкѣ» потерялъ брилліантъ, и объ этомъ шумитъ сегодня вся калифорнійская пресса. Брилліантъ принадлежалъ русскому капитану. Поразительно богаты эти сѣверные варвары!

— Ваше обобщеніе, Спрингъ, оскорбляетъ мое патріотическое чувство, — сказалъ Калина.

— Какое тамъ патріотическое чувство! — вскричалъ Спрингъ. — Я самъ изъ Бердичева! А вотъ предложено сто пятьдесятъ тысячъ долларовъ тому, кто найдетъ и доставитъ брилліантъ!

— Огромное состояніе,—сочувственно проворчали великіе художники.

— «Но этого мало. Я былъ вчера въ «Кровавой Мышеловкѣ» по почетному билету, да имѣлъ глупость уйти какъ разъ передъ тѣмъ, какъ началась исторія. Я было подумалъ, что конкуренты «Желтаго Калифорніца» придумали всю эту галиматью, чтобы насолить намъ на розничной, продажѣ. Но общій голосъ утверждаетъ, что происшествіе, описанное въ газетахъ, въ высшей степени правдиво. Скажите,—изъ васъ, можетъ быть, кто былъ въ «Кровавой Мышеловкѣ» послѣ меня?

Художники вопросительно переглянулись.

— Ахъ, сто пятьдесятъ тысячъ, сто пятьдесятъ тысячъ!—со стономъ проговорилъ Спрингъ и, изнемогая, закричалъ:—глубокоуважаемый Шеррисонъ, дайте мнѣ еще немножечко понюхать.

Шеррисонъ подалъ ему пробку отъ виски и еще разъ привелъ въ чувство.

Спрингъ продолжалъ:

— Въ «Кровавой Мышеловкѣ» вы всѣ просаживаете громадные деньги... На «Кровавую Мышеловку» уходять авансы, забранные вами не только отъ калифорнійскаго музея, у милліардера Гульда, у милліардера Фульда, у милліардера Зульда и у множества другихъ; но даже вы ухитрились задолжать «Кровавой Мышеловкѣ»... И какъ васъ утормозило все-таки пропустить вчерашній вечеръ и не быть свидѣтелями такого грандіознаго, такого геніальнаго и такого по истинѣ нелѣпаго событія... Ахъ, сто пятьдесятъ тысячъ, сто пятьдесятъ тысячъ! Ахъ, сѣверные варвары! Ахъ, мои глупые бывшіе соотечественники, небережущіе сокровищъ, которыми великодушная судьба надѣляетъ ихъ!

Спрингъ закрылъ лицо руками и искренно горевалъ. Онъ нагналъ тоску даже на веселаго Калину.

ГЛАВА IX.

ЕЩЕ НѢЧТО ТАИНСТВЕННОЕ.

Первый нарушилъ тягостное молчаніе Шеррисонъ.

— Чортъ ихъ дери сто пятьдесятъ тысячъ! — вскричалъ онъ—Эка, невидаль! Присядемъ, товарищи, хорошенько за нашу картину, и милліардеръ Дульдъ заплатитъ намъ за нее ровно столько же.

— А, у васъ новый заказъ, почтенны мистеры? — спросилъ Спрингъ, надѣлъ на носъ пенснэ и сталъ смотрѣть на полотно, на которомъ были написаны ухо, рука и сапогъ. Остальная часть полотна представляла собою еще пустое мѣсто.—Я хорошенько не понимаю, — продолжалъ Спрингъ:—что же это будетъ?

— Картина,—отвѣчалъ Шеррисонъ—и пребогшая. Мистеру Дульдѣ захотѣлось имѣть ее. Насъ тринадцать знаменитостей, а при добромъ желаніи—можно собрать и больше народа. По его замыслу, картину начинаютъ одинъ, продолжаетъ второй, третій, четвертый, пятый, и потомъ кто нибудь заканчиваетъ. Къ уху, нарисованному мной, придѣлаетъ щеку мистеръ Крабъ, а къ щекѣ мистера Краба приставитъ носъ миссъ Бетти. Животъ сдѣлаетъ мистеръ Диплокъ, а мистеръ Калина пришьетъ другую необходимую часть тѣла. И такъ понемножку составитъ цѣлое, а потомъ мистеръ Дульдъ повѣситъ картину въ своей столовой и съ гордостью будетъ говорить:—вотъ оно великое американское искусство... А, это не то, что какой нибудь тамъ Рѣпинъ или варваръ Тургеневъ!

— Рѣпинъ, положимъ, живописецъ, а Тургеневъ — былъ такой романистъ,—возразилъ Спрингъ.—Вообще русскіе особенные люди. Но великое американское искусство... О, дѣйствительно, это еще нѣчто небывалое! Картина — микстъ!

Онъ досталъ изъ кармана карне и написалъ замѣтку для «Желтаго Калифорніца». Кончивъ писать, онъ сказалъ:

— А что же будетъ, однако, съ брилліантомъ?

И изляся за цилиндръ.

— Не уходи, Спрингъ, я скажу тебѣ нѣсколько словъ о бриллиантѣ, — сказалъ Шеррисонъ, устремивъ взглядъ въ пространство. — Обстоятельства, при какихъ, какъ видно изъ твоего сообщенія, проявилъ свою чудодѣйственную силу бриллиантъ русскаго капитана, заставляетъ меня подозревать, что я—я Шеррисонъ — когда то былъ его первымъ владѣльцемъ. Да, я обладалъ подобнымъ же камнемъ — если не имъ самимъ. У меня былъ бриллиантъ, и сравнительно не такъ давно, чистѣйшей воды и вѣсомъ около десяти каратъ. Вообще, что такое бриллиантъ? Хорошенькій камешекъ и больше ничего. Но бриллиантъ, который у меня былъ—такого другого нѣтъ. Въ немъ была особая вода, блескъ, игра, и онъ долго не хотѣлъ разставаться со мной. Я таскалъ его по всевозможнымъ притонамъ и забы-

Рис. Н. Ле ард-ва.

...И открывъ колоссальное окно, сталъ у рѣшетки балкона, висящаго надъ бездной, и вскричалъ: о ты, безъ котораго жизнь моя потускнѣла, вернись ко мнѣ хоть на короткое время, странный, божественный, сверкающій камень!

валъ въ жалкихъ тавернахъ. Но подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ онъ возвращался ко мнѣ. Было въ немъ что-то таинственное, магическое, непонятное, и на одной его грани нацарапаны были какіе-то знаки. Я не силенъ въ этой тарабарщинѣ и не могъ прочитать. Но пока былъ камень со мною, онъ волновалъ меня, терзалъ, заставлялъ жить какою-то высшей жизнью, и, въ то же время, я былъ чертовски счастливъ съ нимъ. Я жилъ тогда въ Европѣ. Россія, Англія, Франція, Германія, Италія — были наполнены громомъ моего имени. Меня сравнивали съ Рубенсомъ. Золото звенѣло въ моихъ карманахъ. Мои картины расхватывались по бѣшеннымъ цѣнамъ. Первые красавицы бросались мнѣ на шею. Но я бѣжалъ отъ своего счастья и, самъ не зная почему, топталъ въ грязь свой бриллиантъ. Наконецъ, я попалъ какъ-то въ матросскій кабачекъ въ Марсели, пропьянствовалъ цѣлую ночь. Какой то русскій матросикъ, повидимому, не придавая камню никакой цѣны, а ради золота, стащилъ его у меня съ пальца и съ тѣхъ поръ я сталъ Шеррисонъ, потому, что бриллиантъ ко мнѣ больше не возвратился. Разсердился на меня. Правда, и подъ этимъ псевдонимомъ я сталъ извѣстенъ въ Америкѣ, но все же—увы, ушелъ отъ меня мой бриллиантъ—мой настоящій, великій, мой гениальный бриллиантъ.

Красивая Бетти повернула къ Шеррисону лицо и сказала:

— Полно, товарищъ, рассказывать сказки, пора приниматься за дѣло, потому, что хотя яйца, которыми вы насъ угостили, и настоящія, все же намъ нужно каждый день вкушать что-нибудь болѣе существенное, и кстати нѣтъ ни капли виски въ мастерской. А бриллиантъ къ вамъ вернется, какъ только вы станете работать.

— Возможно—и я былъ бы радъ. Онъ такъ же нуженъ русскому капитану, какъ собакѣ пятая нога. А безъ него мнѣ чего-то не достаетъ и, кажется — Шеррисонъ шелкнулъ пальцами:—судя по волненію, которое я сталъ испытывать еще со вчерашняго дня—онъ близко. Онъ зоветъ меня къ себѣ.

Ньюкомбъ Друмбамбумъ засмѣялся и сказалъ:

— Ты бы позвалъ его лучше къ себѣ.

— Пусть онъ бы приползъ къ тебѣ! — вскричалъ огромный Диплокъ.

Шеррисонъ, на котораго порядкомъ, очевидно, подействовалъ уже ямайскій ромъ съ яйцами въ смятку, — тоже засмѣялся, самъ наполовину не вѣря въ свой рассказъ о чудесномъ бриллиантѣ и, отворивъ колоссальное окно, сталъ у рѣшетки балкона, висящаго надъ бездной, и вскричалъ:

— О ты, безъ котораго жизнь моя потускнѣла, вернись ко мнѣ хоть на короткое время, странный, божественный, сверкающій камень!

Вѣтеръ, всегда господствующій на высотахъ небоскреба, съ силой захлопнулъ окно, какъ бы въ отвѣтъ, и потряслась мастерская.

Но былъ ли это отвѣтъ отрицательный или положительный?

І. І. Ясинскій.

Продолженіе романа въ слѣд. номерѣ. Глава X. Даже нѣтъ, легендарное. Глава XI. Продолженіе легенды. Глава XII. Къ Боксу!.. Глава XIII. Боксомъ. Глава XIV. Эпоха Соединенныхъ Метлъ. Глава XV. Опять бриллиантъ.

Коллективный фантастическій романъ «Синія Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будичева, П. П. Глѣбича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, І. І. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Гас. Регинина.

И. И. Ясинский.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинский,
Анат. Каменский,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.,
съ „необходимымъ
послѣдствиемъ“
Вас. Регинина.

?

Въ слѣдующемъ номерѣ
будетъ опубликована фа-
милиа автора, продолжаю-
щаго главы И. И. Ясинскаго.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи и И. И. Ясинскаго.

Въ мрачныхъ трущобахъ Сант-Франциско въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ идетъ азартный игра. Проигравъ всѣ наличныя деньги (болѣе 80,000 дол.), капитанъ русскаго судна, кн. Ингушевъ, ставитъ на tavolo вмѣсто денегъ золотую сергу съ драгоцѣннымъ камнемъ, и „убиваетъ“ банкъ. Князю выплачиваютъ 230,000 дол., но поставленнаго брилліанта, несмотря на общанную княземъ награду, найти не могутъ. Брилліантъ исчезъ...

Вошедшая въ это время женщина требуетъ, чтобы кн. немедленно всталъ съ ней изъ притона и въ автомобиль упрекаетъ спутника за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, дорогой для нея, какъ талисманъ, приносящій счастье.

Пропавшій брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка Перси, быть можетъ, знавшаго тайну трехъ буквъ, выгравированныхъ на камнѣ. Сей часъ же послѣ кражи, поставивъ фальшивый № на нанятый имъ уличный автомобиль, Перси пробирается на другую окраину города, гдѣ въ темномъ подвалѣ старая нянька, негритянка Салли, краситъ Перси въ черный цвѣтъ, благодаря чему Перси превращается въ совершеннѣйшаго негра.

Подъ видомъ лакея, онъ нанимается къ своей-же матери убирать комнаты ш-г-а Перси и „вышиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день художники, задавшіеся цѣлью нарисовать коллективный портретъ, узнаютъ отъ репортера Спринга о пропажѣ въ „Кровавой Мышеловкѣ“ драгоцѣннаго камня. Живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ, что этотъ камень когда то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье.

Разсказавъ объ этомъ, онъ засмѣялся, самъ наполюину не вѣря въ свой разсказъ о чудесномъ брилліантѣ, и, отворивъ колоссальное окно, сталъ у рѣшетки балкона, висѣящаго надъ бездною, и вскричалъ:

— О ты, безъ котораго жизнь моя потускнѣла, вернись ко мнѣ хоть на короткое время, странный, божественный, сверкающій камень!

ГЛАВА X.

ДАЖЕ НѢЧТО ЛЕГЕНДАРНОЕ.

— Все это начинается становиться такимъ интереснымъ кошмаромъ, что я еще побуду у васъ немножко, господа, потому что надо-же и мнѣ что нибудь заработать въ своемъ „Желтомъ Калифорнійцѣ“, — сказалъ Спрингъ, поставивъ цилиндръ на табуретку и вооружившись карандашомъ.

— Скажите, глубокоуважаемый Шеррисонъ, какимъ же образомъ достался вамъ этотъ странный брилліантъ, о которомъ вы изволили намъ разсказать?

— Тоже чудесная исторія, и настолько избитая въ то же время, что было бы смѣшно ей не повѣрить, — сказалъ Шеррисонъ. — Слушай, Спрингъ. Когда я родился, и мать лежала еще въ постели, а я, спеленатый, оралъ во все горло въ своей колыбелькѣ, вошла миссъ, чрезвычайно легко одѣтая, несмотря на то, что была зима, и сказала: „Извините, миссисъ, что я вошла безъ доклада. Надѣюсь, вы не испугались; я одна изъ девяти особъ, давно уже занимающихся благотворительностью: мы раздаемъ новорожденнымъ талисманы.“ Мать подумала, что ей это снится. И она поэтому спокойно спросила: „Что же, леди, вы добрая фея?“ — а она отвѣчала: — «я лучше доброй феи, потому что я — муза». И тутъ она повѣсила кольцо съ этимъ брилліантомъ надо мною. Я, какъ увидѣлъ — задрогалъ ножками и распеленался, сталъ веселъ и здоровъ, и когда мать, наклонившись ко мнѣ, чтобы поцѣловать меня, подняла глаза, незнакомка исчезла. Подарокъ же ея продолжалъ висѣть въ колыбелькѣ и преподавалъ мнѣ первые уроки наблюдательности. Говорили потомъ, что это приходила къ больной матери моей безумная дочь одного еврейскаго банкира, дѣлавшаго огромныя дѣла въ городѣ. Но, когда я выросъ и сталъ носить брилліантъ, мнѣ пріятнѣе было думать, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, подаренъ мнѣ музою...

XI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЕГЕНДЫ.

— Все? — спросилъ Спрингъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Шеррисонъ.

— Если на брилліантѣ русскаго капитана имѣется тарабарская надпись — какъ мнѣ говорили, древне-еврейская — то вопросъ разрѣшается просто. Камень мой и никакихъ. Впрочемъ, я узналъ-бы его изъ тысячи. А присутствіе еврейской надписи объясняется такъ — и находится, какъ видишь, Спрингъ, въ связи съ предположеніемъ, что щедрой музой моей была, въ самомъ дѣлѣ, дочь того банкира — по

имени Гашъ, родственника Ротшильдовъ. Кто-то изъ древнихъ Ротшильдовъ — это случилось, кажется, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія — выдавалъ замужъ свою дочку или внучку за одного изъ предковъ Гашъ; у Ротшильда же искони хранился брилліантъ съ таинственной надписью. Старику пришла мысль заказать тысячу такихъ точно брилліантовъ и склеить изъ нихъ свадебный кубокъ, а на свадьбу пригласить ровно тысячу гостей. Такимъ образомъ, кубокъ состоялъ изъ подлиннаго камня и девяти сотъ девяноста копій — тоже брилліантовъ, но нѣсколько другой воды и не столь древнихъ. Было преданіе, что древній камень принадлежалъ еще царю Соломону и приносилъ ему счастье. Овладевъ имъ императоръ Титъ, и всѣ тѣ римскіе императоры, къ которымъ брилліантъ переходилъ, тоже были счастливы. Онъ прошелъ множество рукъ и осыпалъ множество герцоговъ, князей, королей и рыцарей, пока однимъ изъ нихъ не былъ заложенъ у Ротшильдовъ. Разумѣется, выкупленъ не былъ. Исторію камня предварительно разсказавъ своимъ гостямъ Ротшильдъ, о которомъ идетъ рѣчь, и когда новобрачные отпили изъ кубка, развѣивъ разбилъ его, и онъ легко разсыпался на составные камни. По особой счастливой случайности, неразлучной съ камнемъ, о чемъ старику, конечно, зналъ, брилліантъ попалъ въ руки его внучки, а остальные камни, лишенные, такъ сказать, благодати и имѣвшіе только цѣнность, расхвачаны были гостями. Между нами — это былъ царственный жестъ; а будь у меня состояніе Ротшильда, я бы и не такіе еще жесты выкинулъ. Ну, да однимъ словомъ, камень перешелъ въ родъ Гашей и достался той барышнѣ, которая вообразила себя музой и подарила его мнѣ.

— Теперь все? — спросилъ Спрингъ.

— Прибавлять, кажется, больше нечего, сказалъ Ньюкомбъ Друмбамбумъ.

— Дайте мнѣ, милый Шеррисонъ, еще послѣдній разъ понюхать пробку! — попросилъ Спрингъ.

— А что, сильная марка закручена? — освѣдомился огромный Диплокъ и поднесъ кулакъ къ лицу репортера съ свойственной ему фамильярностью (онъ происходилъ изъ прландскихъ семинаристовъ).

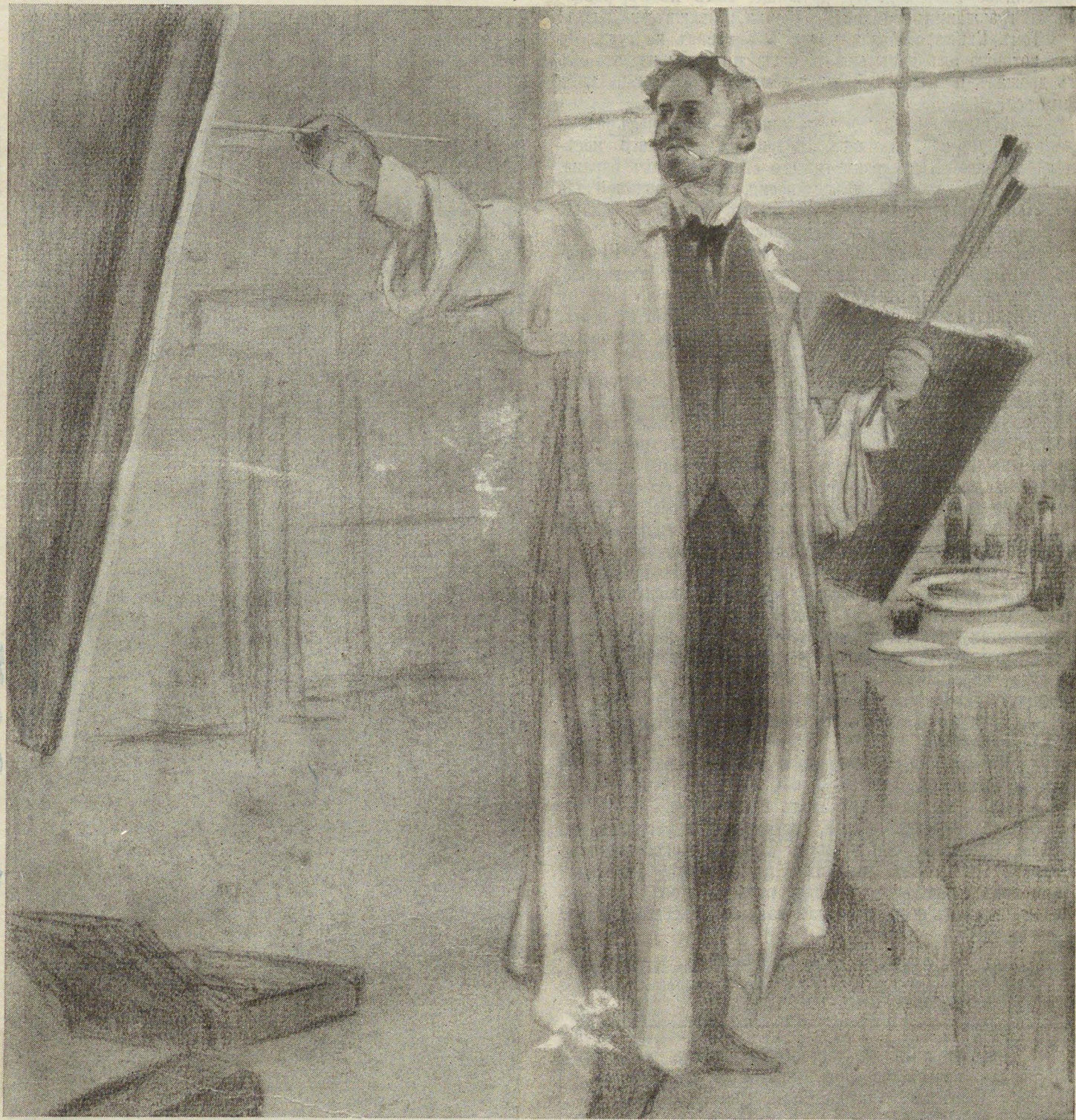
— Ой! — закричалъ Спрингъ.

XII.

КЪ БОКСУ!

— Ой! — закричалъ черный, какъ уголь, высокій и стройный негръ, появившійся въ дверяхъ мастерской, въ красной ливрѣ и въ бѣломъ жабо.

Рис. Н. Герардова.

(Из коллективному фантастическому роману).

Художникъ мистеръ Шеррисонъ за работой.

Оба—Спрингъ и негръ—столкнулись и смотрѣли другъ на друга съ выраженъемъ недоумѣнія.

— Здѣсь докторъ?—спросилъ негръ съ лицомъ, искаженнымъ отъ боли.

— Здѣсь!—крикнулъ маленькій Краббъ, который, дѣйствительно, когда-то былъ студентомъ медицинского факультета въ Филадельфій и уже научился рвать зубы, но сдѣлался художникомъ, потому что незначительный ростъ его не внушалъ довѣрія пациентамъ, а между тѣмъ онъ былъ честолюбивъ и жаждалъ вниманія и восторговъ толпы, чего легче всего добиться, всецѣло отдавшись американскому искусству:—здѣсь!

Спрингъ оглянулся на Крабба и покачалъ головой. Знаменитый хирургъ Боксъ жилъ рядомъ. Но подозрѣвая, что художественная богема намѣрена разыграть какой-нибудь

фарсъ, Спрингъ махнулъ рукой и поспѣшилъ къ лифту, спустился на мостовую съ еще большей стремительностью, чѣмъ поднялся, и исчезъ въ сутолокѣ дѣлового калифорнийскаго дня.

Краббъ важно спросилъ, увидѣвъ надъ собою страдальческое лицо негра:

— Чѣмъ могу служить?

— Я Томъ Квикъ,—отвѣчалъ негръ.

— Я вижу, что вы Томъ Квикъ, если вамъ угодно имъ быть, но что у васъ болитъ?

— Я хочу сѣсть — я не могу стоять,—жалобно произнесъ негръ.

— Садитесь, Томъ Квикъ, чортъ васъ побери!—нетерпѣливо вскричалъ Шеррисонъ подходя: — и расскажите, чѣмъ вы больны, какъ можно скорѣе, а затѣмъ я напишу

вашу богомерзкую харю, такъ какъ почувствовалъ къ вамъ необъяснимое влеченіе... Ну, дружище, Томъ Квикъ, равноправный гражданинъ великой республики, развяжите-ка языкъ!

Томъ Квикъ сообразилъ, что онъ попалъ не туда. Но боль, которую онъ испытывалъ, была такъ сильна, что онъ весь дрожалъ и близокъ былъ къ обмороку; сѣлъ и не могъ подняться.

— Не шутите, будьте сострадательны, — простоналъ онъ. — Я — въ мастерской великаго Шеррисона, обычнаго посетителя Кровавой Мышеловки, гдѣ его стригутъ, какъ барана, и пользуются имъ въ то-же время, какъ рекламой для привлеченія иностранцевъ. Въ глубинѣ души я, однако, всегда питалъ къ нему самыя нѣжныя чувства.

— Честное слово, знакомая морда! вскричалъ Шеррисонъ и, пронзивъ Квика пронизательнымъ взглядомъ, продолжалъ: — Ба, пріятель, я встрѣчалъ васъ не разъ въ нижнихъ залахъ Мышеловки... Художника трудно провести. Но скажите, къ чему этотъ маскарадъ? Я думаю, вы не изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ что-нибудь проста.

— Тише, пожалуйста! — простоналъ онъ, устремивъ свои свѣтлые, какъ у сваренной рыбы, умирающіе отъ страданія глаза на Шеррисона. — Что, если романъ? Если страсть? Зачѣмъ разоблачать до поры до времени? Всемогущему случаю угодно было бросить меня къ вамъ, и я ошибся дверью, но будьте же милосердны помогите мнѣ встать и, усвоивъ себѣ, что я только Томъ Квикъ, проводите къ вашему сосѣду Боксу.

— Нашъ товарищъ Краббъ не лжетъ, называя себя докторомъ, сказалъ громадный Диплокъ свирѣпо.

— Стой, Диплокъ — не трогай его! Онъ человекъ! съ важностью сказалъ Шеррисонъ. — Развѣ не видишь, что онъ страдаетъ? Довѣрьтесь, Томъ Квикъ, диагнозу мистера Крабба, потому что не даромъ же онъ былъ специалистомъ по удаленію молочныхъ зубовъ у дѣтей школьнаго возраста. Онъ сразу опредѣлитъ, въ какой степени нуждается вы въ медицинской помощи.

— И за это возьметъ не очень дорого, — сказалъ Ньюкомбъ Друмбамбумъ.

— Но что у меня болитъ, я не могу сказать... моя тайна! вскричалъ Квикъ.

— Дама, выйдите! приказалъ Шеррисонъ.

Красивая Бетти встала, покраснѣла и удалилась на балконъ. Старый и бѣлый, какъ лунь, цеховой мастеръ малярнаго дѣла, изъ бывшихъ итальянцевъ, Гирландао Белини тоже вышелъ на балконъ, такъ какъ онъ былъ отъ природы скромнѣе и предпочиталъ дамское общество мужской откровенности.

Продолженіе романа въ слѣд. номерѣ. Глава XII. Боксомъ. Глава XIII. Къ Боксу! Глава XIV. Эпоха Соединеннаго Метля. Глава XV. Опять брилліантъ.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будичева, И. П. Гибдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, И. И. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

— Ой! — закричалъ черный, какъ уголь, высокій и стройный негръ, появившійся въ дверяхъ мастерской, въ красной ливрѣ и въ бѣломъ жабо.

ВОКРУГЪ СВѢТА НА АВТОМОБИЛѢ.

На этой недѣлѣ изъ Петербурга выѣзжаетъ въ кругосвѣтное путешествіе на автомобиль баронъ Остенъ-Сакенъ, уже пропутешествовавшій пѣшкомъ по Японіи, Сѣверной Америкѣ, Западной Европѣ и Россіи. Баронъ Остенъ-Сакенъ пошелъ на пари съ какимъ-то спортсменомъ... Согласно условію онъ не имѣетъ права брать съ собою въ далекій путь ни копѣйки денегъ, и все необходимое для дороги обязанъ заработать именно въ пути. Между тѣмъ, расходы по путешествію на автомобиль нельзя назвать незначительными: масло, бензинъ, содержаніе путешественниковъ, (вдуть: баронъ, его супруга, шоферы и контролеръ „Синяго Журнала“ г. Полянинъ). Редакція „Синяго Журнала“ нѣсколько о легчаетъ расходы отважнаго путешественника — принимая на себя содержаніе шофера. Баронъ Остенъ-Сакенъ обо всѣхъ происшествіяхъ, приключеніяхъ и злоключеніяхъ согласился давать подробныя корреспонденціи въ „Синій Журналъ“. Редакція „С. Ж.“ надѣется, что баронъ, человекъ американской складки, — не остановится ни передъ какими препятствіями, — и выполнитъ всѣ условія пари, т. е. пройдетъ на своей великолыльной машинѣ назначенный маршрутъ: Петербургъ, Москва, Томскъ, Владивостокъ, Японія, Южная Америка, Африка (съ юга на сѣверъ) — Россія. Способы заработка отважнымъ барономъ Остенъ-Сакеномъ въ пути средствъ для полнаго осуществленія своей затѣи — редакцію „Синяго Журнала“ не интересуютъ...

I. I. Ясинский.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
I. I. Ясинский,
Анат. Каменский,
В. И. Немирович-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Готтапенко
и др.
съ „необходимымъ послѣдствіемъ“
Вас. Регинина.

Въ этомъ № закончены главы I. I. Ясинскаго. Въ слѣдующемъ номерѣ будетъ напечатано продолженіе романа — главы Анатоля Каменскаго.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи и I. I. Ясинскаго.

Въ мрачныхъ трущобахъ Санъ-Франциско въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ капитанъ русскаго судна кн. Ингушевъ проигрываетъ всѣ наличныя деньги и ставитъ вмѣсто денегъ на табло золотую серьгу съ драгоценнымъ камнемъ. Бриллиантъ приноситъ ему счастье: банкъ сорванъ. Но бриллиантъ со стола исчезъ.

Вошедшая въ это время женщина требуетъ, чтобы князь немедленно ѣхалъ съ ней изъ притона и въ автомобиль упрекаетъ спутника за то, что онъ поставилъ на карту бриллиантъ, дорогой для нея, какъ талисманъ, приносящій счастье.

Пропавшій бриллиантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка Перси, быть можетъ, знавшаго тайну трехъ буквъ, выгравированныхъ на камнѣ. Сейчасъ же послѣ кражи, поставивъ фальшивый № на нанятый имъ уличный автомобиль, Перси пробрается на другую окраину города, гдѣ въ темномъ подвалѣ его старая нянька, негрятка Салли, краситъ Перси въ черный цвѣтъ, благодаря чему Перси претворяется въ совершеннѣйшаго негра.

Подъ видомъ лакея, онъ занимается къ своей-же матери убирать комнаты м-га Перси и „вышиваетъ“ украденный бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ. Въ этотъ же день художники, задавшіеся пѣлюю нарисовать коллективный портретъ, узнаютъ отъ репортера Спринга о пропажѣ въ „Кровавой Мышеловкѣ“ драгоценнаго камня. Живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, давъ ему славу и счастье.

Когда онъ лежалъ еще въ люлькѣ, пришла какая-то миссъ, назвавшаяся благотворительницей и повѣсила бриллиантъ на люльку. Впоследствии выяснилось, что миссъ была безумная дочь еврейскаго бакара Гама, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственной надписью... Было преданіе, что онъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ много рукъ герцоговъ, королей, князей и рыцарей и назвавшійся Томомъ Квикомъ. Здѣсь ему предлагаетъ помощь бывший студентъ медицины, мистеръ Краббъ.

— ...Но что у меня болѣтъ, я не могу сказать, — это моя тайна!... — заявляетъ Квикъ. Натурщица Ветти выходитъ на болконъ...

XIII. БОКСОМЪ.

— Ну-съ? — произнесъ Шеррисонъ.

— Напрасно вы удалили даму, — простоналъ Квикъ: — и мужчинамъ не могу я открыть своего секрета.

— Въ чемъ же дѣло? — вскричали художники и обступили его со всѣхъ сторонъ.

— Сѣры! Мнѣ нужно сильное болеутоляющее средство. Я скрежещу зубами. Въ надколѣнномъ суставѣ у меня ревматизмъ — довольно съ вастъ? Слово тысяча вперѣ вонзилась мнѣ въ колѣно. Палачъ сверлитъ мнѣ колѣно стальнымъ, раскаленнымъ до красна буравчикомъ. Клянусь — не вынесу... Пощады! Милосердія! Состраданія! Каплю какой нибудь проклятой или святой воды! Брызните! Сходите же за Боксомъ, если не можете меня перенести къ нему. Съ каждой минутой дѣлается хуже... Черти! Хулиганы! Бокса! Бокса! Мнѣ нуженъ Боксъ, какъ глотокъ воздуха!

— Ахъ, бѣдный! — вскричалъ Шеррисонъ. — Получи, голубчикъ.

И внезапно ткнулъ кулакомъ въ колѣно, на которое негръ или, вѣрнѣе, искусственный негръ указывалъ пальцемъ, разливаясь въ жалобахъ и проклятіяхъ.

Стеклянные своды мастерской огласились душураздирающимъ воплемъ. Даже краска, которой было вымазано лицо этого загадочнаго человѣка, поблѣднѣла. Онъ весь затрепеталъ и опрокинулся навзничъ, упавъ съ табурета. Сквозь его сѣрыя панталоны, натянутыя какъ трико на стройныя ноги, заструилась кровь съ лѣваго колѣна. Маленькій, твердый предметъ, испуская въ лучѣ солнца, упавшемъ на небоскребъ со страшной высоты, ослѣпительно радужный блескъ, покотился по паркету мастерской. Сердце Шеррисона радостно запрыгало.

— Я говорилъ, говорилъ, что онъ близко! — закричалъ онъ внѣ себя отъ восторга. — Узналъ его! Мой!

Страданіе лежавшаго въ обморокѣ негра всемі были забыты — художники бросились ловить драгоценный камень, прыгавшій, какъ прыгаетъ утренняя звѣзда въ глазахъ поэта, возвращающагося навеселѣ отъ своей возлюбленной въ предразсвѣтныя часъ.

И вдругъ, о горе! о ужасъ! никто еще не наклонился къ камню, еще всѣ суетились въ разныхъ направленіяхъ, гоняясь за нимъ, еще въ глазахъ горѣлъ отблескъ роскошной звѣзды — вотъ вотъ — стоило протянуть только руку, и

драгоценность была бы поймана, какъ вдругъ бриллиантъ исчезъ. Съ такой быстротой не погасаетъ утренняя звѣзда. Рѣшительно ни одна звѣзда не гаснетъ такъ скоро. Это было нѣчто невѣроятное и странное. Бриллиантъ исчезъ, художники растерянно посмотрѣли другъ на друга и опять принялись искать его — напрасно: его не было больше.

Шеррисонъ схватился за голову.

XIV. ЭПОХА СОЕДИНЕННЫХЪ МЕТЛЪ.

Все-же художники успокоились и прекратили поиски, а Томъ Квикъ исчезъ; онъ очнулся, освободившись отъ мучившей его боли. И возможно, что онъ какимъ-то непонятнымъ образомъ вновь завладѣлъ бриллиантомъ. Эта мысль пришла всѣмъ въ голову, и первый Шеррисонъ махнулъ рукой и вскричалъ: «Гдѣ наше не пропадало!»

Но странное возбужденіе не проходило у знаменитаго мастера. Онъ схватилъ кисть, величиною съ метлу и, какъ копьемъ, обмокнувъ ее въ горшокъ съ краской, со всей силы ударилъ въ полотно. Товарищи стали любоваться мастерствомъ Шеррисона. Стало дышать полотно. На немъ задвигались и загорѣлись колоритныя пятна, закричала живая жизнь, съ полотна начали смотрѣть настоящіе человѣчьи глаза, и сверкать великолѣпныя американскія небеса, какія можно только видѣть въ С. Франциско.

Постепенно присоединились къ работѣ другіе художники. Каждый взялъ по такой же метлѣ, какою вооруженъ былъ Шеррисонъ. Краска полилась, какъ симфонія. Ньюкомъ Друмбамбумъ бросалъ берлинскую лазурь, маленький Краббъ лилъ крапъ-лакъ, Калина — веселую веронскую зелень, огромный Диплокъ — индѣйскую желтую, красивая Бетти — розовую золотистую, бывший итальянецъ Гирландао Белини вонзалъ стиль — де — грэнъ. Пахло лакомъ, скипидаромъ, нефтью.

Къ вечеру картина была кончена.

А на другой день взлетѣлъ на лифтѣ Спрингъ взглянуть на чудное произведеніе великихъ художниковъ и въ третьемъ вечернемъ выпускѣ «Желтаго Калифорнійца» напечаталъ хвалебную рецензію.

На третій день, чуть свѣтъ, въ мастерскую вбѣжала толпа импрессарио, и среди нихъ былъ знаменитый Барнумъ. Завязался торгъ, дошедшій чуть не до драки. Барнумъ

* См. „Синій Журн.“ №№ 14, 15, 16 и 17.

Рис. Н. Н. Герардова.

(Из коллективному фантастическому роману „Синего Журнала“)

... Художники бросились ловить драгоценный камень. ...

побѣдилъ, и ему досталось право выставить картину. Огромныя деньги заплачены были нашимъ художникамъ. Цѣлую недѣлю сходилъ съ ума великій городъ, любуясь картиной, написанной съ такой невѣроятной быстротой. Американское искусство восхвалялось и возносилось. Потомъ пріѣхалъ миллиардеръ Дульдъ и увезъ картину въ свою виллу. Золотой дождь пролился на Шеррисона и его товарищей. А Барнумъ, зашибивъ копѣйку на выставкѣ, предложилъ художникамъ, слава которыхъ достигла апогея, совершить съ нимъ еще кругосвѣтное путешествіе и публично показывать свое искусство въ циркахъ. Принципъ раздѣленія труда въ мастерствѣ живописи производилъ, вообще, потрясающее впечатлѣніе на весь міръ. Вздвигался занавѣсъ, художники выстраивались въ шеренгу и подъ музыку, на глазахъ у самыхъ строгихъ критиковъ, приходившихъ въ ярость и восхищеніе, въ полчаса заканчивали самую сложную картину. Историки искусства уже отмѣтили «эпоху соединенныхъ метлъ».

XV.

ОПЯТЬ БРИЛЛАНТЪ.

Счастье ни на секунду не покидало Шеррисона и его компаньоновъ. И онъ уже подумывалъ о разоблаченіи своего псевдонима. Грандіозныя планы роились въ его тені-

альной головѣ, пылкая же фантазія маститаго друга его Гирландао Белини поддерживала его повышенное настроеніе.

Рѣшено было вернуться на своей собственной яхтѣ въ С. Франциско и приобрести небоскребъ въ улицѣ Гилль-Микстъ.

Оркестръ музыки гремѣлъ на пристани, когда Шеррисонъ съ товарищами возвратились изъ своего историческаго путешествія. Городъ С.—Франциско утопалъ въ завровыхъ вѣнкахъ и гирляндахъ изъ благовонныхъ вѣтвей пихтъ—въ честь американскихъ геніевъ. Художники оставились въ лучшей гостиницѣ «Для холостяковъ».

Послѣ веселаго и пышнаго банкета, даннаго имъ благодарнымъ обществомъ и высшей администраціей въ Национальномъ Домѣ, художники почти уже на разсвѣтѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Снимая съ себя ботинки, знаменитый Шеррисонъ съ прискорбіемъ замѣтилъ, что онѣ почти отказываются служить. Вообще великій человѣкъ былъ небреженъ къ своему костюму. Онъ кстати вспомнилъ, что это тѣ самыя ботинки, которыя онъ купилъ и надѣлъ еще до страннаго событія, случившагося въ его мастерской, когда внезапно ворвался къ нему загадочный Томъ Квизъ, и появился и исчезъ волшебный брилліантъ. Шеррисонъ посвисталъ и нажалъ кнопку.

Вошелъ слуга высокій, стройный.

— Возьмите эти ботинки, мой милый, и чтобы завтра

утромъ у меня были новыя, для чего вы должны отправиться въ фирму Горфортъ и К^о и выбрать мнѣ точно такія же... Поняли?

— Слушаю, сэръ.

— Превосходно, а старыя ботинки дарю вамъ.

— Благодарю васъ, сэръ,—съ насмѣшкой въ голосѣ, произнесъ лакей, лицо котораго показалось знакомымъ Шеррисону.

Но когда онъ, пожелавъ Шеррисону покойной ночи, вышелъ въ корридоръ и критически сталъ осматривать ботинки, то увидѣлъ на одной изъ стоптанныхъ подошвъ необычайно яркій маленький гвоздикъ, блестящій при свѣтѣ электричества. Удивившись, что бываютъ такіе гвозди, лакей ковырнулъ его ногтемъ, и открылась вся шляпка гвоздика, глубоко сидѣвшего въ мякоти подошвы изъ буйволовой кожи. Еще больше заинтересованный своимъ открытіемъ, лакей досталъ перочинный ножикъ и взрѣзалъ подошву.

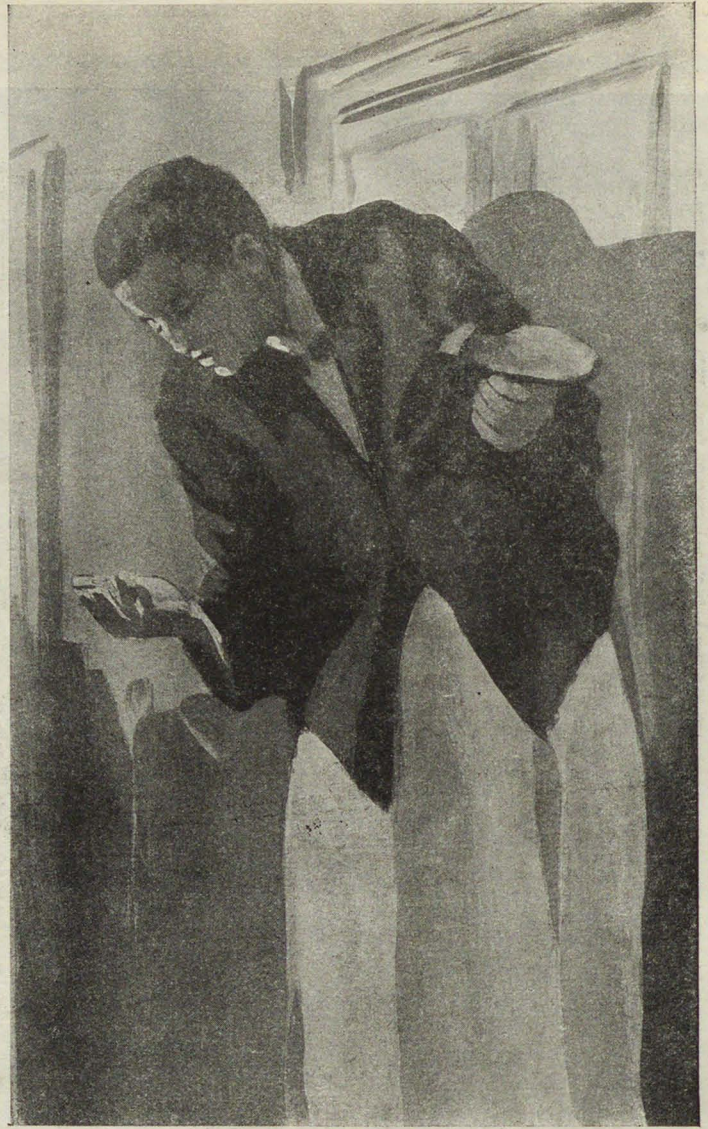
Великолѣпный, крупный брилліантъ упалъ на его ладонь.

Но вернемся къ прерванному разсказу о русскомъ каштанѣ князѣ Ингушевѣ, очаровательной красавицѣ въ бальномъ платьѣ, проникшей въ «Кровавую Мышеловку», не смотря на запретъ впускать женщинъ въ этотъ страшный притонъ, и о дальнѣйшихъ похожденияхъ загадочнаго блондина съ холодными голубыми глазами.

І. Ясинскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Главы, написанныя Анат. Каменскимъ: XVI—Баронесса, XVII. Загадочная серъга, XVIII—Вахтенный Федоръ, XIX—Кинематографъ „Завтрашній день“, XX—Торжество фотографіи, XXI—Неслыханный покупатель, XXII—Братская кровь, XXIII—Микроскопъ мистера Перси, XXIV—Донесеніе поручика Персина.

... Великолѣпный, крупный брилліантъ упалъ на его ладонь.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. П. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. П. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будищева, П. П. Гнѣдича, П. Н. Потанинко, В. А. Тихонова, І. І. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

Вокругъ свѣта на автомобилѣ.

Баронесса фонъ-дербъ Остенъ-Сакенъ. Контролеръ «Синяго Журнала» г. Полянинъ. Баронъ фонъ-Остенъ-Сакенъ.

Завтра отправляется въ кругосвѣтное путешествіе на автомобилѣ баронъ Остенъ-Сакенъ, пари котораго заинтересовало нашъ журналъ, отправляющаго въ путешествіе съ барономъ своего контролера...

Всѣ приготовленія къ далекой и трудной дорогѣ окончены.

Автомобиль, одинъ изъ лучшихъ въ СПБ. по своей конструкціи и размѣру, — уже въ полной „боевой“ готовности.

Путешественникъ баронъ фонъ-дербъ Остенъ-Сакенъ надѣется, что специально заказанныя шины, безъ сомнѣнія, вынесутъ и ухабистую „Владимірку“, и сибирскія дебри, и африканскія непроходимыя пески и топи.

Баронъ заявилъ намъ:

„Изъ моего лексикона я уже давно вычеркнулъ слова:

— «Могу»... «Не могу»...

Я замѣнилъ ихъ другими. «Хочу!» «Не хочу!»

Путешествіе мое началось словомъ: Хочу!..

И оно должно быть доведено до конца.

Слово свое я всегда сдержу“.

Баронъ выѣзжаетъ 24 апрѣля. «Стартъ» у ред. «Синяго Журн.» (Фонтанка, 80) въ 11 час. утра. Проводы на Исаакиевской площади между 11 и 12 ч. дня.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

съ „необходимымъ
послѣсловіемъ“
Вас. Регинина.

Анатолій Каменскій.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи и И. И. Ясинскаго.

Въ мрачныхъ трущобахъ Санъ-Франциско въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ капитанъ русскаго судна кн. Енгушевъ проигрываетъ всѣ на- личныя деньги и ставитъ вмѣсто денегъ на табло золотую сергу съ драгоцѣннымъ камнемъ. Бриллиантъ приноситъ ему счастье: банкъ сорванъ. Но бриллиантъ со стола исчезъ.

Вошедшая въ это время въ вертепъ, куда женщинамъ не было доступа, красавица требуетъ, чтобы князь немедленно ѣхалъ съ ней изъ притона, и въ автомобиль упрекаетъ спутника за то, что онъ поставилъ на карту бриллиантъ, дорогой для нея, какъ талисманъ, приносящій счастье.

Пропавшій бриллиантъ оказался у нѣкоего молодого человека Перси, быть можетъ, знавшаго тайну трехъ буквъ, выгравированныхъ на камнѣ. Сейчас же послѣ кражи, поставивъ фальшивый № на нанятый имъ уличный автомобиль, Перси пробрается на другую окраину города, гдѣ въ темномъ подвалѣ его старая нянька, негритянка Салли, перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ, благодаря чему Перси превращается въ совершеннѣйшаго негра.

Полъ видомъ лакея, онъ занимается къ своей-же матери убирать комнаты м-г-а Перси и „выисываетъ“ украденный бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ, въ кругу пріятелей, увѣряетъ, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье.

Когда онъ лежалъ еще въ люлькѣ, пришла какая-то миссъ, назвалась благотворительницей и повѣсила бриллиантъ на люльку. Впослѣдствіи выяснилось, что миссъ была безумная дочь еврейскаго банкира Гаши, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственной над- писью... Было преданіе, что онъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ много рукъ герцоговъ, королей, князей и рыцарей и приносилъ всѣмъ счастье, какъ принесъ его и художнику Шеррисону. Во время разсказа художника въ комнату входитъ, ошибившись этажемъ, больной негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ и проситъ, обезсиленный мучительной болью въ колѣнѣ, помощи.

Худ. Шеррисонъ нечаянно ударяетъ негра по ногѣ, и отъ этого удара выскакиваетъ изъ колѣна пропавшій бриллиантъ, катится по полу и вновь без- слѣдно исчезаетъ. Въремя поисковъ скрывается и „мнимый“ негръ. Но съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ продаетъ картину и становится снова знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, что онъ все время носилъ бриллиантъ съ собой: камень вѣззалъ въ подошву его сапога, который художникъ, не зная того, подарилъ своему лакею.

Здѣсь авторъ послѣднихъ главъ романа опять возвращаетъ читателя къ кн. Енгушеву и его прекрасной спутницѣ, ѣдущимъ на автомобиль.

(См. главы А. И. Куприна.)

ГЛАВА XVI.

БАРОНЕССА.

— Забудь на минуту о камнѣ: это слишкомъ тебя волнуетъ,—сказалъ князь Енгушевъ,—объясни мнѣ, куда ты везешь меня и какъ ты меня разыскала? Кто выпустилъ тебя въ этотъ ужасный вертепъ?

— Ахъ, это ужасно просто, — внезапно оживляясь заговорила молодая женщина.—Три дня тому назадъ въ Вашингтонѣ было получено извѣстіе о стоянкѣ твоего крей- сера въ гавани Санъ-Франциско. Я случайно зашла къ мужу въ посольство, и мнѣ попалась на глаза газетная замѣтка. Въ ту же минуту у меня созрѣлъ планъ пріѣхать сюда подъ предлогомъ переговоровъ съ одной изъ здѣшнихъ бумаго-прядильныхъ фабрикъ по дѣламъ благотворительнаго общества, гдѣ я предсѣдательствую. Мужъ, конечно, согла- сился, — ему и въ голову ничего не пришло. Нѣсколько часовъ тому назадъ прямо съ экспресса я отправилась на твой крейсеръ и разспросила у команды, гдѣ ты можешь быть. Меня направили въ «Бристоль» къ твоему вахтен- ному Офодору, нашему вѣрному Офодору, и онъ привезъ меня къ тебѣ.

— Но какъ тебя выпустили?

— Мнѣ Офодоръ сообщилъ твой пароль: «Сѣверный Орелъ», и всѣ двери раскрылись сами собою.

— А гдѣ Офодоръ?—съ безпокойствомъ спросилъ князь Енгушевъ.

— Онъ очень торопился куда-то и просилъ передать тебѣ, что будетъ въ назначенномъ мѣстѣ.

— Ахъ, да, слава Богу,—успокоенно произнесъ князь,—ну, а куда ты меня везешь теперь?

— И это очень просто: черезъ бюро на вокзалѣ я наняла по телефону небольшой особнякъ въ предмѣстьѣ Санъ-Франциско: ради нашего общаго блага я не рискнула остановиться въ отелѣ. Боже мой, черезъ какихъ-нибудь пять минутъ мы снова будемъ вмѣстѣ, совсѣмъ одни, и никто не помѣшаетъ нашему украденному у судьбы счастью. Когда же наконецъ оно будетъ неизмѣнно нашимъ, когда прекратятся наши страданія, и исполнится заветная мечта?... Ахъ, съ сегодняшняго дня я уже боюсь вѣрить въ это,—докончила она съ тоскою.

И, прильнувъ къ нему на грудь, она снова безутѣшно арыдала.

ГЛАВА XVII.

ЗАГАДОЧНАЯ СЕРГА.

— Бѣдная моя, бѣдная!—страдающая за баронессу гово- рилъ князь Енгушевъ, и вдругъ у него забилося сердце отъ внезапно мелькнувшей въ головѣ мысли.

Если для розысканія исчезнущаго бриллианта князь готовъ пожертвовать жизнью, если онъ вѣритъ въ то, что камень не можетъ не найтись, то неужели всемогущій Богъ не проститъ ему временной лжи, направленной къ благу любимой женщины? Правда, онъ никогда до сихъ поръ ни въ чемъ не обманывалъ своей Маріи, и у него не было отъ нея тайнъ, кромѣ одной, единственной, величайшей тайны. Но эту тайну онъ не въ правѣ раскрыть даже духовнику. Нѣтъ, онъ долженъ успокоить Марію, и эта первая и послѣдняя ложь еще сильнѣе укрѣпитъ его въ рѣшимости во что бы то ни стало разыскать бриллиантъ.

— Успокойся, моя дорогая,—говорилъ князь, нѣжно отстраняя отъ своей шеи руки баронессы,—нашъ талисманъ не пропадетъ, онъ съ нами, онъ никогда не покинетъ насъ.

Молодая женщина сразу пришла въ себя.

— Ты шутишь, Владиміръ! Какъ тебѣ не стыдно шутить этимъ!

— Посмотри,—сказалъ Енгушевъ, разтегивая одной рукою палто и туго накрахмаленную грудь сорочки, а другою ища выключателя отъ маленькой лампочки въ потолкѣ автомобиля.

И черезъ мгновеніе вспыхнувшее электричество освѣ- тило вытянутую изъ-за сорочки тонкую золотую цѣпь и висящую на ней вмѣстѣ съ крестомъ золотую сергу съ бриллиантомъ чистѣйшей воды—точь въ точь такую, какая была брошена княземъ Енгушевымъ на игорный столъ.

— А знаки, знаки?—взволнованно говорила Марія.

Бережно поддерживая за плечи молодую женщину, князь приподнялся вмѣстѣ съ ней, притянулъ камень къ самому хрустало лампочки, и, несмотря на трепетное пока- чиванье автомобиля, баронесса различила на одной изъ граней бриллианта знакомые потемнѣвшіе знаки.

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17 и 18.

Рисунок С. Чехонина

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“)

Въ автомобилѣ. Князь Енгушевъ и баронесса.

— Ну, а какъ же тотъ, пропавшій брилліантъ?—все еще не вѣря своимъ глазамъ, спрашивала она.

— О, это былъ дубликатъ. Очень хорошій, дорогой брилліантъ, но съ поддѣльными буквами. Годъ тому назадъ, послѣ одного покушенія на кражу нашего дорогого талисмана, я сталъ носить его на груди вмѣстѣ съ крестомъ, а къ браслету прицепилъ поддѣлку, чтобы ввести въ заблужденіе будущихъ воровъ.

— Милый, милый,—уже радостно щебетала баронесса,—какъ это остроумно, ты прямо воскресилъ меня. Ахъ, скоро ли мы приѣдемъ домой...

И она впиалась въ его губы нетерпѣливо-страстнымъ поцѣлуемъ.

Автомобиль оставовился у роскошнаго одноэтажнаго особняка въ одномъ изъ фешенебельныхъ предмѣстій Санъ-Франциско.

ГЛАВА XVIII.

ВАХТЕННЫЙ ӨЕДОРЪ.

Подъ утро, когда молодая женщина, утомленная перажитыми потрясеніями и ласками князя Енгушева, сладко спала, князь, осторожно ступая по драгоценному пушистому ковру, подошелъ къ маленькому столику изъ розваго дерева и быстро написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько словъ.

Потомъ онъ одѣлся, вышелъ на улицу, сѣлъ въ тотъ же шестидесятисильный автомобиль и приказалъ:

— Hôtel Bristol, какъ можно скорѣе!

И всю дорогу, пока онъ ѣхалъ, мрачная, тревожащая тѣнь лежала на его смугломъ лицѣ. Въ блѣсватыхъ утреннихъ сумеркахъ автомобиль домчалъ его по пустыннымъ улицамъ до отеля. Съ полдюжины швейцаровъ, бодрствовавшихъ, несмотря на столь ранній часъ, проводило его почтительными поклонами до площади бѣль-этажа.

— Васъ ждутъ!—коротко сказалъ послѣдній изъ нихъ.

— Я знаю,—отвѣчалъ князь, быстро шагая къ своему №.

Человѣкъ съ широкой бородой и типичнымъ матросскимъ лицомъ, одѣтый въ великолѣпное бѣлье и безукоризненную черную пару, открылъ ему дверь.

— Ужасный день, Өедоръ!—сказалъ Енгушевъ, садясь на диванъ,—я расскажу послѣ, докладывай, что у тебя.

— Удача, ваше сіятельство,—улыбаясь и обнаруживая здоровые сплошные зубы, говорилъ вахтенный Өедоръ. —Я проводилъ къ вамъ баронессу въ 12 часовъ, а въ четверть перваго я уже стоялъ на углу Догъ-Стрита и главной аллеи пиктъ. Въ половинѣ перваго изволили проѣхать съ баронессой вы, а минутъ такъ черезъ 20 промчался тотъ автомобиль. Мнѣ удалось записать №. Вотъ онъ.

— Давай сюда, — сказалъ князь, — однако довольно странный №... 1.232. 323. Б. Б. Б.,—медленно прочиталъ онъ. Ты не ошибся-ли, Өедоръ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, было свѣтло, да и дощечка совсѣмъ новенькая.

— Ну, хорошо, — сказалъ Енгушевъ — телеграммъ изъ Россіи нѣтъ?.. Это меня очень удивляетъ. Я хочу спать. Подробно поговоримъ потомъ. Пока выслушай распоряженія. Прежде всего узнать, чей автомобиль. Затѣмъ усилить дежурство на улицѣ Догъ-Стрита. Вотъ эти десять тысячъ дай Егорову, пусть всю завтрашнюю ночь будетъ въ «Мышеловкѣ» и немного играетъ для виду. Я приѣду ровно въ 12 часовъ. Подозрителенъ субъектъ въ сѣрыхъ очкахъ. Ну, иди съ Богомъ. Вернешься черезъ 4 часа и разбудишь меня. Что ты такъ смотришь? Что съ тобой?..

— Батюшки!.. Господи!—съ ужасомъ вскричалъ матросъ.

— Что такое?—перенугался князь.

Рис. С. Чехонина.

(Изъ коллективному роману „Синяго Журнала“).

...„Ужасный день, Өедоръ,—сказалъ Енгушевъ, садясь на диванъ,—я расскажу послѣ. Докладывай, что у тебя“...

— Браслетъ... браслетъ... — лепеталъ вахтенный Өедоръ,—серьга баронессы... брилліантъ...

— Успокойся,—сухо произнесъ Енгушевъ,—объ этомъ поговоримъ завтра. Брилліантъ найдется... Онъ случайно затерялся въ «Мышеловкѣ». Я объявилъ въ награду 150 тысячъ. Ну, ступай.

Анатолій Каменскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Главы, написанныя Анат. Каменскимъ: Кинематографъ „Завтрашній день“, XX.—Торжество фотографіи, XXI.—Неслыханный покупатель, XXII.—Братская кровь, XXIII.—Микроскопъ мистера Перси, XXIV.—Донесеніе ротмистра Персина.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будичева, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, И. И. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Ретинина.

По окончаніи главъ
Анатоля Каменскаго,
будетъ печататься про-
долженіе романа Ар-
кадія Аверченко.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:
А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

съ „необходимымъ
послѣсловіемъ“
Вас. Регинина.

Анатолій Каменскій.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи и І. І. Ясинскаго.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ, проигрываетъ всѣ наличныя деньги. Ставитъ на табло сергу съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ сорванъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Енгусева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упрекаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Постлѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предвѣрительно, его №. 1.232.323. В.В.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятника Салли перекрашиваетъ Перси въ черныя цвѣта. Подъ видомъ лакея — негра, онъ занимается къ своей матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колѣнку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гама, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ извѣстить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (вѣрзавшійся въ подошву сапога), съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему наблю-
дать за посѣтителемъ „Кровавой Мышеловки“.

ГЛАВА XIX.

КИНЕМАТОГРАФЪ «ЗАВТРАШНІЙ ДЕНЬ».

Негръ Томъ Квикъ, онъ же мистеръ Перси, выбѣжавъ изъ мастерской великаго художника Шеррисона, тотчасъ же разыскалъ квартиру хирурга Бокса, который промылъ ему сулемовымъ растворомъ ничтожную ранку надъ колѣномъ и забинтовалъ ее. Увидавъ на клочкахъ марли, и на своихъ собственныхъ пальцахъ, явные слѣды растворившейся въ сулемѣ черной краски, хирургъ весело подмигнулъ Тому Квику, похлопалъ его по плечу и произнесъ:

— Эге!

Но Тому Квику было не до шутокъ, и онъ, быстро сунувъ доктору золотой, выбѣжалъ вонъ. На душѣ у него скребли кошки. Маскарадъ оказался очень и очень ненадежнымъ, и, послѣ улыбочекъ художника Шеррисона и хирурга Бокса, сетавалось только придумать что-нибудь поостроумнѣе. Но чтобы соскоблить съ себя черноту, придется потратить массу драгоценнаго времени на путешествіе къ негрятникѣ Салли. Между тѣмъ, черезъ какихъ-нибудь пятьдесятъ минутъ, Тому Квику уже надо быть въ самомъ центрѣ Санъ - Франциско, къ улицѣ Бродвей, въ популярнѣйшемъ изъ кинематографовъ, подъ названіемъ «Завтрашній день», гдѣ у него назначено свиданіе съ испанцемъ-крупье изъ Кровавой Мышеловки. Хорошо бы къ тому же потерѣться въ толпѣ и послушать, что говорятъ послѣ утреннихъ газетъ о вчерашнемъ происшествіи съ брилліантомъ.

— Была не была, — сказалъ самому себѣ Томъ Квикъ, — все равно 2—3 часа моему инкогнито ничто не угрожаетъ: князь Енгусевъ ищетъ днемъ съ огнемъ несуществующій автомобиль, а брилліантъ находится чортъ знаетъ гдѣ. Въ концѣ концовъ, мнѣ и не очень нуженъ самый брилліантъ.

Сегодня мягкая солнечная погода, и улицы Санъ-Франциско въ это предобѣденное время наполняла пестрая флагирующая толпа, тѣснившаяся у дверей кафе, кинематографовъ и всевозможныхъ музеевъ. Еще издали, пробираясь съ помощью локтей къ кинематографу «Завтрашній день», Томъ Квикъ разсмотрѣлъ цѣлый рядъ кричащихъ разрисованныхъ плакатовъ, а среди нихъ одинъ, особенно заинтересовавший его. Между двумя громадными, указующими перстами было изображено:

Къ пребыванію русскаго крейсера въ гавани
Санъ-Франциско.

Уходъ эскадры изъ Кронштадта.

Въ длинномъ, пропитанномъ сигарнымъ дымомъ залѣ, безостановочно шло представленіе, и публика входила и выходила, постепенно измѣняясь и пополняясь. Изрѣдка, между отдѣленіями программы, вспыхивали двѣ люстры и освѣщали сидѣвшихъ вплотную на скамейкахъ людей всѣхъ оттѣнковъ кожи — мужчинъ въ небрежно заломленныхъ котелкахъ и женщинъ съ огромными шляпами на колѣняхъ.

Войдя въ залъ, Томъ Квикъ прежде всего поискалъ глазами испанца изъ Мышеловки и нашелъ его. Какъ разъ въ этотъ моментъ раздался апплодисменты, и на экранѣ появился Кронштадтъ. Побѣжали волны, и въ отдаленіи показалась флотилія изъ 3-хъ крейсеровъ и нѣсколькихъ миноносцевъ. Вотъ и крейсеръ князя Енгусева. Крейсеръ шелъ бокомъ на публику и на Тома Квика и какъ-то непомѣрно быстро росъ. На капитанскомъ мостикѣ, вмѣстѣ съ двумя другими офицерами, опираясь рукой на тонкій барьеръ, стоялъ и не то щурилъ глаза отъ солнца, не то улыбался Енгусевъ.

Съ быющимъ сердцемъ вematривался Томъ Квикъ, онъ же мистеръ Перси, въ столь знакомую ему высокую фигуру, и вдругъ чуть не вскрикнулъ: ему показалось, что онъ видитъ на рукѣ князя...

Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, это было бы слишкомъ счастливой случайностью... Несомнѣнно, это только показалось...

ГЛАВА XX.

ТОРЖЕСТВО ФОТОГРАФИИ.

Не успѣлъ Томъ Квикъ напрячь свой взоръ, какъ на экранѣ мелькнула какая-то темная пелена, и крейсеръ князя Енгусева, уменьшившись разъ въ 50, уже плылъ гдѣ-то на горизонтѣ, оставляя за собой бѣлый волнистый слѣдъ.

— Чортъ побери! — вертается отъ бѣшенства на своемъ мѣстѣ, думалъ Томъ Квикъ, — придется еще проторчать здѣсь часа полтора, пока картину покажутъ снова.

Онъ разыскалъ испанца и какъ бы мимоходомъ повелительно бросилъ ему:

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18 и 19.

Рисунок О. Чеханина.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнал“)

Въ кинематографъ „Завтрашній день“.

— Въ отдаленіи показалась флотилія изъ 3-хъ крейсеровъ и миноносцевъ...

— Я здѣсь. Очень важное дѣло. Жди распоряженій.

Потомъ занялся изученіемъ публики и подслушиваніемъ разговоровъ. О пропажѣ брилліанта говорилось во всѣхъ концахъ, но ничего новаго Томъ Квикъ не услышалъ. Минуты тянулись съ ужасающей медленностью. Озарившая Тома надежда жгла и давила его мозгъ. Скорѣе, скорѣе, еще немного, и онъ сойдетъ съ ума. Только бы не показалось. Онъ взялъ напрокатъ бинокль и на всякій случай узналъ въ конторѣ, здѣсь ли хозяинъ кинематографа.

Наконецъ, подошла новая очередь программы, и съ остановившимся сердцемъ, съ прильнувшими къ биноклю глазами Томъ Квикъ снова увидалъ на экранѣ тѣ же русскія суда. Опять надвигается на публику капитанскій мостикъ, а на немъ князь Енгушевъ во весь ростъ, какъ жирою.

Сомнѣній не было: чуткая целлюлоидовая лента запечатлѣла и выскользнувшій изъ-за рукавчика сорочки бра-слетъ, и подвѣшенную къ нему брилліантовую серьгу. Но вотъ опять темная пелена и крейсеръ уменьшился въ 50 разъ.

— Остановитесь, подождите!—хотѣлось крикнуть Тому Квику.

И въ ту же минуту одна удачная и до чрезвычайно-сти простая идея вернула ему обычное равновѣсіе. Онъ опустил бинокль и хотѣлъ уже двинуться съ мѣста, какъ вдругъ нѣкоторое обстоятельство заставило его насторожиться: впереди, въ двухъ шагахъ отъ него, повернувшись въ его сторону широкое бородатое лицо, пристально наблюдалъ за нимъ незнакомый джентльменъ, который, встрѣтившись съ нимъ глазами, поспѣшилъ перевести ихъ на сидящую по близости красивую, но чересчуръ напудренную креолку.

Томъ Квикъ всталъ, безопасно поглядѣлъ по сторонамъ, потомъ прошелъ мимо испанца, быстро приказалъ ему наблюдать за бородатымъ джентльменомъ и, не спѣша, направился въ контору кинематографа «Завтрашній день».

ГЛАВА XXI. НЕСЛЫХАННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ.

— Вы хозяинъ кинематографа?—спросилъ Томъ Квикъ указаннаго ему лысаго француза съ блѣдыми глазами и черными, какъ смоль, очевидно, выкрашенными усами.

— Совершенно вѣрно, сэръ—любезно отвѣчалъ французъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ.

— Я имѣю къ вамъ нѣкоторое дѣловое предложеніе.

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ.

— Сколько стоитъ лента картины № 6 сегодняшней программы?

— Отбытіе русской эскадры изъ Кронштадта?

— Да.

— Шестьдесятъ долларовъ, сэръ.

— Я могу вамъ предложить за нее 120 долларовъ.

— Вы очень любезны, сэръ, но я не могу вамъ ее продать.

— Почему?

— У меня нѣтъ дубликата, а между тѣмъ это самый интересный № программы, и я надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ мнѣ полные сборы 2—3 дня. Въ особенности въ связи съ происшествіемъ въ игорномъ домѣ.

— Какой вашъ максимальный доходъ за 3 дня?—рѣшительно спросилъ Томъ Квикъ.

— Какъ вамъ сказать, сэръ... тысячи 2—3.

— Я заплачу вамъ пять.

Французъ, державшій кинематографъ въ Санъ-Франциско уже нѣсколько лѣтъ, постарался не выдать своего удивленія и спросилъ:

— Вы хотите демонстрировать картину въ вашемъ кинематографѣ, сэръ?

— Нѣтъ, я даю вамъ слово, что она не выйдетъ изъ моего письменнаго стола. Кромѣ того, я разрѣшаю вамъ выписать дубликатъ.

— Я согласенъ,—едва сдерживая радость, произнесъ французъ,—когда вамъ угодно получить ленту?

— Сейчасъ.

Французъ нагнулся къ окошечку кассы и сказалъ:

— Немедленно снимите плакаты о русскихъ крейсерахъ: лента испорчена и показываться больше не будетъ.

Получивъ красиво завернутый въ бумагу круглый и довольно тяжелый пакетъ, Томъ Квикъ прежней безпечной походкой вышелъ изъ конторы. Въ самыхъ дверяхъ онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ бородатымъ джентльменомъ, за спиной котораго дѣлалъ какіе-то знаки испанецъ-крепыше.

Какъ разъ въ эту минуту раздались громкіе анонсы объ отлѣтѣ № 6 программы. Джентльменъ вздрогнулъ, отскочилъ отъ Тома Квика и быстро направился къ выходу.

— Возьми поскорѣй дощечку,—устремляясь за нимъ, говорилъ испанцу Томъ Квикъ и потихоньку вынулъ изъ кармана автомобильный № 1.232.323. Б. В. Б.—Я узналъ этого человѣка: это одинъ изъ агентовъ князя Енгушева. Прицѣпи дощечку сзади на его автомобиль и сейчасъ же беранись. Я буду ждать здѣсь.

Анатолій Каменскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Дальнѣйшія главы, написанныя Анат. Каменскимъ: XXII—Братская кровь, XXIII—Микроскопъ мистера Перси, XXIV—Донесеніе ротмистра Персина.

Передъ кинематографомъ „Завтрашній день“.

В № 2 "Синяго Журнала" будет печататься продолжение романа Аркадія Аверченко.

В коллективном романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немирович-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

съ „необходимымъ“
послѣдовательствомъ“
Вас. Регинина.

Анатолий Каменскій.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго и А. Каменскаго.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ, проигрываетъ всѣ наличныя деньги. Ставитъ на табло сергу съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ срываетъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Енгусева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упрекаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, принесящій счастье...

Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Послѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предварительно, его № 1.232.323. Б.Б.Б. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятника Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лакея — негра, онъ нанимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ кофты...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гама, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, промель черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ кофты. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ кофты выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (онъ вѣзалъ въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему наблюдать за посѣтителями „Кровавой Мышеловки“.

Томъ Квикъ сѣвшій въ кинематографъ „Завтрашній день“, гдѣ онъ долженъ встрѣтиться съ испанцемъ-хрулею изъ „Кровавой Мышеловки“. Въ кинематографѣ Томъ смотритъ картину „Пребываніе русской эскадры въ гавани С.-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крѣйсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту съ этой картиной за 500 долларовъ. При выходѣ изъ кинематографа Томъ замѣчаетъ въ толпѣ бородастого джентльмена, (матросъ-Федора) и отдаетъ крупную монетку съ фальшивымъ номеромъ, которую необходимо прибить къ автомобилю этого джентльмена.

ГЛАВА XXII.

БРАТСКАЯ КРОВЬ.

Четверо людей, закутанныхъ въ черныя плащи съ надвинутыми на глаза кашюшонами, уже съ 6 часовъ вечера сѣмьили такихъ же четверыхъ людей на перекресткѣ улицы Догъ-Стритъ и главной аллеи пиктъ. Они похаживали въ разныхъ направленіяхъ и скучали. Изрѣдка вспыхивали подъ кашюшономъ огонекъ папиросы да высовывалась изъ-подъ плаща вооруженная браунингомъ рука.

— Скучища,—произнесла одна изъ закутанныхъ фигуръ, поровнявшись съ другой,—кажется, стоимъ опять по-напрасну. У тебя есть водочка, Семень?

— Есть виска.

— Давай чортову виску.

— Эй вы, осторожно, — сказала третья фигура, — не толпись.

— Ничего, не бѣда, и ты выпей, Сидорычъ. Все равно не дождь-ся автомобиля. Федоръ Петровичъ справлялся по всѣмъ конторамъ: нигдѣ такого № нѣту.

— Есть онъ или нѣтъ,—не нашъ дѣло. Помни инструкцію: какъ услышишь свистокъ, значить № объявился. Тогда загорайвай дорогу. Двое на шоффера, двое на съдока и безъ разговоровъ бей.

— Ладно, понимаемъ.

Еще цѣлый часъ фигуры скучали, сходились и расходились.

Ровно въ половинѣ девятаго раздался далекій, тоненькій свистокъ, похожій на крысиный пискъ, и тотчасъ же изъ-за поворота аллеи глянули два фонаря быстро несущагося автомобиля.

— Братцы, становись!—крикнула одна изъ фигуръ и, соединившись съ другими, стала посреди дороги.

Автомобиль мчался, не сдвигая хода.

— Стой!—энергично, но не очень громко крикнулъ человѣкъ, котораго звали Сидорычемъ.

Еще мгновеніе, задребезжали короткіе выстрѣлы изъ браунинговъ, автомобиль остановился, и столпившіеся надъ убитымъ шофферомъ и раненымъ въ голову съдокомъ люди въ плащахъ отступили, какъ пораженные громомъ.

Передъ ними лежалъ безчувственный, умирающій дневальный князя Енгусева—Федоръ.

ГЛАВА XXIII.

МИКРОСКОПЪ МИСТЕРА ПЕРСИ.

Не подозревая о болѣе чѣмъ удачномъ исходѣ коварной шутки съ автомобильной дощечкой, Томъ Квикъ сидѣлъ совершенно голый въ каморкѣ старой негрятинки и нетерпѣливо кричалъ:

— Скорѣе, скорѣе, старая вѣдьма! Если черезъ четверть часа я не побѣлѣю, то я заставлю тебя выпить все это ведро уксусу съ мѣломъ.

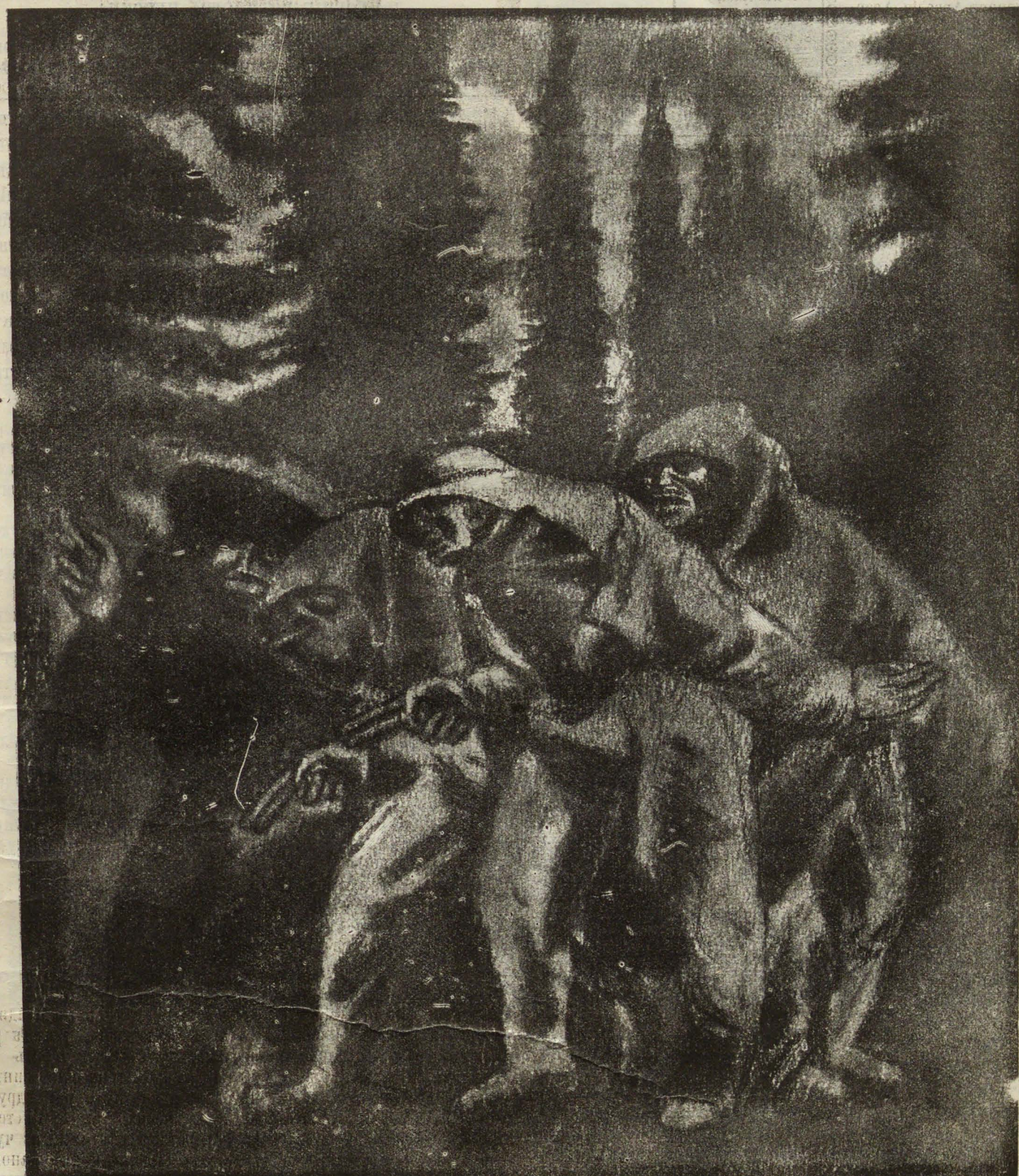
— Напрасно изволить гнѣваться мистеръ Перси на свою преданную старую няньку. Если бы мистеръ Перси мнѣ сказалъ раньше, что чернота понадобится ему только на одинъ день, можно было бы взять растворъ въ 10 разъ слабѣе. Ужъ потерпи немножко, мой милый Перси, вспомни, какъ тебя купала маленькимъ черная Салли.

Часа черезъ два, почти совсѣмъ бѣлый и уже одѣтый въ новый костюмъ мистеръ Перси сидѣлъ въ другой, соеѣдиненной комнаткѣ за столомъ и внимательно, дюймъ за дюймъ, разсматривалъ сквозь увеличительное стекло длинную целлюлоидную ленту. Дойдя до крейсера князя Енгусева, онъ вооружился ножницами, вырѣзалъ штукъ пять маленькихъ кусочковъ съ капитанскимъ мостишкомъ, занимавшимъ на снимкѣ пространство не больше маковаго зерна и отложилъ эти кусочки въ отдѣльную маленькую кофточку. Потомъ заперъ ленту и обрѣзки целлюлоида въ столъ, вынулъ изъ шкафа микроскопъ и спиртовую лампу съ сильнымъ рефлекторомъ, установилъ ихъ на столъ, приладилъ одинъ изъ вырѣзанныхъ кусочковъ, куда надо, навѣлъ рефлекторъ на зеркальце микроскопа, прильнулъ глазомъ къ окуляру и началъ поворачивать микрометрическія винты. Заблестѣло желтоватое ослѣпительно-яркое пятно, и вдругъ съ одного края стала надвигаться черная туча. Мистеръ Перси сдѣлалъ еще нѣсколько поворотовъ винтомъ и чуть не ахнулъ отъ членаго сіянья носомъ вычищенного сапога. Быстро, опытной рукой, онъ перевелъ кусочекъ целлюлоида на другой край и снова сталъ поворачивать винтъ. Черезъ минуту прямо ему въ лицо смотрѣли пронзительные глаза князя Енгусева и серебрились освѣщенные солнцемъ виски. Теперь надо взять какъ разъ се, едигу и немного вправо, чтобы нащупать глазомъ руку, опирающуюся на барьеръ. Вотъ такъ, вотъ рукавъ бѣлаго кителя, край манжеты. Еще

*) См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20.

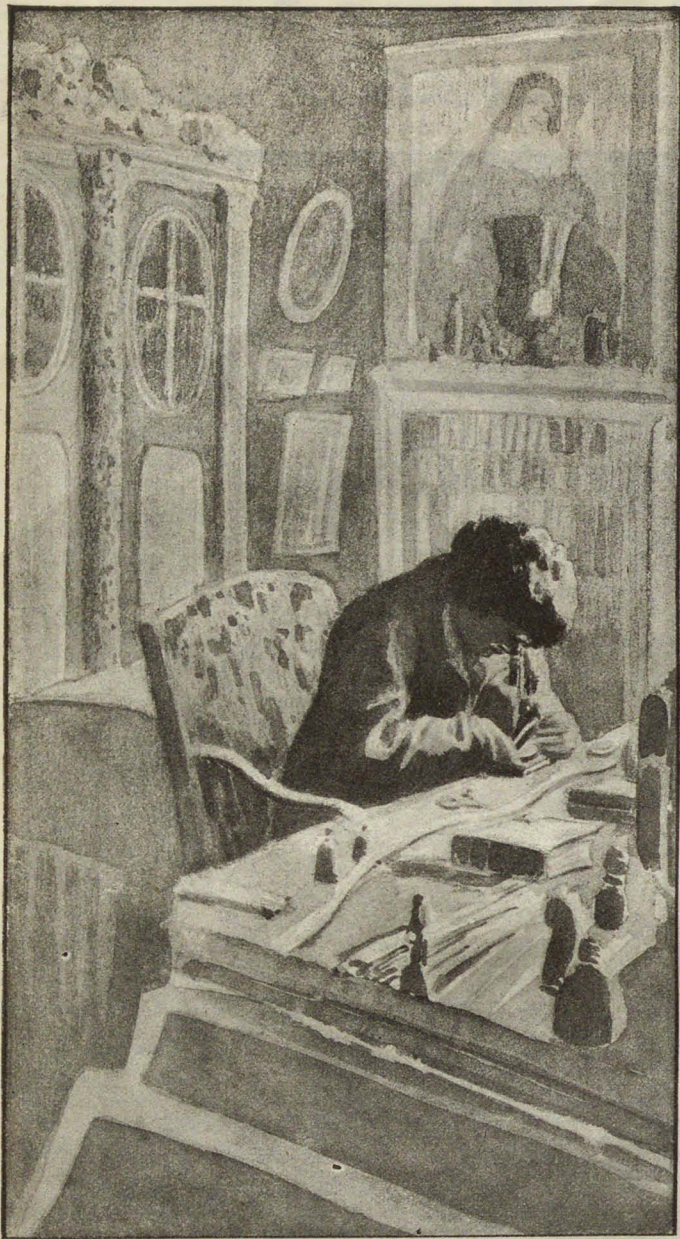
ЗАСАДА.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“) Рисунокъ С. Чехонина.

Братцы, становись! — крикнула одна изъ фигуръ и, соединившись съ другими, стала посреди дороги.

Рис. С. Чехонина.

...Навелъ рефлекторъ на зеркальце микроскопа, прильнулъ глазомъ къ окуляру и началъ поворачивать микрометрический винтъ...

мгновение, и мистеръ Перси оцѣнилъ: вся серьга, свисающая съ браслета, весь брилліантъ сіялъ передъ нимъ въ волшебныхъ нѣдрахъ микроскопа отъ первой до послѣдней грани, и посреди самой большой изъ нихъ—восьмиугольной—рѣзко вырисовались три глубоко врѣзанныхъ цифры.

Цифры эти были 1...7...2..

Прошло нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ мистеръ Перси слышалъ отчетливое и частое бѣненіе собственного сердца. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя и изъ его груди вырвался радостный вздохъ. Да, это было открытіе, о которомъ мечталъ онъ цѣлый годъ, годъ неустанныхъ розысковъ и кропотливой работы. И если бы не потеря брилліанта, то онъ, конечно, сумѣлъ бы доказать, какъ дважды два, тождество грошенн и княземъ Енгушевымъ на игорный столъ серьги и той, которая сейчасъ сіяетъ въ солнечномъ кругу подъ микроскопомъ. Конечно, это цифры, а не буквы, и какъ смѣшны теперь всякіе слухи о какомъ-то еврейскомъ талисманѣ, такъ умѣло пущенные въ оборотъ княземъ Енгушевымъ съ цѣлью отвести кому слѣдуетъ глаза.

Только бы найти камень, эту едва-ли не величайшую въ исторіи человѣчества печать, и тогда миссія Перси за-

вершена, и онъ съ спокойной совѣстью уѣдетъ навсегда изъ Санъ-Франциско.

Однако, довольно мечтать, необходимо сейчасъ же заняться телеграммой.

ГЛАВА XXIV.

ДОНЕСЕНІЕ РОТМИСТРА ПЕРСИНА.

Мистеръ Перси взялъ пачку телеграфныхъ бланковъ и сталъ писать ровнымъ, отчетливымъ почеркомъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ:

«Честь имѣю донести Вашему Высокопревосходительству, что, по имѣющимся у меня неопровержимымъ даннымъ, принадлежность командира крейсера «Сѣверный орелъ» князя Енгушева къ верховному совѣту тайной организации, именующей себя «Лигой ста семидесяти двухъ объединенныхъ армій и флотовъ», отнынѣ совершенно доказана. Цѣль лиги — уничтоженіе войнъ и созданіе единаго мирового государства. Хранящаяся у князя печать верховнаго совѣта нѣкоторое время находилась въ моихъ рукахъ. Донося о вышеизложенномъ, почтительнѣйше прошу дальнѣйшихъ инструкцій Вашего Высокопревосходительства немедленно и срочно.

Ротмистръ Персинъ».

Написавъ и тщательно выправивъ телеграмму, мистеръ Перси вынулъ изъ потайного отдѣленія бумажника тонкую записную книжку. На нѣсколькихъ страничкахъ книжки пестрѣли странно разбросанныя буквы русскаго алфавита въ перемежку съ трехугольниками и крѣтками.

Внимательно поглядывая на одну изъ страничекъ, мистеръ Перси постепенно перевелъ написанное донесеніе на шифръ. Получившійся текстъ удлиннилъ телеграмму разъ въ 20.

Затѣмъ онъ окончательно переписалъ весь текстъ французскими буквами и французскими же буквами вывелъ часть адреса, кромѣ двухъ словъ—Европа и Петербургъ, написанныхъ по-англійски.

«Dwortzowaia nabrejnaia 76 Ardalionou Semenovitchou Lidtke».

Онъ невольно улыбнулся, сунулъ въ карманъ телеграмму и постучалъ въ дверь.

— Я ухожу, черная Салли. Если черезъ три дня меня снова не будетъ здѣсь, то ты зажжешь фитиль, который торчатъ за спинкой этого шкафа и въ пять минутъ уберешься изъ подвала. Смотри же—онъ вынулъ часы—ровно черезъ три дня въ 11 часовъ ночи.

Анатолій Каменскій.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа Аркадія Аверченко. — Глава XXV. Особенякъ. Глава XXVI. Глазъ баронессы. Глава XXVIII. Разговоръ съ Даусономъ.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будичева, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, І. І. Ясинскаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

Аркадій Аверченко.

Въ коллектив-
номъ романъ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Некировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго и А. Каменскаго.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгушевъ, проигрываетъ всѣ наличныя деньги. Ставитъ на табло сергу съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ сорванъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, увидитъ кн. Енгушева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упрекаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Последний выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предварительно, его № 1.232.323. Б.Б.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятянка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лакея — негра, онъ нанимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колѣнку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квинкомъ, и умоляетъ изъяснить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (онъ вѣзался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгушевъ, ради успокоенія красавицы Марин, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ М автомобиль, въ которомъ мчался Перси. Енгушевъ поручаетъ ему наблюдать за почитателями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ вѣжавшаго въ немъ Федора — „своего“.

Томъ Квинсъ случайно въ кинематографъ смотритъ картину „Прельзованіе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ дѣту этой картины.

Дома черезъ микроскопъ онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ и прочиталъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квинтъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ ши романное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію П-рси, важный участникъ тайной организаціи, поставилъ шей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дома, оставивъ тамъ алескую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.

ГЛАВА XXV.

ОСОБНЯКЪ.

Было около пяти часовъ вечера, когда князь Енгушевъ вышелъ изъ отеля, оглядѣлся, шепнулъ что-то шофферу дождавшемуся автомобиля, однимъ прыжкомъ вскочилъ внутрь и, откинувшись на мягкую эластичную подушку, нетерпѣливо крикнулъ:

— Пошелъ!

Бѣшеный уличный шумъ гиганта-города не достигалъ его ушей. Онъ сидѣлъ съ полузакрытыми глазами, что-то напряженно обдумывая и сердито покусывая губы, какъ человѣкъ, расчеты котораго не оправдываются и планы колеблются въ самомъ основаніи, грозя обрушиться.

Изрѣдка онъ встряхивался, хваталъ нервной рукой разговорную трубку и кричалъ шофферу:

— Скорѣе! скорѣе!

Незамѣтно автомобиль миновалъ шумныя гудящія, запруженныя тучей лошадей, экипажей и моторовъ улицы, мягко выплылъ въ пустынное предмѣстье, и, юркнувъ въ широкую, безлюдную улицу, остановился у особняка, нанятаго баронессой.

Князь прыгнувъ на деревянный тротуаръ, обернулся къ дверямъ и вдругъ увидѣлъ какого-то длиннаго сухого человѣка, который пристѣвъ у дверей на корточки, съ самымъ страннымъ видомъ вертѣлъ головой налѣво и направо.

— Эй, другъ! — вскрикнулъ ему удивленный графъ. — Какая дьявольская болѣзнь приключилась съ вами? Или вы раскачиваетесь, собираясь пуститься въ присядку?

Долговязый человѣкъ выпрямился, обернулся къ князю и пожалъ плечами.

— Это поразительно! — раздумчиво сказалъ онъ. — Человѣчество очень любитъ эту фразу: «я видѣлъ собственными глазами» и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

почти всегда человѣчество, вооруженное этой убѣдительноѣйшей фразой, садится въ лужу. Вы сейчасъ видѣли «собственными глазами», какъ я «раскачивался, собираясь пуститься въ присядку» вмѣсто того, чтобы увидѣть или предположить нѣчто болѣе вѣроятное, что и было на самомъ дѣлѣ: я заглядывалъ въ замочную скважину!

— Гм... Да вы, философъ, — пробормоталъ, сбитый съ толку напыщенными словами князь.

— Это вы для того и заглядывали въ замочную скважину, чтобы дать себѣ «ясный отчетъ въ окружающемъ?» — насмѣшливо спросилъ князь.

— Нѣтъ сэръ. А просто я пришелъ къ баронессѣ, которая искала секретаря, владѣющаго двумя языками. И вотъ ни одинъ изъ этихъ языковъ не поможетъ мнѣ войти въ этотъ домъ! Я звоню уже около двадцати минутъ — въ домѣ все тихо, какъ будто тутъ живетъ мертвецъ, которому лѣнь пошевелиться.

— О, чертъ! — вздрогнулъ князь. — Вы шутите не лучше любого сторожа анатомическаго покоя. Вѣроятно, горничная куда-нибудь ушла, а баронесса еще не выходила изъ спальни.

Князь подошелъ къ дверямъ, позвонилъ, дождался минуты три и, наконецъ, въ нетерпѣніи, ударилъ въ дверь носкомъ сапога... — Дверь тихо взвизгнула и распахнулась.

— Она не заперта! — вскричалъ изумленный князь.

— Въ такомъ случаѣ вы правы, — сказалъ секретарь, входя за княземъ въ обширную переднюю. — Горничная просто куда-нибудь ушла.

Князь снялъ пальто и шляпу, а долговязый секретарь заглянулъ въ полуоткрытую дверь слѣдующей комнаты, оперся плечемъ о притолокъ и, кратко свистнувъ, повторилъ страннымъ тономъ:

— А горничная куда-то ушла... И знаете что, сэръ? Она ужъ больше не придетъ оттуда, куда ушла.

— Почему?

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19 20, и 21.

— Потому что она, если я не ошибаюсь, убита.

Съ бѣшенымъ крикомъ, бросился князь къ дверямъ, отшвырнулъ секретаря, какъ котенка, и вбѣжалъ въ комнату, которая, вѣроятно, служила пріемной.

Женщина, лица которой нельзя было разглядѣть, лежала грудью на столѣ, раскинувъ руки и уткнувшись лицомъ въ залитую кровью ска-терть... Въ затылкѣ, — какъ разъ въ томъ мѣ-стѣ, гдѣ кончались нѣж-ные завитки волосъ — торчалъ небольшой ножъ, наполовину скрытый въ тѣлѣ убитой. Судя по кокетливому бѣлоснѣ-жному чепцу и переднику — это была горничная.

Широко открытыми глазами смотрѣлъ на нее князь; тѣло его дрожало мелкой дрожью.

— О! — сказалъ фи-лософъ-секретарь, беря его за плечо. — Неужели, вы не интересуетесь взглянуть дальше... Ба-ронесса...

— Баронесса! — пронзительно вскричалъ князь и бросился впе-редъ, хватаясь за голову. — Баронесса!! Ради Бо-га!!

Оба подбѣжали къ дверямъ спальни и при-слушались на мгновение: въ спальнѣ было тихо... Мертвое безмолвіе при-таилось за дверьми. Князь толкнулъ одну по-ловинку дверей — она распахнулась. Въ спаль-нѣ царилъ полумракъ.

— Маруся! — гром-ко, дрогнувшимъ голо-сомъ позвалъ князь. — Маруся! Слышишь ли ты меня?

— Боюсь, что съ баронессой... — началъ секретарь, еле шевеля побѣлѣвшими губами.

— Молчите!! О, е-ли съ ней что-нибудь случилось...

Оба вошли въ ком-нату и остановились...

На кровати лежала навзничъ баронесса въ одной сорочкѣ, край которой откинулся и обна-жилъ прекрасную бѣлую ногу; другая нога была прикрыта шелковымъ одѣяломъ. Руки раскинуты, будто призывая любовника къ горячему тѣсному объятію, а голова склонена на бокъ — прекрасная голова, вся въ сіяніи разметанныхъ золотистыхъ кудрей. Около кровати на стулѣ висѣло въ безпо-рядкѣ брошенное платье — трогательная поспѣш-ность любящей женщины, — и пара крошечныхъ лакированныхъ туфелекъ... Одинъ чулокъ лежалъ

на полу, другой въ ногахъ кровати. Князь вгля-дѣлся острымъ взглядомъ въ царившій въ спаль-нѣ полумракъ: лѣвая рука баронессы судорожно вцепилась въ край простыни, въ правой рукѣ былъ зажатъ обрывокъ шнура отъ сонетки.

— Маруся! — простоналъ, схватившись за грудь, князь. — Что съ тобой? Ты меня слышишь? Маруся...

— Посмотрите, — ска-залъ, опустивъ руку на его плечо, секретарь: — У нея перерѣзано горло. То, что такъ похоже на тѣнь отъ головы — это кровь.

Онъ поднялъ свѣ-сившуюся руку.

— Она холодна. Убита нѣсколько часовъ тому назадъ.

Молча, безъ звука рухнулъ князь на коверъ и, припавъ головой къ прекраснымъ холоднымъ ногамъ, вдругъ завылъ, какъ звѣрь въ смертель-ной тоскѣ.

— Бѣдный, — ска-залъ странный секретарь, потирая нервно заты-локъ. — Пять минутъ то-му назадъ онъ предпо-лагалъ, что человѣкъ безъ всякой причины можетъ пуститься въ присядку, а теперь... По-слушайте! Пойдемъ, от-сюда на воздухъ. Здѣсь страшно, и запахъ крови начинаетъ кружить го-лову. Пойдемъ, и самое будетъ лучшее, если мы позовемъ полицію.

Князь молчалъ, при-павъ къ ногамъ трупa.

— Вы не хотите? Ну, ладно... Если вамъ не страшно, я оставлю васъ тутъ. Вы разрѣшите вос-пользоваться вашимъ автомобилемъ? Послу-шайте! Почему же вы молчите... Эй! Что съ ва-ми? Вы меня не слыши-те? Не нуженъ ли вамъ стаканъ воды?

Князь молчалъ. Онъ былъ въ глубокомъ об-морокѣ.

ГЛАВА XXVI.

ГЛАЗЪ БАРОНЕССЫ.

Томъ Спрингъ имѣлъ въ своей натурѣ много собачьяго... По крайней мѣрѣ, чутье у него было настоящее собачье.

Это видно изъ слѣдующаго: когда онъ, ша-таясь безцѣльно по одной изъ боковыхъ улицъ Фриско, увидѣлъ проѣзжавшій мимо автомобиль, въ которомъ мелькнулъ, рядомъ съ незнакомцемъ,

... Онъ увидѣлъ какого-то длиннаго, сухого человѣка, который, приставъ у дверей на корточки, съ самымъ страннымъ видомъ вертѣлъ головой налѣво и на-право.

Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“ Рисунки Н. Н. Герардова.

...Молча, безъ звука рухнулъ князь на коверъ и, припавъ головой къ прекраснымъ холоднымъ ногамъ, вдругъ завылъ, какъ звѣрь, въ смертельной тоскѣ.

хорошо знакомый Спрингу профиль инспектора полиціи Дью Аткинса — знаменитый репортеръ «Желтаго Калифорнійца» сдѣлалъ, не раздумывая, великолѣпный прыжокъ и, очутившись на подножкѣ автомобиля, выставилъ свою умную голову передъ изумленнымъ Аткинсомъ.

— Дью!—фамиллярно сказалъ онъ,—конечно, работа?

— Два трупа,—кивнулъ головой Аткинсъ.—А вы—ловкая бестія, Спрингъ. Это называется поймать дичь на лету. Только боюсь—не помѣшаете ли вы намъ?

— Молчите, старый геніальный Дью,—раз-

смѣялся Спрингъ.—Я сдѣлаю вамъ карьеру. Напишу про васъ такое, что всѣ ахнутъ.

Автомобиль подкатилъ къ особняку, который, храня въ своихъ комнатахъ два трупа, принялъ какой-то серьезный, торжественно-зловѣщій видъ.

Аркад'й Аверченко.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

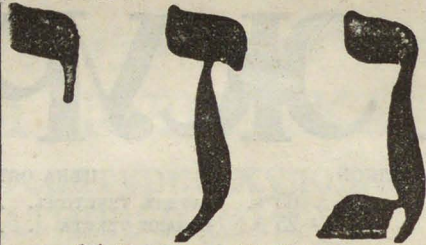
Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллект. внаго ром на—Аркадія Аверченко.—Глава XXVI. Глазъ баронессы. Глава XXVII. Арестъ. XXVIII. Разговѣ съ Даусономъ.

Аркадій Аверченко.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

Въ ближайшихъ номерахъ журнала будетъ печататься продолженіе коллективнаго романа—П. П. Гнѣдича.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго и А. Аверченко.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгушевъ, проигрываетъ все наличныя деньги. Ставитъ на табло серку съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ сорванъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Енгушева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упркаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у юнгого молодого человѣка — Перси. Последний выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предвзвѣдительно, его №. 1.232.323. Б.Б. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лакея — негра, онъ нанимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колѣнку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ рингелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь бавкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ всконн хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ изъяснить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (онъ вѣздаль въ подолку сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ сапожника камень...

Князь Енгушевъ, ради успокоенія красавицы Марин, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князь, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгушевъ поручаетъ ему наблюдать за посетителями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ вѣрнаго въ немъ Федора—„своего“.

Томъ Квикъ случайно въ кинематографъ смотритъ картину „Превращеніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ дѣлу этой картины.

Дома черезъ микроскопъ онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ и прочиталъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ ши романное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной о ганизации, поставилъ себя задачей уничтожить Перси и созданіе единого государства. Пописавшись „ротмистръ Персина“, онъ уходитъ изъ дома, о таятъ тамъ адскую машину и предупреждаетъ о томъ свою старую няньку Салли.

Князь Енгушевъ ѣдетъ къ баронессѣ и встрѣчаетъ у ея дверей незнакомца, шедшаго сюда поступить въ секретари. Вмѣстѣ они входятъ въ домъ и видятъ, что баронесса и горничная въ зѣвскіи убиты. Незнамецъ быстро мчится за инспекторомъ полиціи м-ромъ Дью и привозитъ его вмѣстѣ съ приставшимъ по дорожѣ репортеромъ Спрингомъ. Кн. Енгушевъ, припавъ къ ногамъ баронессы, рыдаетъ.

ГЛАВА XXVI.

ГЛАЗЪ БАРОНЕССЫ.

Всѣ трое на цыпочкахъ вошли въ переднюю и, бросивъ быстрый взглядъ на распростертое на столѣ тѣло, оставшееся въ томъ же положеніи, прислушались. Все было тихо.

Но потомъ изъ комнаты баронессы до нихъ ясно донеслись слова:

— Я не буду видѣть солнечнаго свѣта, не буду дышать свѣжимъ воздухомъ, не буду спать, любить, забросу то великое дѣло, которому рѣшилъ посвятить жизнь—до тѣхъ поръ, пока не найду твоего убійцы... Клянусь тебѣ! Я сгону улыбку съ моего лица, рука моя сожмется развѣ навсегда для страшнаго удара, и сердце окаменеетъ, какъ тотъ брилліантъ, котораго мы лишились... Клянусь тебѣ! Не буду знать ни дня, ни часа покоя, отдыха, пока не пролью за твою святую кровь цѣлый потокъ черной злодѣйской крови... Клянусь въ этомъ, клянусь, клянусь тебѣ!..

Когда Аткинсъ, Дью и секретарь вошли въ спальню, ихъ встрѣтилъ спокойный человѣкъ съ рѣшительнымъ непоколебимымъ лицомъ.

— Дѣлайте ваше дѣло!—сказалъ онъ.

— Кто вы такой?—спросилъ Аткинсъ, зажигая электричество. Надѣюсь, здѣсь послѣ убійства ничего не измѣнилось?

Отвѣтилъ секретарь.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я его оставилъ? Измѣнилось.

— О?! Что-же?

— Волосы,—сказалъ секретарь.—Его волосы. Когда мы съ нимъ часъ тому назадъ входили сюда, они были черные.

Князь провелъ равнодушной рукой по своимъ волосамъ, пряди которыхъ побѣлѣли, и повстрѣтилъ:

— Дѣлайте свое дѣло.

— Кто вы такой?—переспросилъ Дью.

— Князь Енгушевъ. Командиръ русскаго крейсера.

— А!—вздрыгнулъ Дью.—Тотъ самый, у котораго пропалъ брилліантъ... Странно!.. Странное совпаденіе. А вы кто, сэръ?

— Я былъ приглашенъ въ качествѣ секретаря для баронессы, но, какъ видите — ей теперь нужны хорошіе священники, упокой Господи ея душу.

И добавилъ, обращаясь къ самому себѣ.

— Такъ все на свѣтѣ—приглашала секретаря, а гдѣ-то въ Великой Книгѣ уже было написано, что секретаремъ у нея я не буду. Что-жъ, поголодаемъ еще разъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Бобъ. Бобъ Даусонъ.

— А меня зовутъ Спрингъ!—ревниво сказалъ репортеръ, обиженный тѣмъ, что о немъ забыли.

— Америка одинъ разъ уже открыта, — сердито сказалъ Дью. — Не открывайте ея вторично. И главное—помолчите, Спрингъ.

Инспекторъ подошелъ къ постели и внимательно осмотрѣлъ тѣло убитой.

— Я полагаю,—сказалъ онъ послѣ одной минуты задумчивости, — что здѣсь имѣло мѣсто убійство.

— Неужели?—удивился Спрингъ.—Я всегда и всѣмъ говорилъ, что старичина Дью самый проницательный изъ всѣхъ полиційскихъ Фриско.

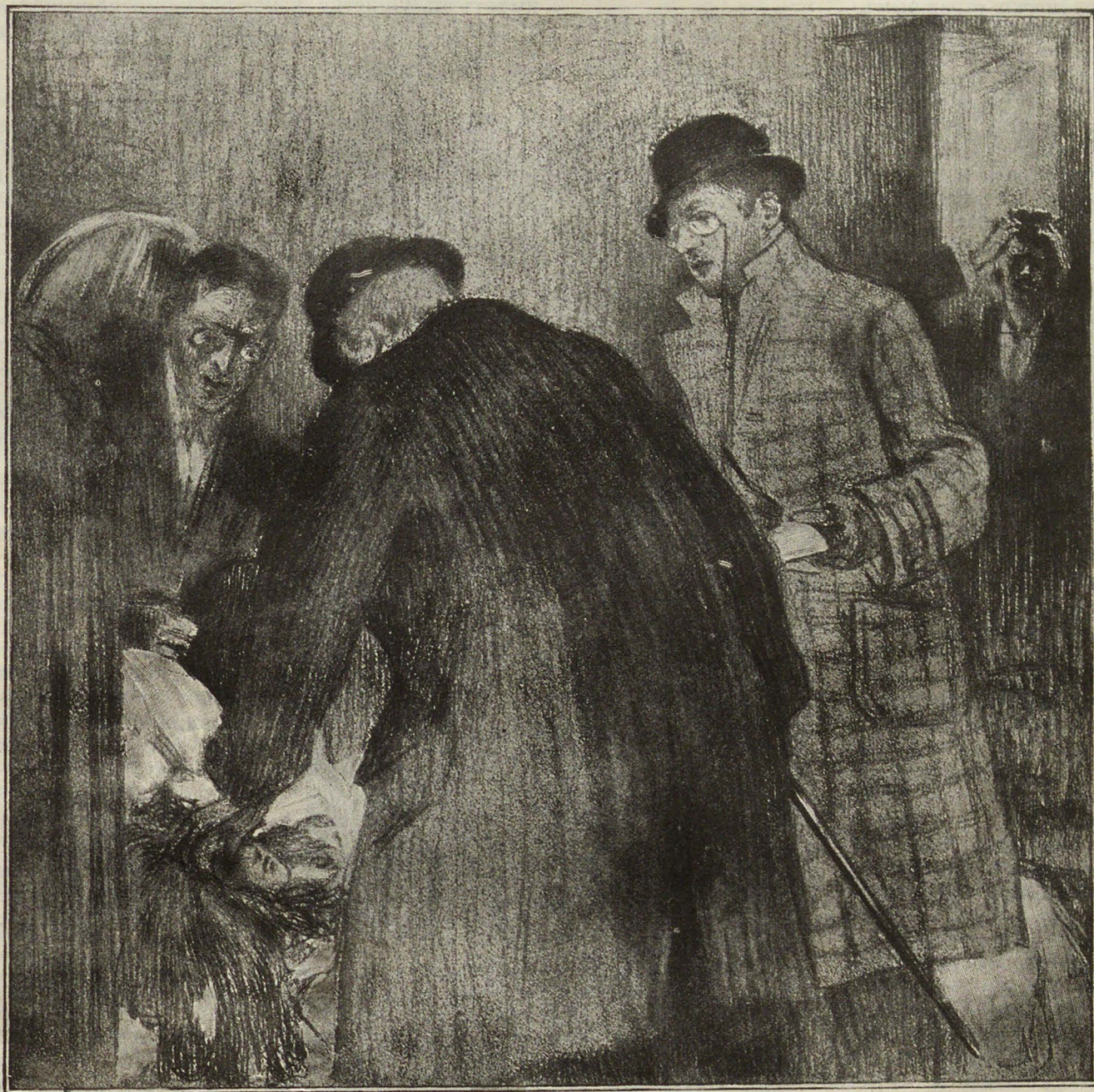
— Какъ совершенно убійство?—размышлялъ вслухъ Дью.—Посредствомъ остраго предмета, которымъ перерѣзано горло.

— А я думалъ, она—утопленница,—шепнулъ долговязому Даусону неугомонный Томъ Спрингъ.

— Спрашивается: гдѣ же орудіе преступленія? Да ясно: убійца унесъ его съ собой.

Глазъ баронессы.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“). Рисунокъ Н. Н. Герардова.

Рука его потянулась къ лицу баронессы и пріоткрыла окровавленный глазъ...

— И такого человѣка не сдѣлаютъ начальникомъ нью-йоркской полиціи!—фамильярно воскликнулъ Дью.—Гдѣ же справедливость?!

— Помолчите,—сказалъ Дью, отмахиваясь отъ репортера, какъ отъ надоѣдливой мухи. — Но... что у нея сдѣлалось съ глазомъ? Странно, стра...

— Боже мой!!

Въ это время подавленный крикъ хладнокровнаго доселѣ Даусона привлекъ общее вниманіе. Всѣ обернулись къ нему.

Онъ держалъ въ рукѣ какой-то небольшой предметъ, отъ котораго всѣ отпрянули, послѣ перваго же взгляда, въ невыразимомъ ужасѣ: то было человѣческое глазное яблоко, окровавленное, съ перерѣзаннымъ нервомъ, уже потерявшее блескъ...

— Это лежало на туалетномъ столикѣ за

флакономъ Oeillet. Я полагаю, что это ея глазъ.

Князь вцѣпился блѣдными руками въ свои сѣдые кудри и отошелъ въ уголъ.

— Вотъ почему,—глубокомысленно сказалъ Дью Аткинсъ,—у нея одинъ глазъ открытъ, а другой закрытъ и окровавленъ.

Онъ нагнулся къ лицу покойницы и внимательно осмотрѣлъ его.

— Еще болѣе странно... гм...

Рука его потянулась къ лицу баронессы и пріоткрыла окровавленный лѣвый глазъ... У его плеча слышно было дыханіе Спринга и Даусона, и всѣ трое съ ужаснымъ воплемъ отшатнулись отъ прекраснаго блѣднаго лица.

— Съ ума сойти можно!—вскричалъ трепетно Даусонъ.

Изъ орбиты вынутаго глаза на нихъ смотрѣлъ другой глазъ, сверкающій невыносимымъ

блескомъ; свѣтъ электрической лампочки дробился о его грани, и сине-красные и фіолетовые лучи ослѣпительно струились изъ подъ полуопущеннаго вѣка, давая иллюзію пронзительнаго, сверкающаго взгляда и дѣлая все лицо дикимъ и нечеловѣчески страшнымъ.

— Негодай! — сказалъ Дью. — Вы знаете, что убійца не только убилъ, но и надругался надъ трупомъ. Онъ вынулъ глазъ убитой и вставилъ на его мѣсто брилліантъ. Впрочемъ, это показываетъ, что мотивъ убійства — не грабежъ.

ГЛАВА XXVII.

АРЕСТЪ.

— Мой брилліантъ! — вскричалъ неподвижный доселѣ князь. — Такъ вотъ какимъ путемъ нахожу я его!! Впрочемъ, этого не могло быть... Позвольте!.. Ну, конечно, конечно!

Князь засунулъ руку за пазуху и сейчасъ же отдернулъ ее: дубликата брилліанта, которымъ онъ вчера успокоилъ волненіе баронессы, на груди не было.

— Это тотъ брилліантъ, который потеряны вами въ «Кровавой Мышеловкѣ?» — спросилъ Спрингъ.

— О, нѣтъ, Боже ты мой, конечно, нѣтъ! Тотъ не принесъ бы намъ такого несчастья. Это дубликатный. Еще вчера онъ висѣлъ у меня на груди на золотой цѣпочкѣ, а сегодня... О, негодяй, негодяй!!!

— Позвольте, — спросилъ Дью — какъ же это такъ: вчера онъ былъ у васъ на груди, а сегодня онъ вставленъ въ такую ужасную оправу?..

— Я его, вѣроятно, обронилъ тутъ, во время сна. Цѣпочка лопнула, и брилліантъ очутился въ кровати.

— Какъ? — вскричалъ Дью... — Значить, вы...

— Да! — высокомерно сказалъ князь. — Я провелъ эту ночь съ баронессой. Что же изъ этого? Я не хочу скрывать, бѣдняжка, вѣдь, мертва.

Онъ яростно закусилъ губу.

— Все это такъ странно, — сказалъ сухо Дью, — что я принужденъ буду... задержать васъ...

— Вы меня арестовываете? — вскричалъ князь. — Но почему? По какому поводу?

— Согласитесь сами: вы провели всю ночь съ покойницей, и вы же находите ее утромъ злодѣйски умерщвленной.

— Старый оселъ! — въ невыразимомъ бѣшенствѣ вскричалъ князь. — Я вѣдь любилъ ее! За чѣмъ же мнѣ... убивать ее...

— Кромѣ убійства, — хладнокровно сказалъ Дью, — вы также отвѣтите и за оскорбленіе инспектора при исполненіи имъ обязанностей.

— Вотъ дуракъ! — шепнулъ Спрингъ Даусону. — Эй, Дью! неужели, вы думаете, что князь имѣетъ къ убійству какое-нибудь отношеніе? Хотите знать мнѣніе Спринга? Спрингъ этого не думаетъ!

— Мнѣ не интересно знать, что думаетъ Спрингъ, — сухо оборвалъ Дью. — Когда вы вернулись сегодня въ этотъ домъ? Въ котормъ часу?

— Около пяти, — сказалъ князь, пожимая плечами. — Я засталъ этого господина, засматривающимъ въ замочную скважину.

— А! — пробормоталъ Дью. — Значить, вы вошли вмѣстѣ?

— Да, — сказалъ Бобъ Даусонъ. — Мы вошли вмѣстѣ, обнаружили двойное убійство, и я, оставивъ князя у труповъ, поѣхалъ на автомобиль къ вамъ.

— Ага... Вы вошли вмѣстѣ, неизвѣстно что дѣлали въ домѣ, и, оставивъ князя, поѣхали ко мнѣ... Знаете что, Бобъ Даусонъ...

— Смотрите! — крикнулъ шутливо Спрингъ. — Онъ и васъ арестуетъ!

— Бобъ Даусонъ! Я принужденъ задержать васъ... впредь до выясненія.

— Здравствуйте! — сказалъ обезкураженный Бобъ. — Такимъ образомъ, вы можете вывести философское заключеніе: подозрительность — это мудрость недалекихъ людей...

— Аркадій Аверченко.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“ — продолженіе коллективнаго романа — Аркадія Аверченко.

Глава XXVIII. Разговоръ съ Даусономъ.
П. П. Гнѣдича. — Глава XXIX. Волненія въ С.-Франциско. Глава XXX. Въ редакціи газеты „The Rachel“ Глава XXXI. Мистеръ Тоони и мистеръ Каблестъ, или новые горизонты.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. П. Гуркина, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. П. Пемировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. П. Будищева, П. П. Гнѣдича, П. П. Потапенко, В. А. Тихонова, І. І. Япникаго и друг. съ „необходимымъ послѣсловіемъ“ Вас. Регинина.

Изъ коллект. фант. роману. Рис. Н. Н. Герардова.

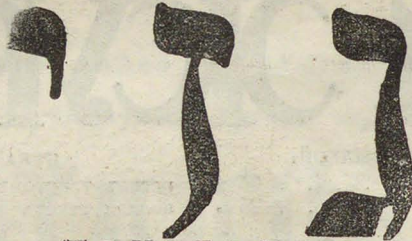
— Кромѣ убійства, — хладнокровно сказалъ Дью — вы также отвѣтите и за оскорбленіе инспектора при исполненіи имъ обязанностей.

Аркадій Аверченко.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.

П. П. Гнѣдичъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе первыхъ главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго и А. Аверченко.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ, проигрываетъ всѣ наличныя деньги. Ставитъ на табло сергу съ великолѣпнымъ брилліантомъ. Банкъ сорванъ. Но брилліантъ исчезаетъ. Въ дверяхъ появляется красавица, уводитъ кн. Енгусева и на обратномъ пути, въ автомобиль, упрекаетъ его за то, что онъ поставилъ на карту брилліантъ, приносящій счастье...

Брилліантъ оказался у нѣкого молодого человѣка — Перси. Послѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предварительно, его №. 1.232.323. В.В.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негритянка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ лакея — негра, онъ нанимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ кофты...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ нескончимо хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ кофты. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ кофты выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ, (онъ вѣздая въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показывая ей другой брилліантъ и выдавая его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отелъ князя, встречаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему наблюдать за посылками „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ вѣроваго въ немъ Федора — „своего“.

Томъ Квикъ случайно въ кинематографъ смотритъ картину „Прѣлваніе русской аскандры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ ерейсека кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины.

Дома чужеземцы микроскопомъ разсматриваютъ у кн. Енгусева брилліантъ и прочтутъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ отрядѣ. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.

Утромъ кн. Енгусевъ заѣзжаетъ къ баронессѣ и наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты. Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортѣръ Спрингъ. Смотри убитыхъ дѣль загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы съ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы. Инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что подобно ночи князь провелъ у баронессы.

ГЛАВА XXVII.

АРЕСТЪ.

— Заключение?—спросилъ, не разслушавъ Дью.—Вы не долго будете въ заключеніи, если докажете свою непричастность.

— Старина Дью!—вскричалъ Спрингъ.—Вы что-то забыли.

— Что именно?—съ безпокойствомъ спросилъ инспекторъ.

— Арестованъ и меня.

— Васъ нужно не арестовать, а выгнать, — грубо сказалъ Дью.—Потому что вы мнѣ смертельно надоѣли.

— Ну?—прищурился Томъ.—А кто же напишетъ вамъ очередной дивирамбъ въ моемъ «Желтомъ Калифорнійцѣ»?

— Ну, ну, Томъ... Развѣ я серьезно это сказалъ? Полно, мой миленькій... знаете что: я пока осмотру поподробнѣе спальню, а вы вызовите по телефону полиційскій автомобиль и двухъ полисменовъ.

— Вы насъ везете въ тюрьму? — вскричалъ князь.

— Я же вамъ говорилъ, господа, — подмигнулъ Спрингъ, — что старичокъ Дью покажетъ себя.

И шепнулъ на ухо князю:

— Не унывайте. Я понимаю, что вамъ нужно скоро быть на свободѣ.

ГЛАВА XXVIII.

РАЗГОВОРЪ СЪ ДАУСОНОМЪ.

Два полицейскихъ открыли дверцу мрачнаго полиційскаго автомобиля, вѣжливо помогли князю и Даусону войти внутрь, захлопнули дверцу, и автомобиль помчался...

Даусонъ вздохнулъ.

— Утромъ я не такъ понималъ свои секретарскія обязанности... Человѣчество открыло электричество, завоевало воздухъ, а заглянуть въ свою жизнь на два часа впередъ—не можетъ.

— Ваша философія самаго дешеваго сорта, — мрачно сказалъ князь.—Вы бы лучше придумали, что намъ дѣлать...

— Что?—прищурился Даусонъ.—Да ничего. Подождемъ... Если удастся вырваться отсюда — найдемъ убійцу.

— Вы не вѣрите, конечно, что это дѣло моихъ рукъ?—спросилъ князь, пожимая ему руку.

— Ни капельки. Скажу болѣе; у меня есть объ убійцѣ нѣкоторыя данныя.

— О, Боже! Вы его знаете?..

— Нѣтъ, я замѣтилъ кое-что въ спальнѣ, въ то время, когда этотъ оселъ Дью препирался съ вами.

— Ради Бога...

— Извольте: прежде всего насъ скоро освободятъ. Дью будетъ искать убійцу женщину.

— Почему?..

— Женская перчатка. Она лежитъ въ углу на полу около ножки круглаго столика. Это не перчатка баронессы... Пара ея перчатокъ лежитъ свернутая на туалетномъ столикѣ. Дью будетъ думать, что женщина, убивъ баронессу, впопыхахъ обронила перчатку, и это наведетъ его на глупѣйшій слѣдъ.

— Значитъ, вы думаете, что убійца...

— Мужчина! Конечно. Вы вчера, пріѣхавъ съ баронессой, курили?

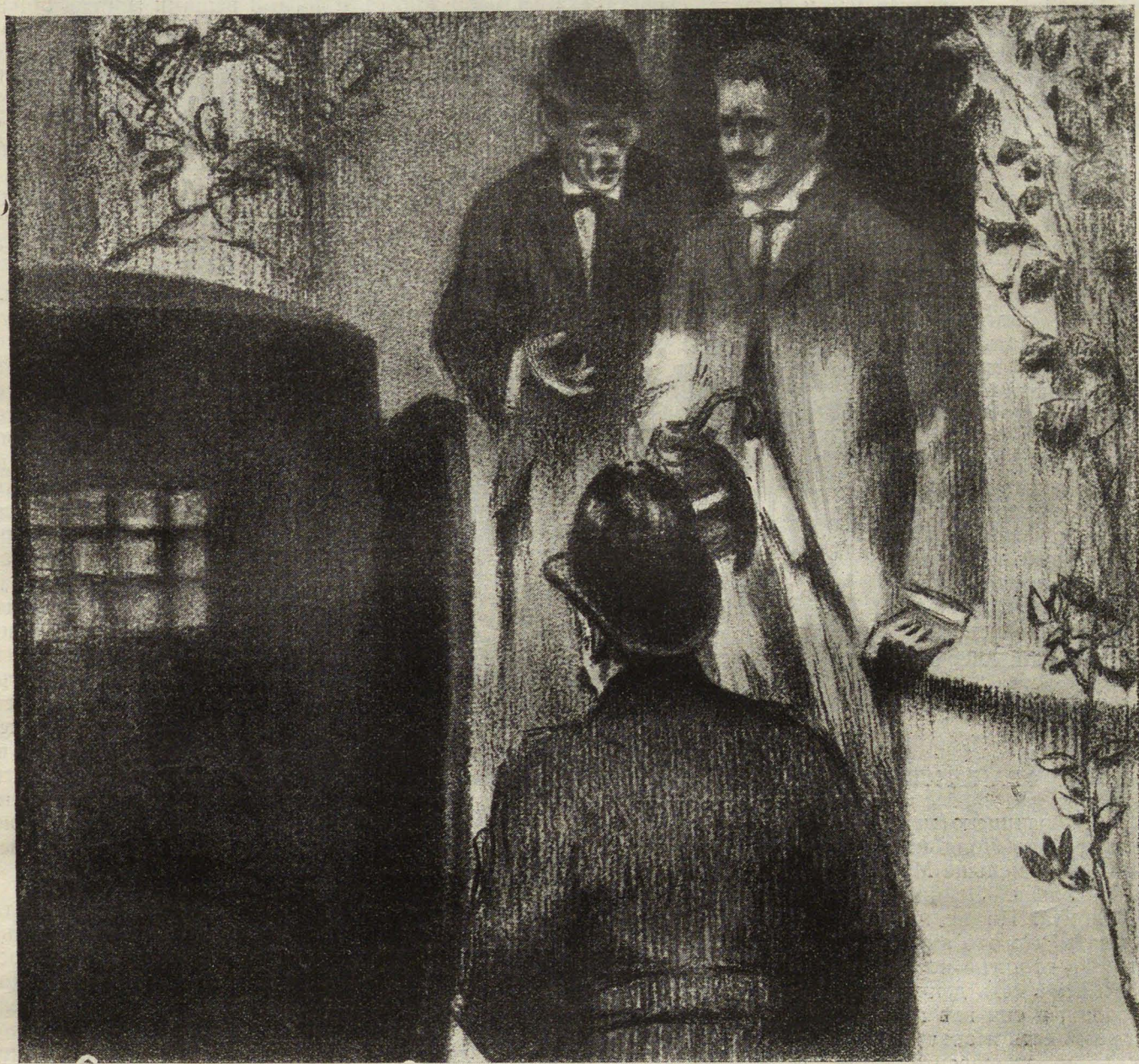
— Нѣтъ. Я не курю.

— Гм... Такъ. У баронессы былъ человѣкъ, котораго она хорошо знала, и котораго знала горничная. Горничная впустила его безъ всякой тревоги и удивленія.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 и 23.

Въ тюрьму...

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“. Рисунокъ Н. Н. Георгидзе.)

Два полицейскихъ открыли дверцу мрачнаго автомобиля и вѣжливо помогли князю и Даусону войти внутрь...

— А почему вы думаете, что убійца, расправившись съ горничной, открывшей дверь по легкомыслию, не вошелъ къ баронессѣ...

— Вздоръ! Баронесса убита послѣ долгаго разговора съ незнакомцемъ, а горничная уже послѣ, когда онъ уходилъ. Сначала онъ былъ спокоенъ и говорилъ съ баронессой хладнокровно, а потомъ что-то привело его въ ярость...

— Возможно, что онъ замѣтилъ у нея на постели оброненный мною брилліантъ...

— Возможно. Можно предположить, что онъ искалъ вашъ подлинный брилліантъ и, найдя поддѣльный, пришелъ въ ярость. Отсюда можно вывести заключеніе, что брилліантъ уже однажды побывалъ въ рукахъ этого человѣка, и, что этотъ человѣкъ только что пріѣхалъ въ Санъ-Франциско.

— Почему вы думаете? — изумленно спросилъ князь.

— А вы назвали мою философію дешевой, — засмѣялся Даусонъ. — Хорошо онъ знаетъ брилліантъ, потому что сразу обнаружилъ его поддѣльность, а что онъ пріѣзжій — это ясно: онъ не успѣлъ даже узнать изъ газетъ или разговоровъ, что настоящій брилліантъ потерянъ вами въ «Кровавой Мышеловкѣ», и искать его нужно не здѣсь.

— Почему вы думаете, что онъ сначала былъ спокоенъ, а потомъ заволновался?

— По окуркамъ папиросъ. Въ каминѣ ихъ лежало четыре. Я, признаться, стянулъ ихъ, когда простофія Дью осматривалъ покойницу. Окурки таковы: два короткихъ, мундштуки не измятые, свѣжіе; третій окурочекъ измятъ нервными губами, и объ него машинально закурена четвертая папироса. Она, эта послѣдняя, не выкурена даже наполовину и мундштукъ ея въ ужасномъ видѣ: прокушенъ зубами, измятъ, исковерканъ и заброшенъ въ каминъ съ такой силой, что наполовину зарылся въ пепель.

— Милый Даусонъ!—сказалъ князь.—Я беру васъ къ себѣ секретаремъ.

— Вотъ!—сказалъ долговязый секретарь.— Наука учить насъ: ничто въ мірѣ не исчезаетъ. Былъ человѣкъ секретаремъ и будетъ секретаремъ!

Автомобиль остановился.

— Приѣхали. Надѣюсь, что Дью не окажется глупѣе, чѣмъ думалъ о немъ убійца...

— Почему?

— Потому что одинокая женская перчатка рассчитана на Дью.

Но, если убійца не шелъ съ определенной цѣлью убивать, откуда же онъ могъ взять женскую перчатку? Откуда такая предусмотрительность?

— О, Боже! Да предположимъ просто, что любовница или жена его наканунѣ сунула ему въ карманъ перчатки и забыла взять—вотъ и все. Приѣхали. Пожалуйте впередъ, князь.

Аркадій Аверченко.

ГЛАВА XXIX.

ВОЛНЕНИЯ

ВЪ С. ФРАНЦИСКО.

С. Франциско меньше не только Лондона и Парижа, но меньше Марселя, Сиднея, Лейпцига и Мадрита. Но не надо забывать, что это американскій городъ—поэтому въ немъ есть дюжина театровъ, и они всѣ полны; тамъ есть и академія наукъ и университетъ. Тамъ издается нѣсколько сотенъ газетъ. Онѣ вздуваются и лопаются, какъ мыльные пузыри. Издатели кончаютъ или милліонами или петлей — середины не бываетъ. Поэтому самое выгодное—быть репортеромъ: сенсационныя новости оплачиваются на вѣсъ золота, благо золото въ Калифорніи гораздо дешевле, чѣмъ въ Европѣ.

Неудивительно поэтому и то, что въ послѣдніе дни С. Франциско жилъ повышенной жизнью. Случай въ игорномъ притонѣ и внезапное убійство, тотчасъ же во всѣхъ подробностяхъ рассказанные въ газетахъ, подняли и безъ того приподнятую температуру.

— Жить съ одной прислужкой—это чудовищно! — говорила лэди Покъ, супруга помощника лордъ-мера. Лэди сама держала цѣлый взводъ лакеевъ, такъ какъ отъ отца милліонера унаследова-

ла широкій размахъ жить. Благодаря ея состоянію, ея мужъ и получилъ свое солидное положеніе.

— Пфа!—говорилъ банкиръ Зонненбергъ.—Такъ небрежно съ цѣнными вещами могутъ обращаться только русскіе.—И можно-ли вообще носить на себѣ настоящіе брилліанты? Что? Мнѣ въ Парижѣ, одинъ ювелиръ на улицѣ de la Paix сказалъ: «monsieur Зонненбергъ — я думаю, что вы болѣе практичный человѣкъ». Это было пятнадцать лѣтъ назадъ. И знаете, почему онъ это сказалъ? Онъ сказалъ, потому что я хотѣлъ купить женѣ кольцо въ сто тысячъ франковъ. Онъ сказалъ, что вѣдь сто тысячъ франковъ — это капиталъ, который приноситъ проценты. Бриллианты-же — лежатъ въ ящикѣ, или болтаются на женской шеѣ и процентовъ не даютъ. Настоящіе банкиры заказываютъ своимъ женамъ кольца въ магазинахъ наискосокъ отъ меня, такъ какъ никто не подумаетъ, что жена банкира носитъ фальшивые камни. Пхе! Этотъ ювелиръ не зналъ, что если черезъ пять лѣтъ я продамъ купленное кольцо съ выгодой для себя, то это принесетъ тѣ-же проценты...

— Зачѣмъ играть въ какихъ-то вертепахъ? —сказалъ шуллеръ Политики.—Я скорѣе доверюсь не только желтому или черному чловѣку, но даже краснокожему, чѣмъ тому лицу, которое мечетъ въ такомъ притонѣ. И давать этому прохвосту каменъ, стоящій деньги — значитъ позволить оскорбить благородный алмазъ однимъ прикосновеніемъ подлой руки.

Но газеты ликовали. Вагоновожатые, посыльные, полисмэны, извозчики, торговцы — всѣ зачитывались газетами, брали ихъ съ бою...

П. П. Гнѣдичъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

П. П. Гнѣдича. — Глава XXIX. Волнения въ С. Франциско. Глава XXX. Въ редакціи газеты „The Rahchell“ Глава XXXI. Мистеръ Тоони и мистеръ Каблесь, или новые горизонты.

Вагоновожатые, посыльные, полисмэны, извозчики, торговцы — всѣ зачитывались газетами, брали ихъ съ бою...

П. П. Гнѣдичъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко и П. П. Гнѣдича.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кроваваго Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ въ игрѣ теряетъ великолѣпный брил-
ліантъ. Явившаяся въ притонъ красавица уводитъ князя съ собой и дорогой, въ автомобиль, упрекаетъ его за потерю брилліанта, приносящаго счастье.
Брилліантъ оказался у нѣкогого молодого человека — Перси. Постыдный выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предва-
рительно, его № 1.232.323. В.В.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негритянка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ
лакея — негра, онъ нанимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колынку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье.
Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ иконы хранились брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку
только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ
королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучи-
тельной боли въ колынкѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колынки выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брил-
ліантъ (онъ вѣздаль въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Дьюи, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ
въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Фредоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему на-
блюдать за посылателями „Кроваваго Мышеловка“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ вѣрнаго въ немъ Фредора — „своего“.
Томъ Квикъ случайно, въ кинематографъ, смотритъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ
крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины; чуждымъ микроскопомъ разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ и видитъ на немъ три цаффы:
1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от-
крытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства.
Подписавшись „ротмистръ Персень“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.
Утромъ, зайдя къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дьюи и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ даетъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы
былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дьюи
арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провѣлъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ домахъ, и на улицѣ.

ГЛАВА XXIX.

ВОЛНЕНІЯ ВЪ С. ФРАНЦИСКО.

Газеты стали печататься на такой ломкой дре-
весной бумагѣ, что при одномъ прикосновеніи раз-
валивались, и любители должны были сразу ихъ по-
купать въ нѣсколькихъ экземплярахъ, чтобы имѣть
возможность сохранить сенсационные разсказы. Ил-
люстраціи къ статьямъ были самыя фантастиче-
скія. Особенно удивительно изображенъ былъ
будуаръ убитой злодѣями русской аристократки.
Камень, засунутый въ одну изъ глазныхъ впадинъ,
испускалъ такіе лучи, какіе рисуютъ только у
пророка Моисея, когда онъ сошелъ съ Сіона.
Многіе изъ лакеевъ вырѣзали эти рисунки и укра-
шали ими свою обитель. Въ городѣ явилось
огромное требованіе на дверные замки, цѣпочки и
болты. Начали увѣрять, что цѣлая шайка кита-
йцевъ вырѣзаетъ семьи среди бѣла дня, въ самомъ
центрѣ города. Спросъ на оружіе въ магазинахъ
усилился, особенно на карманные револьверы.
Прислуга, если въ домѣ не было огнестрѣльнаго
оружія, брала кухонные ножи, и, не иначе, какъ съ
ними отворяла двери. Спали съ заржавленными то-
магаками, такъ что если бы убійцы потеряли или
забыли оружіе смерти, то имъ было приготовлено
запасное. Нечего и говорить о тѣхъ разговорахъ,
какіе велись въ обществѣ С. Франциско. Въ рату-
шѣ, которая, какъ извѣстно, помѣщается на
островѣ Yerba Buena, чиновники не занимались те-
кущими дѣлами по вопросу новой компаніи, от-
крывающей рейсы черезъ Проливъ Золота, а го-
ворили только о пропавшемъ камнѣ и убійствѣ;
когда одно изъ начальствующихъ лицъ имъ замѣ-
тило:

— Надо, джентльмены, заниматься своимъ
дѣломъ!

То мистеръ Клякъ, бухгалтеръ, отвѣтилъ:

— Общественная безопасность города отно-
сится къ ратушѣ не менѣе, чѣмъ къ полиціи, кото-
рую тотъ же городъ обязанъ содержать для охра-
ны гражданъ.

Въ результатѣ, рѣшено было усилить посты
полисмэновъ, а потому былъ изобрѣтенъ новый
налогъ на морскихъ свинокъ, кроликовъ и попу-
гаевъ, которые имѣлись въ каждомъ домѣ.

Карточная игра отошла въ клубы на задній
планъ: цѣлые вечера члены ихъ проводили въ об-
сужденіи событий. Одинъ джентльменъ, съ горя
упившійся за ужиномъ сперва редереромъ, по-
томъ виски, былъ впущенъ домой только при по-
мощи полиціи; прислуга оправдывалась тѣмъ, что
голосъ у господина совершенно измѣнился, и
былъ совсѣмъ, какъ у грабителя.

— Да, тяжелыя времена! — вздыхалъ джентль-
менъ, вытягиваясь подъ одеяломъ, и чувствуя, что
кроватъ подъ нимъ колыхается, какъ челнъ на вол-
нахъ Тихаго океана.

— Позвольте, сэръ, хоть сапоги снять, — они
всѣ въ грязи! — умоляла толстая негритянка Тюкки,
и слезы блеснули на ея глазахъ. Но ея господинъ
былъ непреклоненъ, боялся высунуть ногу изъ
подъ одеяла, и такъ и заснулъ въ грязныхъ сапо-
гахъ среди чистыхъ простынь.

Даже въ китайскомъ кварталѣ города, гдѣ
помѣщается рядъ буддійскихъ кумиренъ и прию-
товъ для куренія опиума, много говорили о собы-
тіяхъ дня. Такъ какъ большинство китайцевъ въ
С. Франциско понимаютъ по англійски, то жители
квартала довольствовались американскими газета-
ми, а своей, китайской, не читали, по двумъ при-
чинамъ: во-первыхъ, большинство не умѣло читать,
а во-вторыхъ, текущіе событія появлялись въ ки-
тайскомъ органѣ, вслѣдствіе флегматическаго на-

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24.

Въ редакціи.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“). Рисунокъ Н. Н. Гердроза.

Сыщикъ опустился въ кресло и положилъ ноги на край стола.
— Вы увѣрены, что это я?..

строения племени, двумя мѣсяцами позднѣе, съ очень обстоятельнымъ описаніемъ. До появленія же на родномъ языкѣ описанія событій, китайцы пользовались англійскимъ текстомъ.

Но произошло одно событіе, которое перевернуло все общественное мнѣніе, и поворотило теченіе исторіи и камня, и убійства въ новое русло.

XXX.

ВЪ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «The Rakchell».

Мистеръ Тоони (Тоону), редакторъ расходящейся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ газеты «The Rakchell», сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, разбирая груды писемъ, прибывшихъ съ утренней почтой. Привычнымъ движеніемъ, посмотрѣвъ

только начало и конецъ каждой замѣтки, онъ бросалъ бумагу въ одну изъ четырехъ стоящихъ вокругъ его кресла корзинокъ. Передъ нимъ клубился стаканъ зеленого чая, который онъ всегда имѣлъ обыкновеніе пить при разборкѣ утренней корреспонденціи. Между его губами тлѣла великолѣпная сигара, испускавшая синеватую облака ароматического дыма, вуалью затягивавшаго обширный кабинетъ. На мистерѣ Тоони было что-то вродѣ японскаго шлафрока, сидѣнье котораго давно уже представляло сплошную дыру и было искусно задѣлано резиновой круглой заплатой, въ свой чередъ уже протершейся и получившей неестественный блескъ. Голова его была лишена волосъ, а лицо тщательно выбрито — такъ что въ общемъ, напоминала собою скорѣе бильярдный шаръ, или другую какую нибудь часть тѣла, но отнюдь не голову.

Ножницы щелкали, письма вынимались из конвертов, разворачивались, и летели в корзину. Груда уже уменьшилась на половину, когда бронзовые часы на каминѣ, съ изображеніемъ каймана, глотающего молодую негритянку, пробили десять. Въ этотъ моментъ дверь скрипнула и мистеръ Тоони привычнымъ движеніемъ схватился за ручку револьвера, всегда лежащаго передъ нимъ на столѣ. Но это былъ лакей Рельфъ.

— Вы знаете, мистеръ,—сказалъ Тоони слугѣ,—что отъ половины десятаго до половины одиннадцатаго утра нельзя входить въ мой кабинетъ?

— Безъ особенно важныхъ причинъ, сэръ,—прибавилъ Рельфъ, спокойно глядя на хозяина.

— Какія-же это особенно важные причины?—спросилъ Тоони, вертя въ рукахъ револьверъ, и вызывая на свои тонкія губы презрительную усмѣшку.

— Какой-то неизвѣстный мнѣ джентльмэнъ страннаго вида, вошелъ въ пріемную...

— Вы сказали ему, что онъ ошибся временемъ?—спросилъ мистеръ.

— Позвольте, сэръ, мнѣ договорить,—недовольно возразилъ Рельфъ,—потомъ вы можете меня упрекать, когда я кончу.

— Ну?—кисло сказалъ редакторъ.

— Войдя въ пріемную,—продолжалъ Рельфъ,—онъ велѣлъ передать вамъ эту карточку. Когда я сказалъ, что теперь не пріемные часы редактора, онъ отвѣтилъ, что всадить въ меня дюжину пуль изъ браунинга и при этомъ адски выругался. Въ виду того, что у меня пятеро грудныхъ дѣтей, которымъ я единственная опора, я рѣшился войти въ кабинетъ сэра Тоони.

И онъ положилъ передъ нимъ карточку.

Мистеръ Тоони небрежно взглянулъ на нее, но вдругъ лицо его покраснѣло. Потомъ онъ сразу поблѣднѣлъ.

— Не прикажете-ли, сэръ, полотенце съ укусомъ?—хладно спросилъ слуга.

— Не надо. Проси мистера скорѣе сюда!—хрипло и отрывисто сказалъ Тоони.

XXXI.

МИСТЕРЪ ТООНИ И МИСТЕРЪ КЕБЛЕСЬ, ИЛИ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ.

На карточкѣ стояло имя Джона Кеблеса. Кеблесъ былъ знаменитѣйшій сыщикъ въ С.-Франциско, который, какъ говорили, обладалъ способностью видѣть на пять ярдовъ подъ поверхностью земли. Появление его въ редакціи предвѣщало, что должно произойти что-то новое и чудесное: даромъ онъ никогда и нигдѣ не псявлялся.

Рельфъ былъ очень удивленъ, когда войдя въ пріемную, засталъ посѣтителя повидимому мирно спящимъ на диванѣ. Онъ сидѣлъ въ углу восточной оттоманки, подбородокъ его похислся на коѣняхъ, согнутыхъ до уровня головы, а руки крѣпко охватывали сухія голени. Но едва слуга подошелъ къ нему, голова его поднялась и онъ спросилъ:

— Отвѣтъ?

Вмѣсто отвѣта Рельфъ указалъ ему на дверь, приглашая войти къ мистеру Тоони. И Кеблесъ увѣренными шагами вошелъ.

Почти у двери его встрѣтилъ редакторъ, сіяя своимъ лицомъ и лоснившейся резиновой заплатой.

Гость автоматически пожалъ сухой рукой руку хозяина, повидимому ожидая приглашенія садиться.

Мистеръ Тоони впервые видѣлъ его въ своемъ кабинетѣ. Казалось, мистера Кеблеса только что вынули изъ подъ плющильной машины, до того онъ былъ тонокъ и вытянутъ кверху. Головка у него была маленькая. Если мы скажемъ, что его ротъ доходилъ до ушей, то дадимъ только слабое представленіе объ этой части тѣла, снабженной внутри бѣлыми, крѣпкими, какъ клавиши фортепіано зубами. Носъ, едва возвышавшійся надъ ртомъ, былъ крохотный и напоминалъ средней величины бубенчикъ на собачьемъ ошейникѣ. Глазъ и бровей у него не было, т. е. первые были, но какъ у каждаго, соблюдающаго свое достоинство шпіона, скрывались за совершенно непронускающими свѣтъ очками. Это обстоятельство не помѣшало ему замѣтить жестъ, которымъ мистеръ Тоони пригласилъ его сѣсть въ кресло возлѣ стола. Онъ опустился въ него и положилъ ноги, обутыя въ желтые башмаки, на самый край стола, слегка сдвинувъ лежащую на краю кипу бумагъ.

— Вы увѣрены, что это я?—спросилъ гость,—тотъ, чье имя означено наподанной вамъ карточкѣ?!

Мистеръ Тоони посмотрѣлъ на его уши, представленныя перпендикулярно къ черепу, и сказалъ:

— Увѣренъ.

— Я къ вамъ по дѣлу,—заговорилъ гость,—и сдѣлалъ маленькую паузу.—Мнѣ нужно къ вечеру,—закончилъ онъ,—пятнадцать тысячъ долларовъ.

Редакторъ нисколько не удивился, а только протянулъ ему ящикъ съ сигарами.

— Наша компанія,—заговорилъ редакторъ, когда гость отмахнулся отъ ящика, какъ отъ докучливой мухи,—конечно, съ удовольствіемъ уплатитъ вамъ эту сумму, даже вчетверо большую, но надо знать за что?

— За то, что стоитъ такой оплаты,—отвѣтилъ гость, и, переложивъ ногу, которая была внизу, наверхъ, сказалъ:

— Я могу поднять тиражъ вашей газеты на сто тысячъ экземпляровъ.

Глаза мистера Тоони вспыхнули, но тотчасъ же потухли. Онъ только вопросительно посмотрѣлъ на гостя.

— Вы, конечно, читали исторію покражи бриллианта въ картежномъ притонѣ,—проговорилъ Кеблесъ.—Объ этой кражѣ вотъ уже недѣлю вопятъ всѣ здѣшнія газеты!

— Кромѣ нашей!—поправилъ его мистеръ Тоони.

П. П. Гнѣдичъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа — П. П. Гнѣдича. Глава XXX. Въ редакціи газеты „The Rancher“ Глава XXXI. Мистеръ Тоони и мистеръ Кеблесъ, или новые горизонты. Глава XXXII. Начало разоблаченій мистера Кеблеса.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Пемировича-Данченко, А. А. Пзмайлова, А. Н. Будничева, П. П. Гнѣдича, П. П. Потапенко, В. А. Тихонова, І. І. Яценскаго и друг. съ необходимыми послѣдствіемъ В. А. Регинина.

П. П. Гнѣдичъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
тинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко и П. П. Гнѣдича.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ въ игрѣ теряетъ великолѣпный брил-
ліантъ. Явившійся въ притонъ красавица уводитъ князя съ собой и дорогой, въ автомобиль, упрекаетъ его за потерю брилліанта, приносящаго счастье.

Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Послѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, переѣхавъ, предва-
рительно, его № 1.232.323. Б.Б.Б. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятянка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ
лакея — негра, онъ нанимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колѣнку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье.
Безумная дочь банкира Гаппа, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку
только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ
королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квики, и умоляетъ избавить его отъ мучи-
тельной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова бесцѣльно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брил-
ліантъ (онъ врылся въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ
въ отель князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему на-
блюдать за поестителями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ фавшана въ немъ Федора — „своего“.

Томъ Квикъ случайно, въ кинематографѣ, смотритъ картину „Пребываніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ
крейсера кн. Енгусева и покупаетъ денту этой картины; чедель микроскопъ рассматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ и видитъ на немъ три цифры:

1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от-
крытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства.
Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ аську машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.
Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы
былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью
арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ докахъ, и на улицахъ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кеблессъ, является въ редакцію расходящейся въ огромномъ количествѣ газеты „The
Rakshell“ и по американски заявляетъ:

— Мнѣ нужно къ вечеру пятнадцать тысячъ долларовъ. Я могу поднять тиражъ Вашей газеты на сто тысячъ экземпляровъ.

Редакторъ проситъ объясненія.

ГЛАВА XXXI.

МИСТЕРЪ ТООНИ И МИСТЕРЪ КЕБЛЕСЪ,
ИЛИ НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ.

— Кромѣ вашей, — подтвердилъ Кеблессъ, — поэтому я и пріѣхалъ именно къ вамъ. Не знаю, заплачено-ли за эту утку содержателями игорнаго притона, или это праздная фантазія репортеровъ, но сообщенія ошибочны въ самой основѣ: навѣрно никто не можетъ сказать, вла-
дѣтель драгоцѣннаго камня — русскій-ли аристократъ, носитель громкаго имени, или просто бѣглый преступникъ, пригово-
ренный къ повѣшенію. Это еще неиз-
вѣстно.

Мистеръ Тоони невольно зашаркалъ ногами по шкурѣ пумы, а гость легонько заржалъ, еще больше показавъ обѣ чело-
вѣности своихъ огромныхъ зубовъ.

— Я за нимъ, за этимъ quasi-ари-
стократомъ, внимательно слѣдилъ, — про-
должалъ онъ, — въ теченіе трехъ лѣтъ и
даже нарочно ѣздилъ ради него въ Рос-
сію. Въ Петербургѣ онъ занимался свер-
леніемъ колодезевъ, онъ былъ высланъ
изъ столицы за шантажъ секретаря ки-
тайскаго посольства Сунъ-Чай. Въ Москвѣ,
куда онъ перебрался, онъ началъ изда-
вать вечернюю газету, первый номеръ
которой былъ запрещенъ полиціей за
инсинуацію и диффамацию. Отправив-
шись въ Одессу, и, экспроприровавъ по
дорогѣ у двухъ артельщиковъ сумму
свыше ста тысячъ долларовъ, онъ тамъ

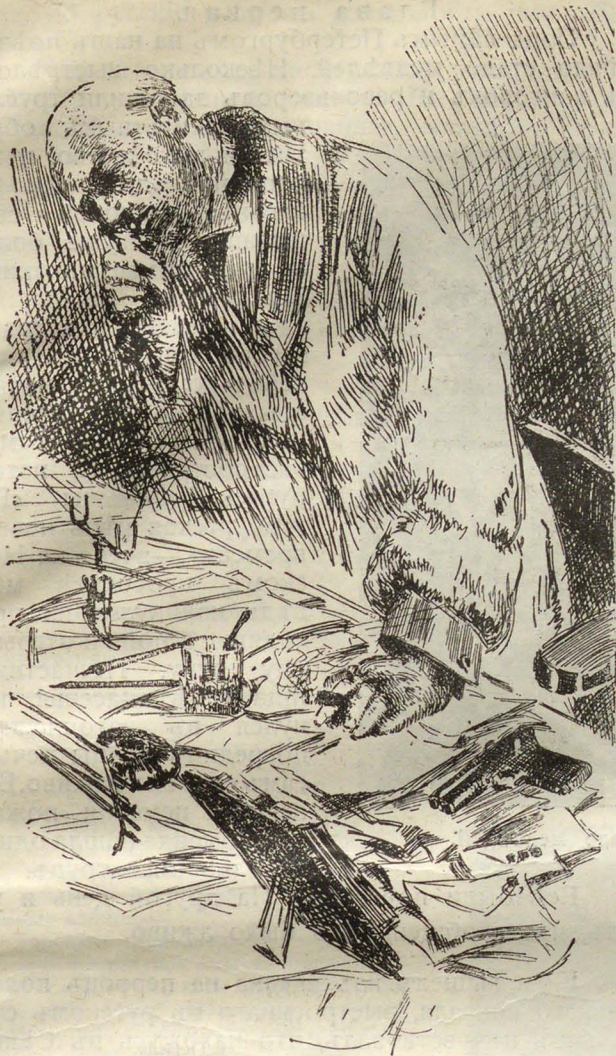
М-г Кеблессъ въ Россіи.

занился контрабандой, открывъ на имя греческаго
купца Губыпополо торговлю турецкимъ табакомъ;
не довольствуясь этимъ, онъ открылъ подпольную
типографію, въ которой самъ стоялъ метранпажемъ.

Четыре раза, даже, кажется, болѣе, онъ
ускользалъ, во время облавы, изъ рукъ
полиціи и появлялся то въ Таращахъ, то
въ Лондонѣ, то въ Гомелѣ, то въ Пизѣ.
Приговоренный судомъ, именно въ Пизѣ,
къ смертной казни, онъ бѣжалъ въ Грен-
ландію. Потомъ я встрѣтилъ его боц-
маномъ на простомъ китоловномъ суднѣ.
У одного изъ предводителей американ-
скихъ племенъ онъ обманомъ покупаетъ
великолѣпный алмазъ и лучшія драго-
цѣнности. Въ Парижѣ ему поддѣлываютъ
купленные у индѣйца камни въ трехъ
экземплярахъ и съ такимъ искусствомъ,
что ни самъ онъ, ни ювелиры не могутъ
отличить поддѣлки отъ оригинала. От-
сюда — вся легенда о камнѣ. Впрочемъ,
можетъ быть, это и не онъ, а другое
лицо, — но объ этомъ послѣ... Я нарочно
путаю хронологію событій...

Мистеръ Кеблессъ спустилъ ноги со
стола на линолеумъ, доставленный въ
редакцію фирмой Чарльзъ Вудъ и Ко.
по три доллара за квадратный метръ.

— Я нарочно сообщилъ вамъ не
вполнѣ вѣрные факты, — проговорилъ,
снова осклабясь, гость: — я не настолько
простъ, что-бы дать вамъ точный ма-
териалъ въ руки, пока вы мнѣ не за-
платите требуемую сумму; но по моему
сжатому конспекту вы можете судить

— Миссъ,—пожалуйста № 222-00.00...

о томъ интересѣ, который могутъ возбудить мои фельетоны.

— Первый изъ нихъ когда мы получимъ?—спросилъ редакторъ.

— Сегодня послѣ двухъ часовъ дня вы получите первыя девятнадцать тысячъ буквъ моихъ записокъ. Подписывать въ концѣ фамиліи я не желаю, но вы можете:

а) Напечатать въ хроникѣ вечерняго выпуска вашей газеты, что изъ банка, гдѣ лежатъ капиталы вашей компаніи, сегодня мною получены 15 тысячъ долларовъ, и

б) подъ заглавіемъ фельетона—„Истина объ алмазѣ“ можете напечатать въ скобкахъ: сообщено мистеромъ Кёблесомъ.

Пока Кёблесъ говорилъ, мистеръ Тоони написалъ чекъ и протянувъ ему сказалъ:

— Именной. Съ васъ возьмутъ въ банкѣ росписку.

Гость кивнулъ утвердительно головой, и сложивъ чекъ вчетверо, сунулъ его въ жилетный карманъ, какъ будто это была простая зубочистка; потомъ онъ сжалъ въ своей рукѣ руку редактора на прощанье, и вышелъ изъ кабинета, топя тройными подошвами желтыхъ башмаковъ по линолеуму фабрики Вуда и К^о.

Мистеръ Тоони, оставшись одинъ, потеръ ладони рукъ и проговорилъ:

— Кажется, дѣльце хорошее!

Онъ пустилъ облако дыма и, позвонивъ въ телефонъ, стоявшій на столѣ, сказалъ:

— Миссъ,—пожалуйста № 222.00.00.

— Я слушаю! раздался черезъ мгновеніе хриплый басъ.

— Мистеръ Каркеръ? Говорить съ вами Тоони изъ редакціи. Да, добрый день, мистеръ Каркеръ! Сегодня явится къ вамъ съ нашимъ чекомъ Кёблесъ.

— Оо! послышалось въ отвѣтъ.

— Выдайте ему деньги, но велите снять съ него фотографію въ моментъ, когда онъ будетъ расписываться. Больше ничего, мистеръ Каркеръ.

— Yes! раздалось въ отвѣтъ, и телефонъ замолкъ, вздрогнувъ звонкомъ, точно икнувъ печально.

XXXII.

НАЧАЛО РАЗОБЛАЧЕНІЙ МИСТЕРА КЕБЛЕСА.

Въ вечернемъ номерѣ этого дня газеты «The Rakchell», въ хроникѣ, появилось слѣдующее извѣщеніе: «Сегодня около полудня въ центральномъ банкѣ мистеръ Кёблесъ, получивъ по чеку редакціи нашего журнала пятнадцать тысячъ долларовъ, направился къ выходу. У самыхъ дверей, на него напали два неизвѣстныхъ злоумышленника, стараясь завладѣть полученной суммой. Но мистеръ Кёблесъ безъ охраны никогда не ходитъ: злоумышленники были немедленно арестованы и оказались преступниками, давно уже разыскиваемыми и хорошо извѣстными полиціи; ихъ немедля препроводили въ сыскное отдѣленіе. Къ сожалѣнію, по дорогѣ они бѣжали и погоня за ними не привела ни къ какимъ результатамъ».

„Петербургскій вокзалъ, въстроенный въ русское стили“...

Нѣсколько ниже, жирнымъ шрифтомъ были напечатаны такой анонсъ:

«Съ завтрашняго утренняяго номера начнется у насъ печатанье записокъ мистера Кёблеса, полныхъ захватывающаго интереса и богато иллюстрированныхъ».

Послѣднее привело въ нѣкоторое недоумѣніе даже мистера Кёблеса: можно-ли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ богато иллюстрировать текстъ, проникнувшись имъ, скомпановавъ, нарисовавъ то, что нужно, да еще подготовивъ клише для печати?

Но номеръ вышелъ въ свое время—и съ рисунками;—правда, рисунки не имѣли прямого отношенія къ тексту. На нихъ, между прочимъ, былъ изображенъ самъ мистеръ Кёблесъ въ сафодской одеждѣ, — въ такомъ видѣ онъ ѣздилъ въ Россію; потомъ былъ помещенъ портретъ бабушки мистера Кёблеса—миссисъ Сусанны Кёблесъ, и его внуки — миссъ Мэри Кёблесъ. Кромѣ того, въ газетѣ былъ изображенъ фасадъ дома, гдѣ живетъ мистеръ Кёблесъ и внутренность того магазина обуви, гдѣ онъ заказываетъ себѣ башмаки. Номеръ имѣлъ успѣхъ головокругительный.

Приводимъ начало этихъ записокъ.

Подъ вышеупомянутымъ портретомъ, на которомъ авторъ болѣе походилъ на допотопное животное, чѣмъ на человѣка, значилось:

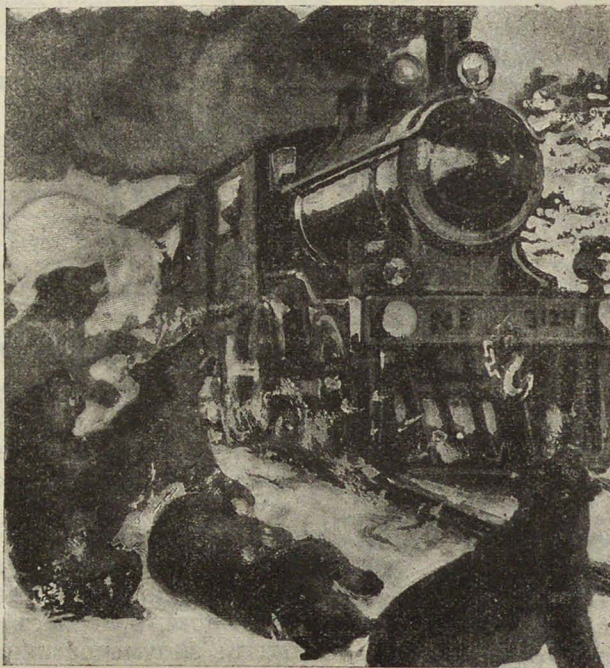
Глава первая.

Подъ самымъ Петербургомъ на нашъ поѣздъ напало стадо медвѣдей. Нѣсколько выстрѣловъ изъ винтовокъ и револьверовъ заставили трусливыхъ животныхъ обратиться въ бѣгство, и мы спокойно допивали въ вагонѣ — столовой свое шампанское, уже болѣе не тревожимые никакимъ нападеніемъ.

— А вотъ вчера, — заговорилъ блестящій лейбъ-гусарь, отрываясь отъ только что купленной въ Гатчинѣ самой распространенной петербургской газеты «Петербургская рѣчь новаго времени», — вчера на Невскомъ проспектѣ медвѣдь накинулся на проходящаго попа и отгрызъ ему руку. Несчастный, ища себѣ спасенія, кинулся въ затопленную посреди улицы печь и гамъ сгорѣлъ заживо. Вызванная немедленно пожарная команда нашла одинъ обуглившійся трупъ.

Всѣ были поражены. На другой день я узналъ, что сообщеніе это было лживо.

Едва вышелъ изъ вагона на перронъ колоссальнаго вокзала, выстроеннаго въ русскомъ стилѣ, какъ почувствовалъ, что нахожусь въ Сѣверной Пальмирѣ, съ ея знаменитыми бѣлыми ночами, воспѣтыми извѣстнымъ русскимъ поэтомъ Пушкинымъ. По свидѣтельству Пушкина, онъ могъ не только писать ночью безъ электриче-

На поѣздъ напало стадо медвѣдей.

Рис. худ. В. Лебедева.

...Вчера на Невскомъ проспектѣ медвѣдь накинулся на проходящаго попа и отгрызъ ему руку...

ства, но русскіе матросы даже могли шить безъ свѣта *).

Все, что пишутъ иностранные писатели о Петербургѣ, чистѣйшій вздоръ. Въ «Европейской гостиницѣ», гдѣ я остановился, платя 75 долларовъ за помѣщеніе въ сутки, говорили на всѣхъ языкахъ, кромѣ русскаго. Гостинница стоитъ на самомъ берегу Невы, но клюквенныхъ деревьевъ вокругъ ея не растутъ—это нѣсколько дальше, въ самоѣдскихъ тундрахъ.

Только что я успѣлъ разложить свои вещи, мнѣ подали карточку съ княжеской короной. Подъ короной значилось:

Prince Ingouche-Sandanouhta.

Я сказалъ, что принимаю.

Вошелъ красивый brunetъ, отзывавшійся Кавказомъ, въ морской формѣ, съ браслетомъ на одной изъ рукъ. Подъ обручемъ браслета болталась ка-

*) Въ поэмѣ „Мѣдный всадникъ“ прямо сказано: „Пишу, читаю безъ лампы и ясно видна игла, принадлежащая морскому вѣдомству“.

кая-то булька. Борода у него была черная, носъ орлиный.

Потомъ онъ посмотрѣлъ на двери и спросилъ на чистомъ англійскомъ языкѣ:

— Кто живетъ возлѣ васъ, сэръ?

П. П. Гнѣдичъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа—П. П. Гнѣдича: Глава XXXII. Начало разоблаченій мистера Кеблеса, А. А. Измайлова:—Глава XXXIII. Счастливые дни „Кривавой мышеловки“. Глава XXXIV. Такъ кто же убійца? Глава XXXV. Эврика! Глава XXXVI. Геніальность или помѣшательство.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. Н. Будищева, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, І. І. Ясинскаго и друг. съ необходимымъ послѣсловіемъ Вас. Регинина.

ВЪ АЛБАНИИ.

Свободные, какъ горные орды, засѣли въ скалахъ, притаились въ ущельяхъ, выслѣживаютъ изъ-за каждаго куста ненавистнаго турка—гордые, независимые албанцы.

Турецкое правительство прощаетъ имъ всѣ предыдущія стычки съ войсками, султанъ объявляетъ амнистію плѣннымъ албанцамъ, дипломаты успокаиваютъ всѣхъ, говоря, что возстаніе кончилось, столкновений нѣтъ...

А на самомъ дѣлѣ, обозленные горцы до сихъ поръ рѣжутъ мусульманъ, атакуютъ турецкія позиціи.

Растерявшійся правительственный войска ждуть удара со всѣхъ сторонъ; ежедневно изъ ихъ рядовъ отзываются въ Скутари партіи раненыхъ...

Но «мирдиты», «клементи», «шалс», «шоша» и др. не вѣрятъ ни обѣщаніямъ, ни амнистіямъ.

Пока въ ихъ странѣ, въ ихъ свободной Албаніи находится хоть одинъ мусульманскій солдатъ—албанцы будутъ до послѣдняго издыханія защищать свою цѣную, горную свободу.

Они знаютъ всѣ пропасти, всѣ неприступныя скалы... Маленькими кучками разсѣялись они въ горахъ и готовятъ ударъ за ударомъ...

Въ совершенствѣ владѣя огнестрѣльнымъ оружіемъ, они не останавливаются и передъ другими способами уничтоженія врага.

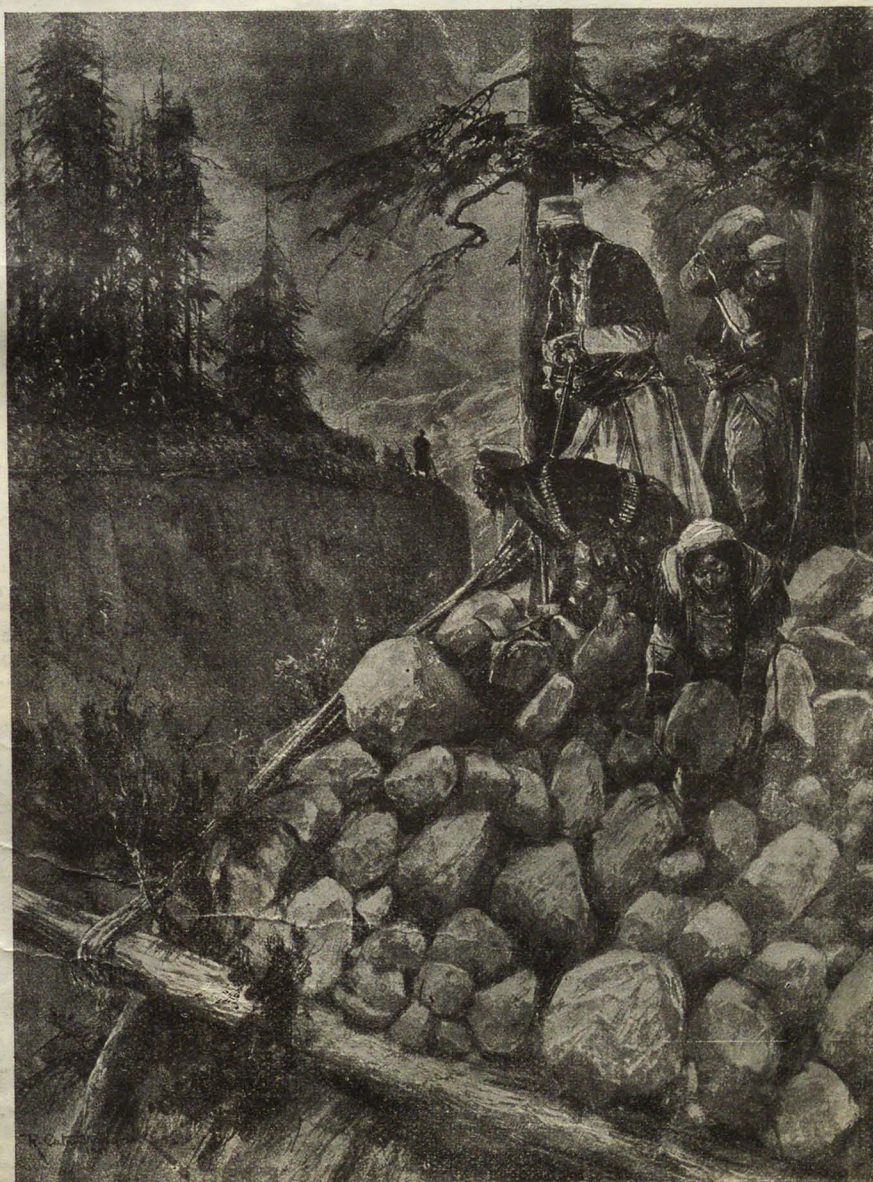
На нашемъ рисункѣ изображена страшная, разрушительная праща: бревно, сдерживающее груды камней.

Стоитъ перерубить канатъ и каменный дождь обрушивается на неприятеля, проходящаго по ущелью.

Такой способъ нападенія-защиты практикуется албанскими повстанцами преимущественно въ центральной Албаніи.

Главный укрѣпленный пунктъ въ этой части Албаніи—Кройя (Сгоуа)—находится на столь неприступной скалѣ, что для сообщенія крѣпости съ остальнымъ міромъ служатъ лишь канаты съ подвѣшенными на нихъ корзинками.

Лишь одинъ воздушный корабль способенъ атаковать такое орлиное гнѣздо...

Гр. да камней, готовая свалиться на головы турецкимъ солдатамъ...

П. П. Грѣдичъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(Т Р И Б У К В Ы)

А. Измайловъ,
А. Н. Бузищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Грѣдичъ,
И. Н. Потанинко
и др.
Съ необходимыми по-
слѣдователями Вас. Ре-
гинина.

А. А. Измайловъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко и П. П. Грѣдича.

Въ труобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгусевъ въ игръ теряетъ волшебный брил-
ліантъ. Явившаяся въ притонъ красавица уводитъ князя съ собой и дорогой, въ автомобиль, упрекаетъ его за потерю брилліанта, приносящаго счастье.
Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человека — Перси. Последний выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предва-
рительно, его №. 1.232.323. Б.Б.В. Другая окраина города. Въ темномъ подвалѣ негрятинка Салли перекрашиваетъ Перси въ черный цвѣтъ. Подъ видомъ
лакея — негра, онъ наминается къ своей матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ кофты...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ прѣтелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье.
Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку
только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ
породей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучи-
тельной боли въ кофты. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ кофты выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брил-
ліантъ (онъ вѣзалъ въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...
Князь Енгусевъ, ради успокоенія красавицы Маріи, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ
въ отелъ князя, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ № автомобиля, въ которомъ мчался Перси. Енгусевъ поручаетъ ему на-
блюдать за посѣтителями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающие таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ вѣхшаго въ немъ бедолагу „своего“.
Томъ Квикъ случайно, въ кинематографъ, смотритъ картину „Пробываніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ
крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины; черезъ микроскопъ разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ и видитъ на немъ три циф.ы:
1... 2... 3...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от-
крытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства.
Подписавшись „детямъ Перси“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.
Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.
Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ даетъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы
сильно вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью
арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ докахъ, и на улицѣ.
Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, хистеръ Джонъ Кэблесъ, начинаетъ печатать въ распространѣвшейся газетѣ „The Rakchell“ сенсаці-
онныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погоню за посявшимъ, м-р Кэблесъ яко-бы выдѣлъ въ Россію (печатаютъ) и его впечатлѣнія объ этой „варвар-
ской“ странѣ) столкнутся тамъ съ княземъ лицомъ къ лицу въ гостиницѣ. Prince Jngouhe—Sendanouhta пришесть къ сыщику и спросить:

— Кто и вѣсть возлѣ гасъ, сэръ?

ГЛАВА XXXII.

НАЧАЛО РАЗОБЛАЧЕНІЙ МИСТЕРА КЭБЛЕСА.

«Баронесса Либъ-фрау-Мильхъ изъ Реве-
ля. Ея нѣтъ дома.

Онъ придвинулъ свои губы къ моему уху:

— Я принадлежу къ
лигѣ... началъ онъ.

Пока я не передамъ
нашего разговора, онъ
найдетъ мѣсто въ мо-
ихъ запискахъ нѣсколько
позднѣе. Скажу только,
что черезъ четырнадцать
минутъ князь всталъ и
проговорилъ:

— Сэръ!

Я ему отвѣтилъ
тѣмъ-же. Онъ вышелъ.
Вслѣдъ за нимъ вышелъ
и я. Каково-же было мое
изумленіе, когда я уви-
дѣлъ его у подвѣзда, са-
дящимся на тройку, за-
пряженную цугомъ дву-
мя лошадьми à la До-
монъ. Но онъ былъ въ
статскомъ и борода у не-
го была огненнаго цвѣ-
та. При видѣ меня онъ
насмѣшливо улыбнулся,
но не приподнявъ своего цилиндра. Кучеръ
свистнулъ, и тройка, гремя колокольчиками, вскачь
тронулась съ мѣста.

Какъ онъ успѣлъ такъ быстро переодѣться и пе-
рекрасить бороду? Или то былъ сверхъ-чело-
вѣкъ?

Уже въ послѣдствіи я узналъ, что это было
совсѣмъ другое лицо, мѣнявшее каждый день
цвѣтъ своихъ волосъ. Но черты ихъ были также
похожи другъ на друга,
какъ тотъ алмазь, что
пропалъ на-дняхъ въ
игорномъ вертепѣ, на
настоящій камень»...

Въ этомъ мѣстѣ,
текстъ перерывался съ-
рой лепешкой, подпись
подъ которой гласила:

«Попытка ограбить
мистера Кэблеса въ Цен-
тральномъ банкѣ С.-Фран-
циско».

При нѣкоторыхъ по-
тугахъ, можно было на
этой лепешкѣ разобрать,
какъ два какихъ-то ху-
лигана въ клѣтчатыхъ
пиджакахъ и короткихъ
брюкахъ кидаются на сы-
щика. На выручку ему
спѣшатъ съ револьвера-
ми, повидимому, такіе же
хулиганы. Сэръ Кэблесъ

Попытка ограбить мистера Кэблеса въ центр-льномъ
банкѣ С.-Франциско*.

на лицѣ своемъ ничего не выражаетъ, но остается
равнодушнымъ, какъ то надлежитъ каждому поря-
дочному англичанину, а тѣмъ паче—сыщику.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25 и 26.

„Русская тройка“.

Рис. худ. В. Лебедева.

«...У подъезда я увидѣлъ князя Енгушева, сѣдѣлаго на тройку, запряженную цугѣмъ двумя лошадьми а la Домсбъ...»

Далѣе—опять слѣдовалъ текстъ Кёблеса...

«Передъ обѣдомъ въ тотъ-же день,—продолжалъ онъ свое повѣствованіе,—я прилежъ отдохнуть. Образы только что минувшаго начали рѣять передо мной. Между прочимъ, вдругъ выплылъ образъ князя Енгушева. У меня есть странная особенность, совершенно необъяснимая даже лучшими врачами. Въ моей памяти, какъ на чувствительной пленкѣ фотографическаго аппарата, механически запечатлѣвается данный образъ со всѣми его деталями. Теперь, когда лежалъ я на широкой постели гостиницы, въ полудремотѣ, вдругъ какая-то невѣдомая сила сорвала меня съ этого дожа.

Князь всплылъ, какъ я уже сказалъ предомною, и булька, болтавшаяся у его браслета, затмила его образъ. Я давно ищу этотъ таинственный камень. Еслибъ я зналъ, что я его встрѣчу здѣсь, я бы пріѣхалъ не только въ Россію, но въ самый центръ Африки. На этомъ камнѣ есть цифры—или—если хотите, буквы...

Мнѣ во что бы то ни стало надо знать, тотъ-ли это алмазъ, который купленъ у предводителя Не-шо-ра-ре-раги-кутса въ 1899 году однимъ аферистомъ? Я знаю, что съ этого камня въ Парижѣ сдѣлана превосходная копія, даже не одна, а цѣлыхъ три. Но это единственный случай, когда копіи по цѣнности равны оригиналу. Дѣло не въ алмазѣ и не въ его водѣ, а въ тѣхъ знакахъ, что на нихъ начертаны. Если знаки на копіяхъ тѣ-же,—копіямъ нѣтъ цѣны, какъ и оригиналу...

Я позвонилъ слугу.

— Вы знаете князя Енгушева?—спросилъ я.

— Нѣтъ сэръ.

— Какой утроемъ былъ у меня?

— Нѣтъ сэръ.

Я бросилъ ему на столъ золотой и сказалъ:

— Черезъ полчаса я долженъ знать, гдѣ онъ.

Слуга поклонился и вышелъ. Черезъ четверть часа онъ сказалъ мнѣ:

— Отсюда князь прямо направился въ Кронштадтъ на судно, стоящее на рейдѣ и готовое къ отплытію.

— Далеко отсюда Кронштадтъ?

— Два часа ѣзды, сэръ.

— Я немедленно ѣду.

Покойный автомобиль катилъ меня къ Балтійскому дебаркадеру. Черезъ два часа я уже былъ въ Кронштадтѣ. Но тутъ меня ждало разочарованіе...

Опять таки въ этомъ мѣстѣ рассказъ прерывался прямымъ четырехугольникомъ, подъ которымъ была подпись:

«Видъ города Иркутска съ балкона колокольни Ивана Великаго».

П. П. Гибдичъ.

ГЛАВА XXXIII.

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ «КРОВАВОЙ МЫШЕЛОВКИ».

«Кровавая Мышеловка» работала на славу. Въ нѣкоторомъ родѣ, она чувствовала себя именинницей.

Газеты Санъ-Франциско, жившія всѣ эти дни исторіей невѣроятнаго убійства баронессы, въ

глазѣ которой найденъ былъ драгоценный камень, начинали свой разсказъ неизбежно съ загадочной пропажи брилліанта въ мрачной тавернѣ. Была, очевидно, какая-то таинственная и до сихъ поръ неуловимая связь между убійствомъ и «Кровавой Мышеловкой».

Любительницы сильныхъ ощущений, изящныя леди, въ сопровожденіи одѣтыхъ по послѣдней модѣ джентельменовъ, задолго до наступленія сумерекъ, подъѣзжали въ автомобиляхъ и легкихъ кабриолетахъ къ опасной улицѣ Догъ-Стритъ.

Какую искреннюю печаль можно было прочесть въ прелестныхъ глазахъ, сквозь лорнеты смотрѣвшихъ въ глубокой дворъ на загадочный кабачекъ, о которомъ такія жуткія подробности разсказывались и въ салонахъ, и въ мансардахъ. Увы—доступъ въ таинственный нѣдра опаснаго кабачка былъ закрытъ для женщинъ—теперь, ничуть не менѣе, чѣмъ раньше...

«Кровавая мышеловка» работала на славу. Всѣ эти дни съѣздъ начинался на нѣсколько часовъ раньше. Хозяину уже не было нужды прибѣгать къ прямымъ развѣщеніямъ—къ травлямъ крысъ собаками или пѣтушинымъ боямъ. Публика валила вадомъ.

Многіе приходили только взглянуть на этотъ странный уголокъ, прославленный газетами. Давно не бывшіе посѣтители вдругъ заявили пожать руку хозяину. «Послѣ часу ночи встрѣчи съ художниками и писателями»—эту публикацію—владелецъ снялъ со страницъ газетъ вотъ уже нѣсколько дней. Въ этомъ больше не было надобности. Дома, стуча счетами, онъ говорилъ своей женѣ:

— Этотъ брилліантъ въ самомъ дѣлѣ, должно быть, волшебный. Онъ принесъ намъ доходъ. Завтра возмешь съ собой Мориса и свезешь въ купеческій банкъ еще 2.000 долларовъ. Это, другъ мой, не котъ заплакалъ!..

... Спускались сумерки. Группа гениальныхъ «богемцевъ», во главѣ съ Шеррисономъ, занимала особый кабинетъ, рядомъ съ комнатою «для курильщиковъ гашиша».

Здѣсь были они всѣ налицо — огромный Диплокъ, крохотный Краббъ, черный, какъ жукъ Друмбамбумъ, веселый русскій эмигрантъ Калина и гений репортажа горбоносый Спрингъ.

Только бѣдной Бетти, прекрасной рыжеволосой Бетти, пришлось, вотъ уже который разъ, вернуться домой отъ порога «Мышеловки».

— Не огорчайтесь, дорогая миссъ,—шепнуть

ей Спрингъ, таявшій передъ каждой юбкой. — Женщина не одна страдаетъ отъ черты осѣдлости. Когда я жилъ въ Россіи—впрочемъ, не станемъ будить тяжелыхъ воспоминаній... Но женщина рано или поздно добьется эмансипаціи! Это обещаю вамъ я, Джонъ Спрингъ! Пока вы выигрываете только 10 фунтовъ, которые каждый изъ насъ заплатитъ за входъ...

Онъ разсказалъ ей по этому случаю анекдотъ. Анекдотъ былъ смѣшнень, но Бетти не повела хорошенькими губками и не улыбнулась. Она считала себя обиженной.

ГЛАВА XXXIV.

ТАКЪ КТО ЖЕ УБИЙЦА?

... Сегодня угощаль Шеррисонъ. Онъ сразу спросилъ двѣ бутылки виски.

Если читатель вспомнитъ, что цѣны въ «Кровавой Мышеловкѣ» были адскія, онъ не долженъ удивиться, что предусмотрительный Спрингъ вытащилъ изъ двухъ кармановъ брюкъ двѣ бутылки того же благороднаго напитка, приобретенные имъ по дорогѣ по цѣнѣ ренсковыхъ погребовъ. Онъ съэкономилъ ровно 12 долларовъ.

— Вчера, въ 3 часа 8 минутъ ночи,—началъ Шеррисонъ,—мы прервали нашъ разговоръ о загадочной исторіи съ баронессой съ брилліантовымъ глазомъ. Сегодняшній фельетонъ сыщика Кёблеса мы всѣ читали. Нашъ другъ Спрингъ уже доложилъ намъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ происшествія. Слово принад-

лежитъ огромному Диплоку!

А. А. Измайловъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа А. А. Измайлова:—Глава XXXIV. Такъ кто же убійца? Глава XXXV. Эврика! Глава XXXVI. Гениальность или помѣшательство. Глава XXXVII. У короля сыска. Глава XXXVIII. Неожиданная улика.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. П. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Каменскаго, Тэффи, В. П. Немпровича-Данченко, А. А. Измайлова, А. П. Будничева, П. П. Габдича, П. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, І. І. Яенискаго и друг. съ необходимыми послѣдовіемъ В. А. Регинина.

А. А. Измайловъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ
и А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣдствіемъ Вас. Ре-
гинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко и П. П. Гнѣдича.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, капитанъ русскаго судна, кн. Енгушевъ въ ирѣ теряетъ великолѣпный брилліантъ. Явившаяся въ притонъ красавица уводитъ князя съ собой и дорогой, въ автомобиль, упрекаетъ его за потерю брилліанта, приносящаго счастье. Брилліантъ оказался у нѣкоего молодого человѣка — Перси. Послѣдній выходитъ изъ притона и садится въ автомобиль, перемѣнивъ, предва- лаея — негра, онъ нанимается къ своей же матери. „Вшиваетъ“ украденный брилліантъ себѣ въ колынку...

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и царей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучи- тельной боли въ колыбѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колыбѣ выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брил- ліантъ (онъ вѣзлся въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапогу своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Князь Енгушевъ, ради успокоенія красавицы Марин, показываетъ ей другой брилліантъ и выдаетъ его за настоящій... Возвратившагося къ себѣ въ отель князь, встрѣчаетъ его вѣрный слуга — матросъ Федоръ. Онъ замѣтилъ М. автомобиль, въ которомъ мчался Перси. Енгушевъ поручаетъ ему на- блюдать за посылтелями „Кровавой Мышеловки“.

Но люди, ожидающіе таинственный автомобиль м-ра Перси, по ошибкѣ убиваютъ ѣхавшаго въ немъ Федора — „своего“.

Томъ Квикъ случайно, въ кинематографъ, смотритъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ гавани Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на падубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины; че. е. з. микроскопъ разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ и видитъ на немъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от- крытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персина“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарахвать и въ докахъ, и на улицѣ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Kackshell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-т Кёблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ выдался съ кн. Jngouche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая. Разоблаченія кончатся разсказомъ о поѣздкѣ сыщика въ Кроштитадт, впогонку за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Дога-Стригъ, толпами валяясь въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку къ загадочной исторіи съ брилліантомъ...

ГЛАВА XXXIV.

ТАКЪ КТО-ЖЕ УБИЙЦА?

Огромный Диплокъ поперхнулся отъ не- ожиданности, кашлянулъ въ волосатую руку и сказалъ, какъ въ бочку:

— Милэди и джентельмэны! Я не имѣю сво- его мнѣнія насчетъ этого чрезвычайнаго проис- шествія. Сколько я знаю, самый мрачный юморъ въ мірѣ—юморъ Россіи. Надо быть поистинѣ рус- скимъ юмористомъ, чтобы придумать такую ком- бинацію—убить прелестную женщину въ самой соблазнительной обстановкѣ и въ заключеніе уди- вить міръ невѣроятною щедростью, вставивъ ей въ глазъ брилліантъ, которому могъ бы позавидо- вать тибетскій далай-лама...

— Это са...са...са...дизмъ! Извѣстный ро...ро... родъ садизма! — началъ, заикаясь, крохотный Краббъ. Но одинъ изъ джентельмэновъ осторож- нымъ движеніемъ по его затылку намекнулъ ему, что онъ нарушаетъ очередь.

— Возможно, что это садизмъ,—невозмущи- мо согласился огромный Диплокъ,—но я въ этихъ вещахъ понимаю очень немного. На моемъ вѣку я бралъ женщинъ больше, чѣмъ вы, джентельмэ- ны, зубочистокъ послѣ ѣды, но мнѣ никогда не хотѣлось послѣ этого ни убивать ихъ, ни вста- влять имъ въ глаза не только что брилліантъ, но даже пробку отъ пустой бутылки. Это удоволь- ствіе совершенно не щекочетъ моей нервной си- стемы. Вотъ, джентельмэны, все, что я могу ска- зать.

Очередь была за чернымъ, какъ жукъ, Друм- бамбумомъ. Изящнымъ жестомъ онъ сплюнулъ

окурокъ папиросы на полъ, притиснулъ его ногой и сказалъ:

— Тамъ, гдѣ замѣшана женщина, я всегда, джентельмэны, говорю себѣ «cherchez la femme». Въ данномъ случаѣ, романъ несомнѣненъ какъ то, что у меня на носу бородавка. Князь Енгушевъ, или чортъ его знаетъ, кѣмъ ему угодно будетъ оказаться, самъ объявилъ себя любовникомъ ве- ликолѣпной баронессы. Прощаясь съ нею до завтра или, можетъ быть, до той же ночи, въ чаду любви, онъ оставилъ ей свой брилліантъ, какъ залогъ своего возвращенія. Можетъ быть, онъ условился съ ней, что постучится ей въ дверь условленнымъ стукомъ: ну, напримѣръ, два раза раздѣльно и третій разъ—дважды сразу. Такой способъ примѣнялъ между прочимъ я самъ въ моей ранней молодости въ отношеніи одной мо- дистки съ улицы Стрижъ-Бритъ. Баронесса ждала своего любовника въ поэтическомъ настроеніи, отершись одеколономъ, разметавъ волосы... точ- но мраморная, въ слабомъ свѣтѣ электричества...

— Об...об...оботри слюну, старый мандрилль! — вставилъ маленький Краббъ.

Друмбамбумъ послѣдовалъ не лишнему за- мѣчанію друга, выпилъ восьмую рюмку виски, отеръ губы и продолжалъ:

— Ночью она услышала условный стукъ. Можетъ быть, просто стукъ, но сквозь дрему онъ могъ показаться ей условленнымъ. Она спрыгну- ла съ постели, легкая и воздушная, какъ гарпія...

— Ты хочешь сказать, какъ грація,—попра- вилъ Диплокъ.—Ты готовъ спутать Марафонъ съ Мильтіадомъ.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 и 27.

Въ «Кровавой Мышеловкѣ».

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“. Ги-улки. Н. Н. Герардова)

— Об... оботри слюну, старый мандрилль! — вставилъ маленькій Краббъ...

— Я хотѣлъ сказать, какъ грація, — согласился художникъ. — Увы — это былъ ея мужъ! Онъ давно подозрѣвалъ ее. Онъ выслѣживалъ ее и этого счастливаго любовника. Онъ бросился на нее, какъ Гераклитъ.

— Ты хочешь сказать — Геркулесъ, — поправилъ Диплокъ.

— Къ чорту миѳологию, или я размножу твой пустой чердакъ! — закричалъ Шеррисонъ, замахиваясь бутылкою. Но въ ней еще было слишкомъ за половину, и благоразуміе взяло верхъ въ гениальномъ художникѣ.

ГЛАВА XXXV.

ЭВРИКА!

— Во время борьбы съ несчастной женщиной, — продолжалъ Друмбамбумъ, — злодѣй увидѣлъ, что въ ея рукѣ что-то зажато. Наглымъ

движеніемъ онъ разжалъ ея маленькій, изящный кулачекъ и вырвалъ изъ него камень. Онъ узналъ, кто его счастливый соперникъ. И онъ хотѣлъ показать ему, что узналъ его. Вырвать у мертвой глазъ было для него дѣломъ одной минуты, какъ пишутъ гениальные романисты и репортеры. Дѣломъ второй минуты было — его вставить. Вы спросите, почему онъ рѣшилъ оставить такую колоссальную цѣнность въ рукахъ своего злѣйшаго врага? Ахъ, джентельмены, потому что въ аффектѣ человекъ не разсуждаетъ о томъ, что ему выгодно или невыгодно. Нѣкогда, въ одномъ художественномъ кабачкѣ въ Мюнхенѣ, я учинилъ скандалъ. Меня выводили. Что же? Я совершенно забылъ, что я не уплатилъ фрейленъ полторы марки. Клянусь Веласкецемъ, только придя домой, я сообразилъ это. Въ аффектѣ ничего не помнишь. Въ аффектѣ можно не замѣтить, что у тебя стало однимъ ребромъ меньше...

— Но кто же, по твоему, тотъ человекъ, который выдаетъ себя за русскаго князя Енгушева? — спросилъ Шеррисонъ.

— Можетъ быть, онъ такой же князь Енгушевъ, какъ я Ротшильдъ или Рафаэль, — отвѣчалъ Друмбамбумъ, скрививъ губы и презрительно сплюнувъ.

— Я убѣжденъ, что это не иначе, какъ Азефъ или Дегаевъ! — сказалъ веселый эмигрантъ Калина.

— А не можетъ-ли это быть ка...ка...капитанъ Копѣйкинъ? — робко спросилъ крошечный Краббъ.

Но ему не отвѣтили. Вѣроятно, никто изъ американцевъ не слышалъ о капитанѣ Копѣйкинѣ. Калина же, какъ истинный социаль-демократъ, читалъ только Плеханова.

Наступила минута задумчиваго молчанія. Пролетѣлъ тихій ангелъ. Было слышно, какъ прожужжала муха, прилипшая крыломъ къ стакану изъ-подъ виски. Изъ коридора донесся шумъ. Кто-то въ аффектъ кого-то билъ, кого-то выводили...

— Да-съ, исторія! — сказалъ Шеррисонъ, задумчиво пустивъ нѣсколько облачковъ сигарнаго дыма. — Что вы на это скажете, всевѣдущій Спрингъ?

— Ничего не понимаю! — сознался даже хвастливый репортеръ.

— Однако, это фактъ, а не реклама! — подзадорилъ его гениальный художникъ.

Дѣйствіе этихъ словъ на талантливаго репортера было болѣе магическимъ, чѣмъ если бы надъ «Кровавой Мышеловкой» разразился ударъ грома и кабачекъ, со всѣми своими отдѣльными кабинетами, игорнымъ заломъ, комнатами для курильщиковъ и западнями для крысиныхъ травль, провалился въ преисподнюю.

Спрингъ вдругъ вскочилъ, какъ облитый сѣрной кислотой, шлепнулъ на голову свою спортсменскую шапочку и, пугаясь въ собственныхъ ногахъ, стремглавъ выбѣжалъ изъ кабинета. Это было совершенно похоже на молниеносное помѣшательство, какъ его описываетъ Крафтъ Эбингъ.

— Маленькій Краббъ, взгляни, что такое онъ пилъ, — спросилъ даже невозмутимый Диплокъ.

— Нѣ...нѣ...нѣтъ, ты...ты...тышибаешься, огромный Диплокъ! — отвѣтилъ Краббъ, — на бутылкѣ ярлыкъ виски. И я...я самъ пилъ изъ той же бутылки!..

ГЛАВА XXXVI.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПОМѢШАТЕЛЬНОСТЬ?

... Спрингъ несся по узкой и мрачной улицѣ Догъ-Стритъ, точно имъ выстрѣлили изъ 12-дюймоваго орудія.

Подметки его ритмически стучали по гладкимъ плитамъ, какъ двѣ камышевки по выколачиваемому коври. Если бы дѣло происходило въ Россіи, гениальный репортеръ не избѣжалъ бы объѣздовъ дворника и городского.

Но дѣло было въ свобододолюбивой Америкѣ. Объ этомъ свидѣтельствовали и небоскребы, стоявшіе по обѣимъ сторонамъ улицы, и англійскія надписи вывѣсокъ, и огненные буквы небесныхъ рекламъ «Какао Ванъ - Гоутенъ» и «Пилули Ара», и американская луна, и американскій полисменъ, спокойно прикладывавшій руку къ козырьку, когда мимо него пробѣгалъ свободный гражданинъ свободной страны.

— Фактъ, а не реклама! — звенѣли въ его мозгу слова гениальнаго Шеррисона. — А почему не реклама? — въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ не менѣе гениальный репортеръ, испытывавшій когда-то на себѣ всю тяжесть русскихъ законовъ объ американцахъ. — Почему никому не могло придти въ голову создать рекламу какой-нибудь фирмѣ искусственныхъ камней такимъ сногшибательнымъ способомъ? Развѣ когда-нибудь, за всю мировую исторію, какая-нибудь фирма использовала въ цѣляхъ рекламы преступленіе, всколыхнувшее весь городъ. Дѣло ясно, какъ Божій день!

— Бриллиантъ превосходной игры, вставленный въ глазъ убитой баронессы Иксъ, по признанію экспертовъ, оказался искусственнымъ бриллиантомъ всемирно известной фирмы «Тетъ-а-Тетъ»... Лэди и джентельмены, покупайте бриллианты только фирмы «Тетъ-а-Тетъ»!.. Нѣтъ больше различія между настоящимъ драгоценнымъ камнемъ и искусственными бриллиантами «Тетъ-а-Тетъ»!..

А. А. Измайлѣвъ.

...Спрингъ несся, точно имъ выстрѣлили изъ 12-дюймоваго орудія.

признанію экспертовъ, оказался искусственнымъ бриллиантомъ всемирно известной фирмы «Тетъ-а-Тетъ»... Лэди и джентельмены, покупайте бриллианты только фирмы «Тетъ-а-Тетъ»!.. Нѣтъ больше различія между настоящимъ драгоценнымъ камнемъ и искусственными бриллиантами «Тетъ-а-Тетъ»!..

А. А. Измайловъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Съ необходимыми по-
сѣлствомъ Вас. Ре-
гинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича и А. А. Измайлова.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой попадаеъ великолѣпный брилліантъ. Для усъ окоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Марин, гн. показываеъ оставшіся у него „дубликатъ“ брилліанта, но прини-
маетъ мѣ.ы къ еысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ изъ баронессы въ себя въ отель и д.еъ распоряж.е.е своему вѣстному Федору слѣ-
дить за втомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.Е. на которомъ уѣхъ лъ изъ притона воѣ съ украденнымъ брилліантомъ.

Всюомъ о азалеі нѣк. о Перси. Гѣ т.номъ подв.лз негритаки Салли онъ не, екрашив.е.ея въ черныи цвѣтъ и поступа.тъ л.е.е.емъ—негрѣмъ
къ своей матери, и в.и.и.аетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье.
Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранили себѣ таинственную надписью, положила его въ люльку
только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ
королей, князей и рыцарей... Во время рассказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучи-
тельныхъ боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брид-
лантъ (который вѣззался въ пошломъ сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторжившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора.

Не си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ
крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, че.е.е микроскопъ онъ, разсматриваеъ у кн. Енгушева брилліантъ, а въ послѣд.емъ
три цифр.ы: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от-
крытіи. Кн. Енгушевъ, по мѣнью Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства.
Подписавшись „ротмистеръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.

Утромъ, затѣвъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы
сылъ вырзанъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, изъ инспекторъ Дью
арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ домахъ, и на улицѣ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаеъ печатать въ газетѣ „The Rakehell“ сенсационная разоблаченія
прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-р Кѣблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и
тамъ видѣлся съ кн. Ingouche-Sandanontha. Князь обрисовалъ, какъ личность таинственная и неуловимая. Разоблаченія кончаются рассказомъ о
поѣздѣ сыщика въ Кроуштадтъ, вдогонку за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валить въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось
въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку таинственной
исторіи съ брилліантами...

Фраза худ. Дружбабумъ — „фактъ, а не реклама“ — надѣлитъ (спр.и.а. на мысль, не г.е.ла.ма. ли все прошедшее съ брилліантомъ, не
сдѣлали ли все это знаменитая фирма подѣльныхъ брилліантъ въ Тетъ-а-Тетъ? Обсуждая на всѣ лады „загадку“, Спрингъ мчитъ куда-то по улицамъ
городъ...

ГЛАВА XXXVI.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ ИЛИ ПОМѢШАТЕЛЬНОСТЬ?

Онъ вспомнилъ свое первое впечатлѣніе отъ
этого камня въ спальнѣ несчастной баронессы.
Вспомнилъ бѣлый лунный блескъ камня, зловѣще
засіявшаго въ глазѣ мертвой красавицы подъ лу-
чемъ электрической лампочки.

Красные и фіолетовые лучи его были слиш-
комъ красны и фіолетовы для настоящаго брил-
ліанта. Хотя хоть разъ видѣлъ настоящий солитеръ,
тому знакомъ этотъ глубокой, густой свѣтъ, эти
лучи сокровеннаго, таинственнаго, какъ бы мисти-
ческаго, огня, идущаго изнутри камня.

Никакой ювелиръ не поддѣлаеъ ихъ, этихъ
кристалльных слезъ горнаго духа! «Сапогъ!»—
мысленно послалъ онъ по адресу инспектора по-
лиціи, знаменитаго Дью.—«Онъ привыкъ имѣть дѣ-
ло съ мелкими жуликами и отличать фальшивыя
кредитки отъ подлинныхъ, а изъ камней ему зна-
комъ только булыжникъ!»..

Спрингу уже грезилась его большая сенса-
ционная статья въ «Желтомъ Калифорнійцѣ»,
строкъ на сто пятьдесятъ, нѣтъ—на всѣ двѣсти!
Онъ подпишетъ ее полнымъ именемъ, и завтра
весь Санъ-Франциско будетъ полонъ его славой!

Его процитируютъ даже враждебныя газе-
ты, потому что такихъ вещей нельзя не цитиро-
вать. Его статью по телеграфу передадутъ въ
«Московскія Вѣдомости» и, можетъ быть, ее
прочтутъ даже въ родномъ Бердичевѣ...

Онъ былъ уже у цѣли. Передъ нимъ высыл-

ся одиннадцати-этажный небоскребъ инспектора
тайной полиціи Дью Аткинса.

Въ крайнемъ правомъ окнѣ нижняго этажа
былъ свѣтъ. Когда спалъ инспекторъ тайной по-
лиціи Санъ-Франциско? Это было тайной его и
Господа Бога.

Не разсчитавъ силы бѣга, геніальный репор-
теръ, какъ мячикъ, ударился о дверь инспектор-
скаго дома, распахнулъ ее своей благородной спи-
ной и черезъ минуту влетѣлъ въ кабинетъ чело-
вѣка, отъ котораго у огромнаго города не было
ни одной тайны,—ни одной тайны!..

ГЛАВА XXXVII.

У КОРОЛЯ СЫСКА.

Спрингъ долженъ былъ выпить стаканъ во-
ды, прежде чѣмъ отвѣтить на совершенно резон-
ный вопросъ инспектора полиціи, чѣмъ тотъ ему
можетъ служить.

Геніальный Дью видѣлъ, что положеніе
исключительное, и репортера, какъ онъ ни былъ
явно глупъ, судя по впечатлѣніямъ, оставленнымъ
въ спальнѣ несчастной жертвы, надо выслушать.

Собственной рукою онъ налилъ ему стаканъ
воды и придвинулъ къ его дрожащей отъ волненія
рукъ.

— Кипяченая? — могъ только спросить
Спрингъ.

— О, yes! — съ достоинствомъ отвѣчалъ
инспекторъ.—И попрошу васъ имѣть въ виду, что

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27 и 28.

У короля сыска.

(Из коллективному фантастическому роману „Синій Журналъ“. Гипнотизи Н. Н. Герардова.)

— Убийство совершено съ цѣлью рекламы!—увѣренно сказалъ Спрингъ.

въ моемъ распоряженіи только восемь съ половиной минутъ.

Дью вынулъ и положилъ передъ собою золотой хронометръ. Какъ свѣтскій человѣкъ, репортеръ сразу понялъ его тонкій намекъ.

— Репортеръ и сыскной инспекторъ умѣютъ цѣнить время и понимать другъ друга съ полуслова,—съ достоинствомъ сказалъ Спрингъ.—Это такія же условія хорошаго тона, какъ то, что палачъ не долженъ острить во время казни. Итакъ, я буду кратокъ. Могу-ли я видѣть брилліантъ, злодѣйски вставленный въ глазъ баронессы?

Не теряя времени на ненужныя слова, инспекторъ потянулъ къ себѣ лѣвый ящикъ своего письменнаго стола, вынулъ оттуда упругій конвертъ съ бланкомъ полицейскаго участка, запечатанный большою печатью, и положилъ его передъ собою.

— Когда запечатано?

— Черезъ 21 минуту по обнаруженіи преступленія.

— Значить, камень не былъ на экспертизѣ ювелировъ?

— Нѣтъ.

— Клянусь прабабушкой—брилліантъ фальшивый!—громко закричалъ Спрингъ, звучно хлопнувъ себя ладонью по лбу.—Могу я его посмотреть?

Спрингъ увидѣлъ, какъ правая нога инспектора вытянулась подъ столомъ и нажала электрическую кнопку. Не болѣе, какъ черезъ минуту, дверь открылась и около кресла инспектора оказался молодой джентельменъ въ синихъ очкахъ заслуживающей полного довѣрія внѣшности.

— Мистеръ Догъ,—сказалъ Дью,—будьте свидѣтелемъ, что я не подмѣниваю брилліантъ князя Енгушева. Мистеръ Спрингъ, вы можете говорить при мистерѣ Догѣ, какъ если бы здѣсь насъ было только двое. У Санъ-Франциско нѣтъ ни одной тайны отъ него, какъ и отъ меня.

Спокойнымъ движеніемъ длинныхъ ножицъ

инспекторъ скользнулъ по конверту. Еще мгновенье—и камень, скрывавшій тайну преступленія, выкатился на его ладонь. Слѣдъ запекшейся крови еще сохранялся на его остроконечной нижней части.

— Могу я его посмотреть?—съ волненіемъ спросилъ Спрингъ.

— Прошу васъ,—строго сказалъ Дью.—Мистеръ Догъ, смотрите въ оба! Можетъ быть, мистеръ Спрингъ, вамъ нужна лупа?

И инспекторъ полиціи пододвинулъ репортеру лупу. Это было излишне. Подклейка фальшиваго камня на нижнихъ граняхъ стекла была теперь несомнѣнна, когда кровь стекла съ него. Это былъ въ лучшемъ случаѣ дешевый аквамаринъ. Три загадочныхъ знака стояли на верхней грани. Въ одномъ изъ нихъ въ лупу можно было усмотрѣть остатокъ сургуча, подкрашеннаго кровью.

ГЛАВА XXXVIII.

НЕОЖИДАННАЯ УЛИКА.

Спрингъ повертѣлъ камень въ своихъ пальцахъ, подводя его подъ огонь электрической лампочки. Блескъ былъ въ самомъ дѣлѣ холодный и поверхностный.

— Вы можете идти, мистеръ Догъ,—сказалъ инспекторъ Дью.— А что вы скажете еще, мистеръ Спрингъ?

Инспекторъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Слѣдствие получало совершенно другое направленіе. Значить, это не былъ безцѣнный брилліантъ Енгушева! Князя можно было хоть сейчасъ освободить отъ ареста.

Фальшивое стекло должно было просто запутать слѣдствіе. Правосудіе имѣло дѣло не съ титаническимъ аффектомъ гордаго человѣка, а съ хитростью мелкаго жулика.

— Ваше мнѣніе, мистеръ Спрингъ?

— Убийство совершено съ цѣлью рекламы,—увѣренно сказалъ Спрингъ.— Объ этомъ я напишу завтра 150 строкъ. Можетъ быть, впрочемъ, и всѣ двѣсти. Важно только выяснить, за свой страхъ дѣйствовалъ убійца, или онъ былъ нанятъ фирмою, и установить, на чьемъ верстахъ гранился этотъ аквамаринъ.

Дью взглянулъ на часы. Восемь минутъ уже ушли въ вѣчность. Полъ минуты досуга онъ могъ употребить на выводы изъ этой плодотворной бесѣды, и онъ готовъ былъ использовать ихъ.

Стукъ въ дверь прервалъ его соображенія.

— Войдите!—бросилъ Дью сквозь зубы.

На порогъ стоялъ мистеръ Догъ и рядомъ съ нимъ страннаго вида старикъ, съ длинной шелухой сѣдыхъ, рѣдѣющихъ волосъ.

Вмѣсто орбитъ были настоящія ямы, и въ этихъ ямахъ глубоко сѣдѣли погасшіе, мертвые, старческіе глаза. Горбатый носъ казался костью

нимъ. Полусѣдой, неровно растущій волосъ покрывалъ ввалившіяся щеки. Повидимому, старикъ долженъ былъ умереть въ эту субботу. Это былъ типъ, точно сейчасъ выскочившій изъ самаго страшнаго разсказа Гофмана.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ Дью, повертываясь въ креслѣ по направленію этого четверодневнаго Лазаря.

— Меня зовутъ Джонъ Неври,—глухо прохрипѣлъ старикъ.— Джонъ Неври! Я по ремеслу ювелирь. Имѣю честь сдѣлать господину инспектору заявленіе въ нѣсколько словъ. Могу-ли я видѣть брилліантъ, вставленный въ глазъ преступно убитой баронессы?

Не привыкшій терять времени инспекторъ молча протянулъ къ старику лежавшій на столѣ аквамаринъ.

Старикъ схватилъ его своими руками, какъ клещами. Нѣсколько секундъ онъ почти сладострастно всматривался въ него, поднесъ его близко-близко къ правому глазу и беззвучно перебирая безкровными тонкими губами.

Потомъ онъ вдругъ вытянулся, рѣшительно положилъ мнимый брилліантъ на столъ передъ Дью и отчетливо прошамкалъ:

— Я показываю, что этотъ фальшивый камень сработанъ въ моей мастерской, мною, мистеромъ Джономъ Неври, за 4 дня до убійства баронессы, по заказу князя Енгушева!

ГЛАВА XXXIX.

НЕОЖИДАННЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

— Я могу уходить? — спросилъ Джонъ Неври и откланялся.

— О, нѣтъ! Исторія только начинается,—сказалъ Дью.— Вамъ придется разсказать все, что вы знаете по данному дѣлу, когда мы останемся безъ постороннихъ.

Онъ подчеркнул «постороннихъ». Но Спрингъ нахально кивнулъ м-ру Догу головой на дверь и уронилъ:

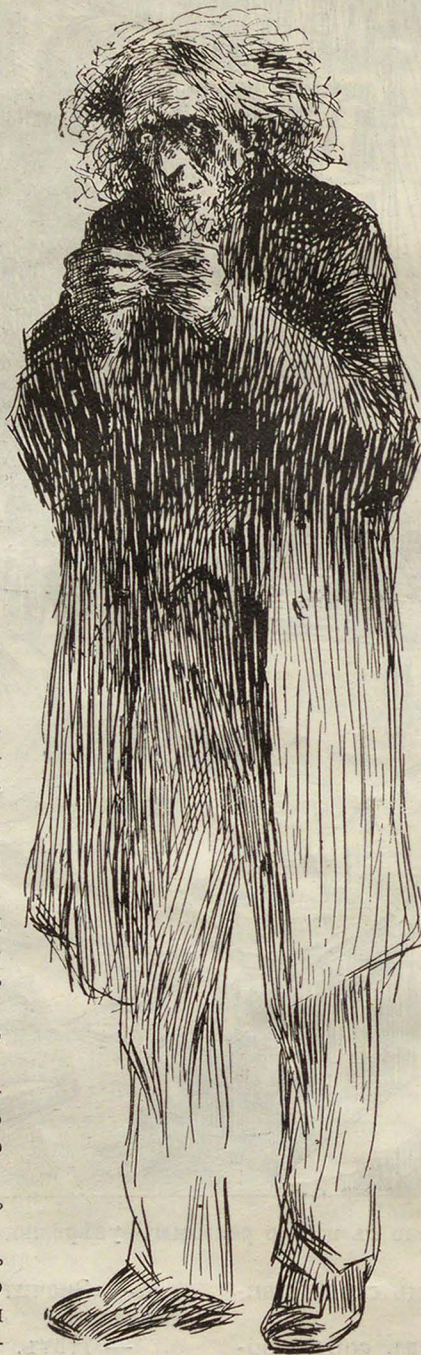
— Мистеръ Догъ, оставьте насъ однихъ. Понизимъ голосъ, инспекторъ — въ такихъ случаяхъ и стѣны имѣютъ уши!

Наглость репортера была великолѣпна! Даже видавшій виды инспекторъ точно растерялся. Въ сущности, было уже поздно удалять репортера. Онъ и безъ того зналъ, чего не слѣдовало знать никому. Не арестовать-ли и его? — мелькнула мысль у Дью.

А. Измайловъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа А. А. Измайлова: — Глава XXXIX. Неожиданный свидѣтель. Глава XL. Три древне-еврейскія буквы. Глава XLI. Потерянный день репортера. Глава XLII. Адская машина въ улицѣ Носигиль.

А. А. Измайловъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гинина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича и А. А. Измайлова.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрою пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія дающей въ притонѣ красавицы баронессы Марин, кн. показывая съ оставшейся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ за автомобиль № 1.232.323. Б.Б.Б., на которомъ уѣхъ изъ притона возъ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Возомъ о азалеі нѣкъ о Гесет. Въ тѣмъ подвѣзъ негритаки Салли онъ перекрашивается въ черныя цвѣты и поступаетъ лакеземъ—негрѣмъ къ своей матери, и вливаетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнь.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственной надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнь. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣзлся въ гошну спого) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторжники проѣздъ Перел, нечаянно убиваютъ Федора. Не си (онъ же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пробываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, чей микроскопъ онъ, рассматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣдствіи три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русско-мъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, зайдя къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная вѣрны убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и ее орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ докахъ, и на улицѣ. Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Raskhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jigonsche-Sandanoutha. Князь обрисовываетъ, какъ личность таинственная и неуловимая. Разоблаченія кончатся разсказомъ о побѣдѣ сына кн. Кронштадтъ, вдовцу за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валятъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку таинственной исторіи съ бриллиантомъ...

Фраза художника Друмбуа—„фактъ, а не реклама“—назидаетъ Спринга на мысль, не рекламили все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы. Дью хочетъ арестовать Спринга, какъ лишняго свидѣтеля...

ГЛАВА XXXIX.

НЕОЖИДАННЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Но ему вспомнился генералъ изъ какой-то оперетки, арестовывавшій всѣхъ направо и налево. Ему не хотѣлось быть опереточнымъ инспекторомъ полиціи. И мысленно махнувъ рукой, онъ продолжалъ, обратясь къ старому ювелиру:

— Прошу васъ сѣсть и отвѣчать на мои вопросы, коротко и ясно. Ваши года, мистеръ Джонъ Неври?

— Въ субботу мнѣ 78 лѣтъ.

— Давно-ли вы занимаетесь ремесломъ ювелира?

— 58 лѣтъ.

— Князь Енгусевъ дѣлалъ вамъ заказъ лично?

— Да.

— Потрудитесь разсказать, какъ это было.

— Какъ было, г. инспекторъ? Пришелъ и заказалъ. На бумажкѣ онъ начертилъ желательный размѣръ и форму камня. Самъ онъ выбралъ этотъ аквамаринъ. Его facetsки приблизительно были подходящими. Но надъ его окончательной огранкой мнѣ пришлось-таки поработать—пришлось-таки, г. инспекторъ! Я обдѣлалъ это дѣльце въ два дня, мистеръ Дью.

— Заказчикъ рѣшительно не посвящалъ васъ въ свои цѣли?

— Старикъ сощурилъ правый глазъ и куда-то вправо стянулъ всю физиономію. Это должно было

означать улыбку человѣка, котораго не проведешь.

— Я держу боллштихель въ своей рукѣ 58 лѣтъ, г. инспекторъ! О, преступленіе ходить кругомъ и около ювелира! На нашемъ дѣлѣ—держи ухо востро! Ювелиръ чувствуетъ носомъ, когда у его заказчика на душѣ неладно. И ювелиръ долженъ работать въ спокойномъ состояніи духа, г. инспекторъ, иначе онъ скривитъ facetsъ и испортитъ драгоценность. Я, Джонъ Неври, отказывался отъ всѣхъ тѣхъ работъ, гдѣ чуялъ носомъ что-нибудь этакое...

И ювелиръ повелъ носомъ, какъ мышь, нюхающая воздухъ.—Здѣсь дѣло было нечисто. Такой бриллиантъ... такой бриллиантъ стоилъ бы нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ, а моему аквамарину была цѣна грошъ. Я далъ понять моему заказчику, что мой носъ что-то чувствуетъ...

— И что же онъ?

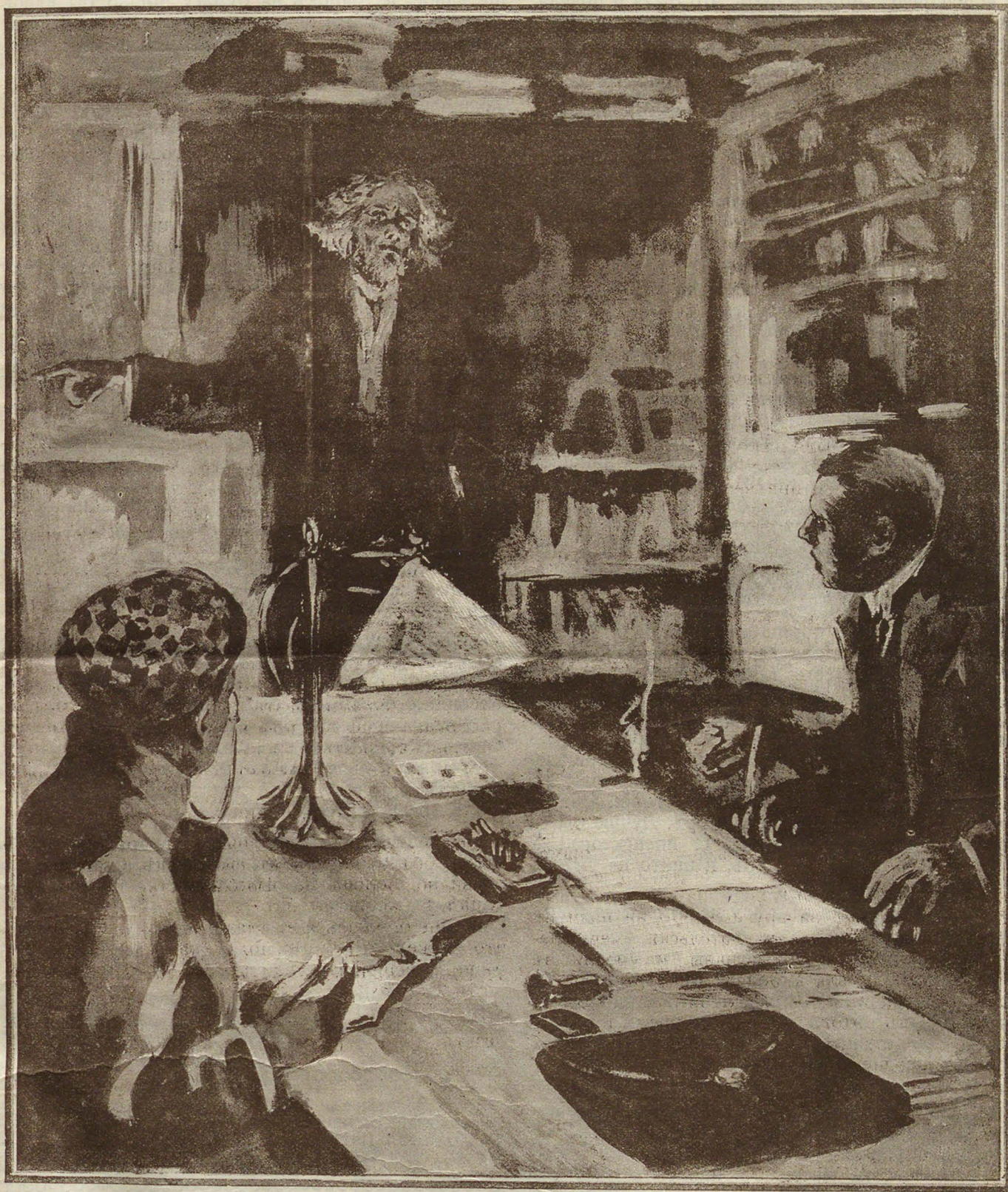
— Тогда онъ разсказалъ мнѣ, можетъ быть вымышленную, можетъ быть, правдивую исторію сэръ: «Вы слышали,—спросилъ онъ меня,—о пропажѣ въ игорномъ притонѣ знаменитаго бриллианта?»—Мистеръ, объ этомъ говоритъ весь городъ!—отвѣчалъ ему я. «Вы умѣете держать секреты за зубами?»—спросилъ онъ меня дальше.—Я—могила!—сказалъ я, и я, дѣйствительно, могила, г. инспекторъ! Тогда онъ сказалъ: «Ну, слушайте, потерялъ этотъ бриллиантъ я. Это бы пустыни, но милая, славная, хоть и глупенькая, женщина вѣрить въ этотъ камень, какъ въ талисманъ».

— Это онъ о баронессѣ, непременно о баро-

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28 и 29.

Допросъ ювелира Неври.

(Из коллективному фантастическому роману „Синяго Журнала“. Рисунки Н. Н. Герардова.)

— ...Что не удалось алхимикамъ — удастся химику и ювелиру Джону Неври!!.

нессъ! — догадливо подсказалъ Спрингъ, запрыгавъ на стулъ. Дью отмахнулся отъ него, какъ отъ прилипчивой мухи.

— Да, вѣрить въ него, какъ въ талисманъ. Она будетъ убита этой потерей. Я долженъ увѣрить ее, что потерянь дублетъ, а подлинный камень, талисманъ, со мной, и счастье наше съ нами. Вы понимаете, что это съ моей стороны совершенно невинный обманъ?

— И тогда вы согласились принять заказъ, мистеръ Неври?

ГЛАВА XL.

ТРИ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКІЯ БУКВЫ.

— Да, мистеръ Дью. Мнѣ 78 лѣтъ, г. инспекторъ, и на своемъ вѣку я слышалъ много сказокъ, слишкомъ много, чтобы повѣрить этой. Но развѣ фабричный мастеровой, выдѣлывающій ножъ, ви-

новень въ томъ, что этимъ ножемъ кому-нибудь перерѣжутъ горло? Вотъ почему я согласился, мистеръ Дью. Потому что, мистеръ Дью, не я, такъ другой исполнилъ бы его заказъ, не правда-ли? И, наконецъ, можетъ быть, это была и правда. Женщина—ребенокъ, и чего не дѣлаетъ для нея мужчина! И я спросилъ, какую закрѣпку онъ хочетъ—въ абдекъ, фаденъ, милльгрифъ, английскую, въ дихтъ или сплошную...

— Виноватъ, это къ дѣлу не относится,—остановилъ инспекторъ.—И что же, онъ бывалъ у васъ во время работы?

— Однажды былъ его слуга, котораго онъ называлъ Федоромъ. Бездѣлушка тогда еще не была готова. На другой день онъ захалъ за нею самъ.

— Поддѣлка была готова?

— Нѣтъ, мистеръ. Знаки еще не были вырѣзаны. Я это дѣлалъ при немъ.

— Не припомните-ли вы вашего разговора при этомъ?

— Я ему рассказывалъ о камняхъ. Александритъ и изумрудъ ненавидятъ одинъ другого, и тамъ, гдѣ найденъ александритъ, надо брать кирку на плечо, потому что тутъ ужъ не попадется изумрудъ никоимъ образомъ — никоимъ образомъ, г. инспекторъ. Я ношу гиацintъ, и гѣмъ не менѣе страдаю безсонницей. Но въ 78 лѣтъ всѣ спятъ плохо, мистеръ Дью, и тутъ нѣльзя винить гиацintъ! Сапфиръ исцѣляетъ отъ меланхолии. Бирюза выцвѣтаетъ, если ее носить человекъ больной смертельной болѣзью. Если паука очертить алмазомъ, онъ помретъ, а если алмазъ истолочь въ порошокъ, то не то, что человекъ, а лошадь издохнетъ, когда дадутъ ей въ читьѣ. Бриллиантъ есть камень несчастія. Знаменитый «Койнуръ» извѣстенъ своею дурной славой. Восемнадцать государей Индостана владѣли этимъ бриллиантомъ одинъ за другимъ и одни пали въ сраженіяхъ, другіе были предательски умерщвлены, третьи низвергнуты, изгнаны, и умерли въ нищетѣ. Имъ владѣла королева Викторія. Она не была очень счастлива, г. инспекторъ. Лучше бы ей отказаться отъ этого камня, г. инспекторъ! У камней есть болѣзни, мистеръ, и никто не умѣетъ лѣчить ихъ лучше меня...

— Но это тоже къ дѣлу не относится, перебилъ Дью.

Съ утренняго кофе у него не было ничего врту, кромѣ папиросъ. Когда успѣвалъ питаться инспекторъ полиціи Санъ-Франциско! Но долгъ для него былъ выше какого-то завтрака и обѣда.

— Еще одинъ вопросъ, и вы можете идти. Что за знаки вы должны были вырѣзать на камнѣ? Не правда-ли, это было число 172?

— Что это было число—это такъ же вѣрно, какъ то, что я Эдиссонъ, а вы Чэмберленъ. Нѣтъ, г. инспекторъ, это было не 172. Князь Енгушевъ въ увеличенномъ масштабѣ написалъ мнѣ эти знаки на бумагѣ. Это—три еврейскія буквы. Я женатъ на еврейкѣ—русской еврейкѣ, эмигранткѣ, мистеръ Дью. Это буквы—Гимель, Заинъ и Йотъ.

— Что вамъ извѣстно о значеніи этихъ буквъ?

Ювелиръ растопырилъ руки, недоумѣнно подернулъ плечами и сталъ похожъ на старую, облѣзлую обезьяну.

— Это талисманъ, г. инспекторъ. Просто талисманъ. Какъ, вѣроятно, вамъ извѣстно, евреи

пишутъ безъ гласныхъ буквъ. Гласныя подразумеваются. Ужъ если экономить, то надо экономить во всемъ, г. инспекторъ, и если бы они не были такъ расчетливы, ихъ библия была бы толще вдвое, и тряпокъ на бумагу пошло бы вдвое больше. Подъ эти буквы, конечно, можно подставить какое-нибудь слово, но это не имѣетъ смысла. Вѣрнѣе, это начало трехъ словъ, составляющихъ извѣстную фразу, какое-нибудь изреченіе, заклинаніе, пожеланіе. Это было въ древне-еврейскомъ обычаѣ.

— Послѣдній вопросъ. Вы говорили о мистическомъ значеніи камней. Вы сами раздѣляете эту вѣру?

— Я 58 лѣтъ вожусь съ этими блестящими пуговками, мистеръ Дью. Я кой-что узналъ отъ нихъ. Никто лучше меня не вылѣчитъ выцвѣтшій топазъ или умершую бирюзу. Моя мечта найти жидкое золото, г. инспекторъ, тинктуру золота! Это будетъ между прочимъ и всеобщее лѣкарство, а нынѣшнія аптеки не стоятъ и тѣхъ угольевъ, на которыхъ ихъ тогда спалить. Что не удалось алхимикамъ, удастся химику и ювелиру Джону Неври...

Безумные огоньки блеснули въ глазахъ стараго маньяка, и инспекторъ, и Спрингъ одновременно подумали: «старикъ-то съ максимцемъ!» Великіе умы сходятся. Спрингъ уже рѣшилъ въ умѣ проинтервьюировать любопытнаго старикашку. Когда жизнь войдетъ въ колею, о немъ можно будетъ набросать строкъ 70 подъ заглавіемъ: «Современный Парацельсъ изъ улицы Стрижъ-Бритъ».

Въ желудкѣ инспектора шло недовольное ворчанье. Его ротъ наполнялся слюной при одной мысли объ ожидающемъ его обѣдѣ. Старикашкѣ, очевидно, больше не было извѣстно ничего. Объ убійствѣ баронессы онъ самъ узналъ изъ газетъ. Описание бриллианта въ глазѣ навело его на мысль, что, можетъ быть, эта поддѣлка его работы. Онъ рѣшилъ исполнить свой долгъ гражданина и пошелъ къ инспектору полиціи.

Инспекторъ довольно вздохнулъ. «Несутъ, несутъ!»—мысленно процитировалъ онъ слова Хлестакова. Нога его снова потянулась подъ столъ къ кнопкѣ.

Но въ этотъ несчастный день—увы!—инспектору полиціи, не суждено было не только пообѣдать, а даже и поужинать.

А. А. Измайловъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

Въ слѣдующемъ № „Синяго Журнала“—продолженіе коллективнаго романа А. А. Измайлова: Глава XII. Потерянный день репортера. Глава XIII. Адская машина въ улицѣ Носигиль.

Коллективный фантастическій романъ «Синяго Журнала» печатается при участіи: А. И. Куприна, Аркадія Аверченко, Анатолія Баменскаго, Тэффи, В. И. Немировича-Данченко, А. А. Измайлова, А. П. Будищева, П. П. Гнѣдича, П. Н. Потапенко, В. А. Тихогова, І. І. Яценскаго и друг.

съ необходимыми послѣсловіемъ Вас. Регинина.

А. А. Измайловъ.

Въ коллектив-
номъ романъ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас, Ре-
тинина.

Въ слѣдующемъ №
продолженіе романа
В. А. Тихонова.
Часть вторая:
«Въ Россіи».

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича и А. А. Измайлова.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для усвоенія явизшей въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показываеъ оставшійся у него „дуэливать“ бриллианта, но прини-
маетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣлаетъ распоряженіе своему вѣрному Федору съ-
дѣлать за автомобилемъ № 1232.323. В.Б.В. на которомъ уѣхъ изъ притона въ съ укрѣпленнымъ бриллиантомъ.

Войдемъ о азалосъ нѣско Неси. Въ тѣмномъ полѣ изъ негритянки Салли онъ не скрываетъ въ черной цвѣтъ и поступаеъ лакеземъ—негрѣмъ
къ своей матери, и въ азалосъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на голѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, даеъ ему славу и счастье.
Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственнымъ надписью, положила его въ люльку
только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ
королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшийся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучи-
тельной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брил-
лиантъ (который въ азалосъ въ голову сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторжлившие проѣздъ Перел, печально убиваютъ Федора.
Пе си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ
крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, че еъ микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ
три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от-
крытіи. Кн. Енгусевъ, по явизной Герси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства.
Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ аскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.
Утромъ, заѣхавъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная въ азалосъ убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Смотри убитыхъ даеъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы
былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью
арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются на расхватъ и въ домахъ, и на улицѣ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakkhell“ сенсационныя разоблаченія
прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и
тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapoutna. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая. Разоблаченія кончаются разсказомъ о
потѣздѣ сыщика въ Кронштадтъ, вдогонку за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валяеъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось
въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку таинственной
исторіи съ бриллиантомъ...

Фраза художника Друмбамбуа „фактъ, а не реклама“—наводитъ Спринга на мысль, не гетла ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ
мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется
ювелиръ Нери и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Нери долго разсказываетъ о свойствахъ и
особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Йотъ.

ГЛАВА XII.

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ РЕПОРТЕРА.

Носокъ штиблета Дью еще не коснулся кнопки, когда появившійся въ дверяхъ мистеръ Догъ сообщилъ ему, что автомобильъ только что прим-
чалъ къ нему короля сыщиковъ Санъ-Франциско, мистера Кѣблеса, имѣющаго сообщить ему о
страшномъ взрывѣ адской машины, только что происшедшемъ въ кварталѣ Неси-Гиль, на окраи-
нѣ города, за старымъ рынкомъ.

— Это надо сдѣлать тоже совершенно безъ постороннихъ!—таковы были первыя слова на-
хальнаго репортера, когда Догъ повернулся къ нему спиной и вышелъ пригласить знаменитаго
сыщика. Но въ голосѣ его уже не было прежняго нахальства, наоборотъ, звучала явная боязнь, что
на этотъ разъ его попросятъ о выходѣ.

— Вы совершенно правы, мистеръ Спрингъ,
—сказалъ Дью.—Жму вашу благородную руку.
Надѣюсь, мнѣ не нужно предупреждать васъ, что
данныя судебного слѣдствія не подлежатъ огла-
шенію въ печати до гласнаго судебного разбира-
тельства. Я вѣрю, что джентельменъ будетъ мол-
чаливъ, какъ сардинка.

— Ка-какъ, г. инспекторъ! Но репортера кор-
мятъ ноги и уши! Мистеръ Дью пойметъ, что если
такъ, то я потерялъ цѣлый день. Г. инспекторъ
полиціи не накормитъ мою жену и дѣтей.

— Не говорите, голубчикъ, глупостей,—ска-
залъ Дью.—Выбора жены вы еще не сдѣлали, а
до вашихъ дѣтей, торгующихъ спичками на ули-

цахъ Санъ-Франциско, вамъ никогда не было ни-
какого дѣла. Отправляйтесь домой и, если завтра
хоть одна строчка появится въ нашемъ «Калифор-
нійцѣ», я васъ вышлю въ 24 часа изъ города.

Спрингъ былъ убитъ. Какъ онъ завидовалъ
мухѣ, бившейся о стекло, которая могла остаться
здѣсь и слушать докладъ Кѣблеса, въ то время,
какъ онъ, служитель пера, царь природы, долженъ
былъ обидно уходить за двери!

И нельзя было юркнуть ни за дверь, ни въ
какую нишу, ни въ какую щель! Шесть глазъ —
инспектора, короля сыщиковъ и исполнительнаго
мистера Дога—проводжали его, когда онъ вы-
шелъ въ коридоръ.

— Эй, вы, слушайте-ка, кликнулъ ему вдо-
гонку Дью.—О томъ, что это реклама какой-то
ювелирной фирмы, вы можете сообщить. Это такъ
глупо, что не повредитъ слѣдствію, а только успо-
коитъ преступника. Прошу васъ, г. Кѣблесъ.

Инспекторъ Дью могъ быть живымъ под-
твержденіемъ извѣстнаго ученія психологовъ объ
узости сознанія, когда Кѣблесъ усылся противъ
него въ креслѣ, еще тепломъ послѣ Спринга. Онъ
уже не помнилъ о голодѣ. Онъ весь былъ вни-
маніе.

И надо сказать правду, случай, о которомъ
ему докладывали, стоилъ этого.

ГЛАВА XIII.

АДСКАЯ МАШИНА ВЪ УЛИЦѢ НЕСИ-ГИЛЬ.

Полчаса назадъ, приблизительно въ полови-
нѣ десятаго, кварталъ Неси-Гиль сотрясся отъ

*) См. „Синій Журналь“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 и 30.

страшного взрыва въ небольшомъ, грязномъ домѣ, внесенномъ въ списки домовъ, подлежащихъ сносу въ текущемъ году. Онъ стоялъ наполовину заколоченный, наполовину обитаемый жильцами самого низкаго разбора.

Черезъ какія-нибудь 5 минутъ глава сыщиковъ былъ уже на мѣстѣ катастрофы. Руины жалкаго домика догорали. Опасность совершенно миновала. Вытребованныя пожарныя команды разъѣзжались домой, предоставляя справиться съ тлѣющими бревнами мѣстной части.

Опасность явно миновала. Сгорѣлъ жалкій скербъ десятка хулигановъ, ютившихся въ подвалѣ въ углахъ черной, какъ жареная кофе, жбщанки Салли. Нѣсколько репортеровъ разочарованно заносили въ свои записныя книжки, что человѣческихъ жертвъ нѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ катастрофы выяснилась странная подробность. Содержательница угловъ, очевидно, съ предвзятою цѣлью за нѣсколько минутъ до взрыва удалила всѣхъ жильцовъ. Полунищая негритянка, по общему отзыву, была добрѣйшая и очень религіозная женщина.

Совершенно растерявшаяся и потрясенная, она повинилась сразу и во всемъ.

Въ самое послѣднее время съ нею познакомился джентельмэнъ, назвавшійся мистеромъ Перси и занявшій одну изъ комнатъ въ ея квартирѣ.

Это былъ типъ, неимѣвшій, очевидно, ничего общаго съ тѣмъ народомъ, какой обычно ютился и въ ея углахъ и, вообще, въ этомъ захудаломъ кварталѣ. На чай онъ давалъ не меньше 50-ти центовъ. Руки у него были нѣжны, какъ у женщины.

Ровно три дня назадъ онъ вызвалъ ее къ себѣ и сказалъ буквально слѣдующее:

— Я ухожу, черная Салли. Если черезъ два дня меня снова не будетъ здѣсь, ты зажжешь фитиль за этимъ шкафомъ и въ пять минутъ уберешься изъ подвала. Ровно черезъ три дня, въ 11 час. ночи!

Черная Салли поторопилась. Ея часы отставали въ сутки на четыре часа. Она подводила ихъ по догадкѣ. Въ роковой день, за часъ съ лишнимъ до назначеннаго срока, она подошла фитиль и ушла изъ дому сама, подъ разными предлогами расославъ жильцовъ.

Знала-ли что она дѣлаетъ? Никимъ образомъ она не представляла всѣхъ размѣровъ катастрофы. Она ждала «маленькой неожиданности».

Она догадывалась, что у мистера Перси есть какія-то тайны.

Ужъ если говорить правду, то она догадывалась, что съ этимъ шкафомъ дѣло не совсѣмъ чисто. Мистеръ Перси всегда писалъ. Стоило ей войти, чтобы онъ затворялъ шкафъ, бросалъ газету на свои рукописи на столѣ и обыкновенно самъ срывался съ мѣста и разговаривалъ съ нею

рис. Н. Н. Герардоза.

Старуха клялась, божилась, плакала и готова была цѣловать руки у всѣхъ—до послѣдняго полицмэна.

почти въ дверяхъ, загораживая своимъ корпусомъ и входъ, и обзоръ комнаты. Это было такъ—да, именно, такъ—и послѣ, и раньше, когда еще она не перекрашивала мистера Перси въ цвѣтъ жаренаго кофе...

Старушенка была или глупа отъ рожденія, или лишилась разсудка отъ несчастія, хотя, вѣроятно, весь ея хламъ едва-ли стоилъ полтора центовъ.

До этого пункта она передавала все связно и толково. Здѣсь начиналась какая-то несусвѣтная чепуха.

Да, она не спитъ и не бредитъ, и не сошла съ ума. Мистеръ Перси прибѣжалъ къ ней разъ, взволнованный и самъ не свой. Онъ сказалъ ей: «Мнѣ нужна твоя кожа».

Она пришла въ ужасъ—она, черная Салли. Тогда онъ пояснилъ: «Я долженъ стать къ утру негромъ». И онъ обозвалъ ее «старой вѣдьмой» — честное слово, старой вѣдьмой, хотя обыкновенно, держалъ съ нею себя, какъ джентельмэнъ, и хорошо давалъ ей на чай, очень хорошо.

Когда она не понимала его, онъ обозвалъ ее еще старой хричевкой, хотя она вовсе ужъ не такъ стара, и въ Неси-Гилѣ, только что на-дняхъ, вышла замужъ за кондуктора подъемной дороги черная Жулли, которая всего на шесть лѣтъ ея моложе...

И она выкрасила мистера Перси всего—ну, да всего, хотя ей, какъ дѣвицѣ, и немножко неловко говорить объ этомъ.

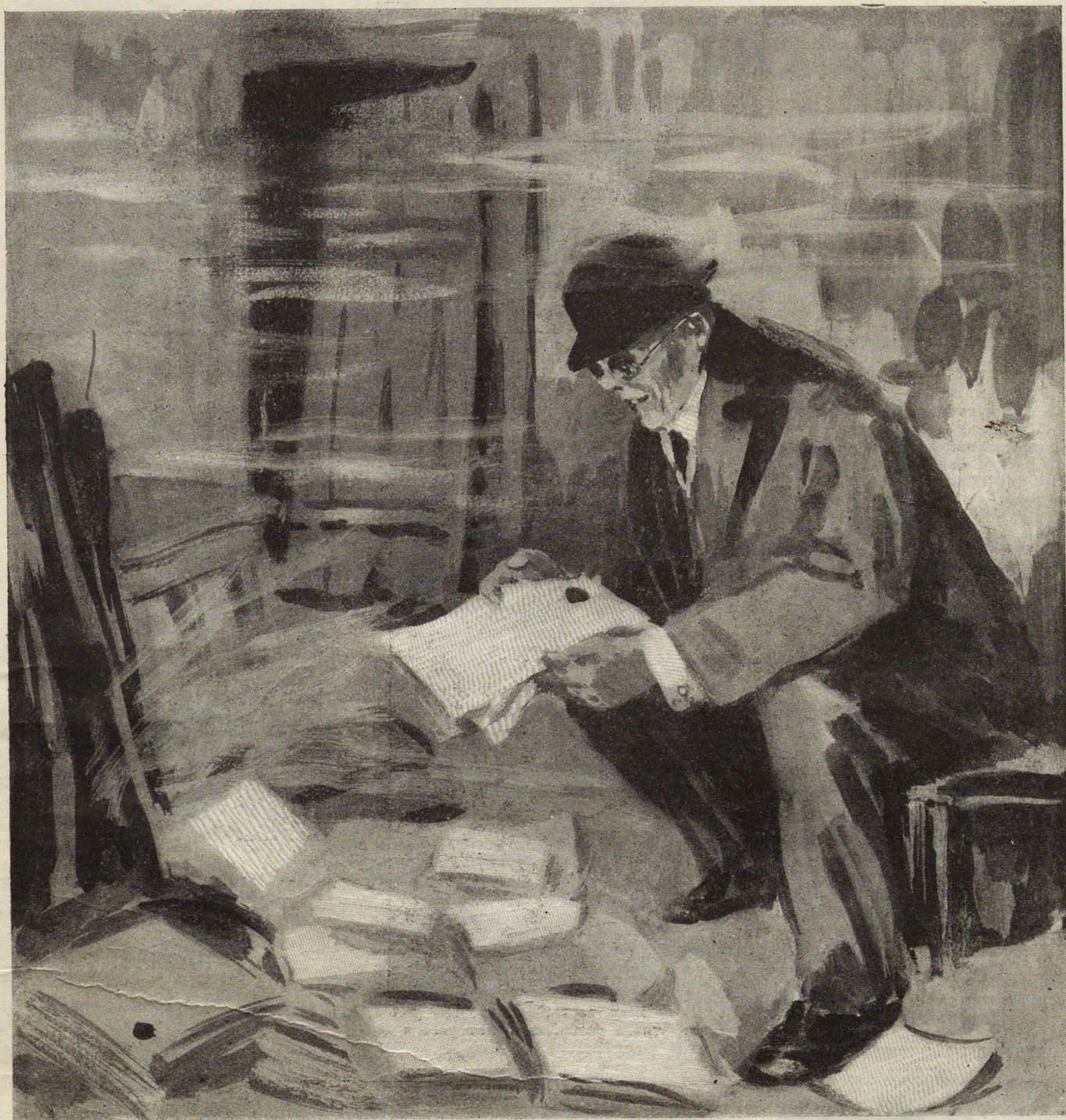
Для чего это было ему нужно, она не знаетъ. Скоро это уже не стало ему нужно, потому что на другой день онъ опять явился къ ней и потребовалъ, чтобы она вернула ему прежній христіанскій видъ. Онъ грозился, что заставитъ выпить ее ведро уксусу съ мѣломъ, если она не сдѣлаетъ этого въ четверть часа.

Она оттирала его, жалѣя, что онъ раньше не сказалъ ей, что чернота понадобится ему только на одинъ день. Можно было взять растворъ въ 10 разъ слабѣе.

Это была чепуха, бессмысленная, какъ бредъ. Но старуха клялась, божилась, плакала, и готова была цѣловать руки у всѣхъ до послѣдняго по-

Н а п о ж а р и щ ъ.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунок Н. Н. Герардова.

Эти-то бумаги, именно, и думалъ уничтожить загадочный человѣкъ...

лисмэна. Ахъ, она никогда не думала, что мистеръ Перси шутить надъ нею нѣкогда такую злую шутку! И какъ ни безумны были ея слова, тѣнь какой-то правды чувствовалась въ нихъ, а искренность ея была несомнѣнна.

Когда опасность миновала, и стало возможнымъ войти въ комнату, такъ называсмаго, мистера Перси, вошедшіе увидѣли, болѣе чѣмъ до половины разрушенный, шкафъ загадочнаго жильца. Отъ адской машины оставался только низъ.

Страшною силою удара шкафъ былъ какъ бы срѣзанъ. Нарушившая срокъ старуха-негритянка была виновницей того, что ударъ пошелъ не по

прямоу направленію. Онъ даже не достигъ цѣли. Нижнія полки шкафа были набиты бумагами. Эти-то бумаги именно и думалъ уничтожить этотъ загадочный человѣкъ съ дьявольскимъ безсердечіемъ.

А. Измайловъ.

Продолженіе А. Измайлова и начало «второй части»
В. А. Тихонова въ слѣд. №.

Въ слѣдующемъ № «Синяго Журнала» продолженіе коллективнаго романа—В. А. Тихонова.—
Часть вторая.—«Въ Россіи».

В. А. Тихоновъ.

Въ коллектив-
номъ романъ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Съ необходимыми по-
слѣствиями Вас. Ре-
тинина.

А. А. Измайловъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича и А. А. Измайлова.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для усвоения извѣстій въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показывая оставшіеся у него „дубликаты“ бриллианта, не признаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтъ распоряженіе своему вѣчному Федору слѣдить за „автомобилемъ № 1.232.323, В.В.В. на которомъ уѣхъ изъ притога вонъ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Войдемъ о азаліи нѣкъ о Перси. Въ тѣломъ погнѣлѣ негритаки Салли онъ не окрашивается въ черной цвѣтъ и поступае тѣ лажемъ—негрѣмъ къ своей матери, и вѣи аетъ бриллиантъ себѣ подѣ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Тигру, проишелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который въбѣжалъ въ голову сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, стор жившіе пробѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Пе си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, не ель микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Полѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ отрядѣ. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ даетъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Въ этотъ день газеты С.-Франциско, съ подробностями злодѣйскаго преступленія, читаются нарасхватъ и въ докахъ, и на улицѣ.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблестъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Raskhell“ сенсационная разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, т-г Кѣблестъ яко-бы бѣдиль въ Россію (пер даются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandalpoutha. Князь обрисовываетъ, какъ личность таинственная и неуловимая. Разоблаченія кончаются разсказомъ о поѣздкѣ сыщика въ Кроингтадтъ, вдоюнку за исчезнувшимъ княземъ.

Между тѣмъ жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валить въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ. Каждый изъ нихъ старается найти разгадку таинственной исторіи съ бриллиантомъ...

Фраза художника Друмбамъ—„фактъ, а не реклама“—назвать Спринга на мысль, не ге лама ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, одѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Не ри долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Йогъ.

Во вр мя его разсказа къ инспектору является т-г Кѣблестъ и докладываетъ, что негритаки „Черная Салли“ в орвала подвалъ, въ ра приказанію т-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разсѣдывать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы.

ГЛАВА ХLI.

ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ РЕПОРТЕРА.

Видѣвшему на три аршина подѣ землею Кѣблесту достаточно было перебросить между пальцами десятокъ этихъ листковъ, чтобы увидѣть, какой огромной государственной важности дѣло вскрывается передъ нимъ.

Ему попали двѣ или три бумаги, выдававшія существованіе какой-то загадочной «лиги 172 объединенныхъ армій и флотовъ». Бумаги были скрѣплены черною сургучной печатью, на которой ясно отпечатлѣвалась поверхность знакомаго и инспектору Дью, и сыщику Кѣблесту драгоцѣннаго камня съ тремя древне-еврейскими буквами или тремя арабскими цифрами...

Нѣсколько конвертовъ, адресованныхъ на имя «ротмистра Персина», валялись тутъ же. Ничего нельзя было понять изъ нѣсколькихъ телеграммъ, явно шифрованныхъ, но, перебравъ еще по дорогѣ къ инспектору полиціи въ автомобиль, нѣсколько писемъ, знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско уже ясно понималъ, что дѣятельность русскаго ротмистра, скрывавшагося подѣ американскимъ псевдонимомъ, была направлена къ разоблаченію грандіозно преступной роли человека, выдававшего себя за князя Енгусева и своею печатью предсѣдателя скрѣплявшаго таинственное дѣло грозной лиги ста семидесяти двухъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

А. Измайловъ.

ВЪ РОССІИ.

Часть 2-я.

КОМАНДОРЪ БОДРЯГО.

ГЛАВА I.

Жарко. Градусовъ тридцать въ тѣни. Надѣ городомъ стоитъ марево. Жизнь замерла и рѣдко-рѣдко гдѣ прозвенитъ звонокъ трамвая или продребезжатъ извозчичьи дрожки по жесткому «макадаму».

Въ гавани все тихо. Часъ обѣда, работы приостановлены, все ищетъ тѣни, все изнемогаетъ отъ жары.

Въ яхтъ-клубѣ, просторно раскинувшемся на концѣ—скаго мола, почти ни души. Вахтенный Гуренко дремлетъ подѣ навѣсомъ, прислонившись спиной къ деревянной стѣнкѣ «голландіи» и поклеывая носомъ. Буфетчикъ Федосѣичъ одиноко сидитъ за своей стойкой и ругается съ мухами, безцеремонно ползающими на проволочныхъ сѣткахъ, разставленныхъ по тарелкамъ и блюдамъ, наполненнымъ бутербродами. Время отъ времени онъ яростно хлопаетъ себя ладонью по мокрой, покрытой крупными каплями пота, лысинѣ, стараясь согнать жужжащихъ надѣ его головой и щекокащихъ темя нахальныхъ летуновъ.

Взглянувъ на замокшую ладонь, онъ безсильно опускаетъ руку на прилавокъ, вытирая потъ обѣ покрывающей его бѣлый холстъ и заводитъ глаза, смариваемый зноемъ.

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 и 31.

Из коллективному фаттастическому рома у «Синяго Журнала». Рисункъ Н. Н. Герардоза.

...Командоръ клуба, Матвѣй Ивановичъ Бодряго, былъ погруженъ въ чтеніе объемистой не-русской газеты...

Серебряно-бѣлые, подъ лучами солнца, камни мола ослѣпительно сверкають и пышатъ жаромъ. Море лучится, переливается свѣтомъ, и лѣниво катитъ синія, тяжелыя волны до камней, глубоко, какъ бы въ истомѣ, ухаешь, и съ усиленіемъ поднимаясь у подножія, тяжело шлепаешь о бережную. И на море, и на песокъ, и на камни больно смотрѣть отъ яркаго полуденнаго солнца.

Въ каютъ-кампаніи спущены жалюзи; настежь открыты окна и двери; чуть-чуть пріятно жужжа, вертится въ углу пара большихъ электрическихъ панокъ, навѣвая легкій, нѣжный вѣтерокъ и прохладу. Прохладно и отъ свѣтящагося полумрака затемненныхъ соломенными жалюзи оконъ, и отъ японскихъ циновокъ, покрывающихъ полъ.

Командоръ клуба, Матвѣй Ивановичъ Бодряго, плотный и крѣпкій еще, какъ сталь, старикъ, сбросивъ съ себя форменный китель и скинувъ съ ногъ бѣлые башмаки, полуразвалился въ простор

номъ соломенномъ креслѣ, и положивъ ноги въ цвѣтныхъ шелковыхъ носкахъ на маленькую камышевую табуретку, погруженъ въ чтеніе объемистой не-русской газеты.

Несмотря на относительную прохладу каютъ-кампаніи, Матвѣю Ивановичу видимо жарко. Воротъ его бѣлой рубашки растегнутъ, обнажая крѣпкую, здоровую, красновато-бѣлую грудь. Черный галстукъ брошенъ возлѣ, на небольшомъ столикѣ, удобно поставленномъ подъ правый локоть. Волосы Матвѣя Ивановича, сѣдоватые, почти бѣлые и густые, сбились крупными кольцами и липнуть къ потному лбу. Глаза красные и отъ жары, и отъ вчерашняго грога, который, по его убѣжденію, лучше всего отъ жары страхуетъ, и котораго онъ, на этомъ основаніи, выпилъ вчера вечеромъ стаканчиковъ пять-шесть. Впрочемъ, сегодня онъ не рискуетъ прибѣгать къ этому универсальному средству (вчера онъ увѣрялъ доктора Ломакина, что грогъ, приготовленный по

его, Матвѣя Ивановича, рецепту, одинаково спасаетъ и отъ жары, и отъ холода), и сегодня возлѣ него на столикѣ стоитъ большая, хрустальная, «командорская» кружка съ содовой водой и глубокая вазочка со льдомъ. Тутъ же на столикѣ, находится объемистый, желтой гутаперчи, портъ-табакъ съ американскимъ табакомъ, автоматическая свѣча для закуриванія и серебряные щипчики, игла и ложечка для выбиванія и чистки трубочки.

Матвѣй Ивановичъ покуриваетъ трубочку, выколачиваетъ ее, вновь набиваетъ и—то и дѣло прихлебываетъ соду со льдомъ. Время отъ времени онъ кричитъ хриплымъ, но густымъ и сочнымъ басомъ:

— Гуренко!

Гуренко вздрагиваетъ подъ своимъ навѣсомъ отъ командорскаго оклика, мигомъ вскакиваетъ на ноги и шатаясь отъ непрошедшей еще дремоты, стремглавъ бросается въ каютъ-кампанію, крикнувъ по дорогѣ:

— Есть!

— Гуренко, льду!—командуетъ Матвѣй Ивановичъ, когда вахтенный вытягивается на порогѣ.

— Есть, льду! — выкрикиваетъ Гуренко и мчится къ Федосѣичу въ буфетъ.

Толкнувъ Федосѣича локтемъ въ бокъ, отчего тотъ испуганно подпрыгиваетъ, открывая сразу посоловьѣвшіе свои глаза, Гуренко гаркаетъ ему въ ухо:

— Льду командору!

И получивъ новую, полную льда, вазочку, летитъ, не обращая вниманія на воркотню Федосѣича, въ каютъ-кампанію, ставитъ передъ командоромъ ледъ, убираетъ пустую вазочку и вновь отправляется дремать въ «голландію», отдуваясь.

А Матвѣй Ивановичъ покуриваетъ трубочку, пьетъ соду со льдомъ и читаетъ не-русскую газету, на заголовкѣ которой жирными буквами значится: «Friseo Times». Чтеніе это, очевидно, его захватываетъ: онъ волнуется, пыхтитъ, грузно поворачивается въ креслѣ и поминутно бормочетъ себѣ подъ носъ:

— Ну, и врутъ же! Ну, и мастера же врать господа американцы! И откуда у нихъ что берется?.. Смотрите, пожалуйста! Въ прошломъ номерѣ Марія была баронесса, а теперь вдругъ графиней стала!.. Что? Что такое?.. Въ глазъ камень вставили?! Тыфу ты пропасть!.. Измору на васъ итѣтъ!..—окончательно выходитъ изъ себя Матвѣй Ивановичъ и бросаетъ газету на полъ.

— Можно къ вамъ?—раздается за дверью глуховатый голосъ.

— Это вы, Адольфъ Карловичъ? Пожалуйста! Пожалуйста! Только ужъ извините меня за мое «безбѣлье»,—торопливо говоритъ командоръ и спускаетъ ноги съ табуретки.

— Да вы не изволите беспокоиться, Матвѣй Ивановичъ, я только на минуточку, — говоритъ входящій въ каютъ-кампанію высокій и худой Адольфъ Карловичъ Стопманъ, завѣдующій яхт-клубской «голландіей». —Я только спросить васъ, не разрѣшите-ли вы поднять «Буревѣстникъ» на шлюпъ-балки?

— А что?

— Да течь показалъ. Да еще два аутригера въ мастерскую надо сдать. Починки просятъ.

— Пожалуйста! Пожалуйста, Адольфъ Карловичъ! Дѣлайте все, что находите нужнымъ.

— Благодарю васъ, Матвѣй Ивановичъ—я такъ и сдѣлаю. А вы что, никакъ читать изволите?

— Да, батенька! Читаю вотъ «Friseo Times».

Описывается одно... преступленіе не преступленіе, происшествіе не происшествіе... не знаю ужъ и назвать какъ?.. Въ «Кровавой Мышеловкѣ»... Знаю я эту «Кровавую Мышеловку»! Но въ мое время, когда я еще въ тихоокеанской эскадрѣ служилъ, это была просто дрянненькая, маленькая харчевня, и туда, кромѣ матрозовъ, никто и не заглядывалъ! Да и тѣ—тайкомъ отъ начальства, потому мѣсто очень скандальное было. А теперь пишутъ, что «Мышеловка» эта разрослась чуть-ли не до размѣровъ дворца... Но не въ этомъ суть, а важно, что въ этомъ приключеніи замѣшаны русскіе. Какой-то капитанъ, командиръ русскаго крейсера, князь Енгушевъ. Я что-то такой фамиліи въ русскомъ флотѣ не слыхалъ!

— Можетъ быть, Епанчинъ, Матвѣй Ивановичъ?

— Ну, вотъ выдумали! Епанчиныхъ-то кто не знаетъ? Самая морская фамилія! Нѣтъ, тутъ написано Енгушевъ. Ну, если бы еще было—Ингушевъ, ну, еще можно допустить, что какой-нибудь ингушскій князекъ, а то—нѣтъ! Ен—гушевъ! А еще—ротмистръ Персинъ.

— Персины мнѣ что-то знакомы,—проговорилъ Адльфъ Карловичъ.—Кажется, во флотѣ были такіе.

— Такъ, вѣдь я же вамъ говорю—ротмистръ! Разъ ротмистръ, такъ причемъ же тутъ флотъ?—уже начиная слегка раздражаться, заворчалъ Бодряго.

— Да въ чемъ же тутъ дѣло-то?—спросилъ Стопманъ, стараясь отвести возможную вспышку вспылчиваго командора.

— Вотъ то-то и дѣло, что я ничего понять не могу! Сначала этотъ Енгушевъ бриллиантъ проигралъ; а когда опять отыгралъ, то нигдѣ его найти не могли. Пропалъ бриллиантъ, понимаете?

— Понимаю-сь.

А потомъ явилась какая-то Марія, не то баронесса, не то графиня, однимъ словомъ, чортъ знаетъ кто! А потомъ эту Марію убили и бриллиантъ этотъ самый ей въ глазъ вставили.

— Что?—воскликнулъ Стопманъ и даже назадъ попятился.

— Вотъ то-то и дѣло!.. А потомъ оказалось, что бриллиантъ этотъ не тотъ, а какой-то фальшивый. А теперь вотъ ищутъ.

— Кого-съ?

— А кто ихъ разберетъ—кого? Не то бриллиантъ, не то убійцу.

— А бриллиантъ дорогой былъ?

— А я почему знаю? Я его не видалъ! Можетъ быть, и дорогой! Вся штука-то въ томъ, что на этомъ бриллиантѣ оказались: не то какія-то еврейскія буквы, не то арабскія цифры. Вотъ тутъ поди и разберись!

— А я такъ полагаю, Матвѣй Ивановичъ, что это не больше, какъ американская утка! Вѣдь, вы сами знаете, какой они на этотъ счетъ народъ!

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“: Глава I—„Командоръ Бодряго“; глава II—„Нирвана“; глава III—Эдвинъ Тарвэ; глава IV—Русскіе американцы; глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны. Глава VII—Иванъ Ивановичъ.

В. А. Тихоновъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гинина.

?

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для усюженія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Марин, кн. показываетъ оставшіюся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы кн. себя въ отель и дѣлаетъ распоряженіе своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1232.323. В.Б.В., на которомъ ухлѣ изъ притона во въ укромномъ бриллиантомъ.

Вотъ онъ азаломъ нѣко „вѣсы. Въ тѣхъ полѣхъ негритака Салли онъ не окрашивается въ черный цвѣтъ и поступаеъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и вѣшаетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который възвѣзалъ въ полость сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Пе си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Преслѣваніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себя задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „мистеръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣриги убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблестъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakshell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблестъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandaoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валить въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальныя „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ (принявъ наталкивается на мысль, не ѣздилъ ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Не ри долгу разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Ютъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кѣблестъ и докладываетъ, что негритака „Черная Салли“ взорвала подвалъ, въ ра приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и предоставили громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ-скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ съ своимъ ослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ С.-Франциско.

ЧАСТЬ 2-я.

КОМАНДОРЪ БОДРЯГО.

— Еще бы мнѣ не знать! Хорошо знаю! И въ самомъ этомъ распроклятомъ Фриско нѣсколько разъ бывалъ! И даже долженъ вамъ сознаться, чуть у меня однажды тамъ романчикъ не завязался... Звали ее, видите-ли, Пахитой, и была она, собственно говоря, мексиканка...—началъ было свое повѣствованіе старый командоръ.

Но какъ разъ въ это время на порогѣ каютъ-кампаніи показался буфетчикъ Федосѣичъ и почтительнѣйше спросилъ:

— Прикажете, ваше высокородіе кушать подавать?

— А что-жъ! Кушать, такъ кушать!—причмокнувъ губами, сказалъ командоръ, и въ сопровожденіи Стопмана, отправился въ столовую.

За обѣдомъ онъ еще подробнѣе разсказалъ своему неизмѣнному сотрапезнику, Адольфу Карловичу, приключеніе въ «Кровавой Мышеловкѣ» и обстоятельный Стопманъ уже вначалѣ укрѣпилъ въ мысли, что вся эта исторія не болѣе, какъ американская утка.

Утвердившись въ этомъ мнѣніи, оба сотрапезника разошлись по своимъ каютамъ: Матвѣй Ивановичъ въ командорскую при каютъ-кампаніи, а Стопманъ въ свѣтелку, приспособленную имъ

для себя въ «голландіи», справедливо разсуждая, что, что бы тамъ ни было, а уснуть послѣ обѣда часика два, никогда не мѣшаетъ.

ГЛАВА II.

«НИРВАНА».

На вахтѣ яхтъ-клуба пробило шесть склянскъ. Вечерѣло. Солнце стояло уже довольно низко на горизонтѣ и въ порту лихорадочно кипѣлъ заканчивающійся трудовой день. Визжали и скрипѣли цѣпи лебедокъ, раздавались рѣзкіе, пронзительные свистки служебныхъ локомотивовъ; густо гудя въ терцію настроеннымъ гудкомъ, отваливъ отъ гавани, плавно прошелъ мимо мола, разводя широкую волну, большой пароходъ «Цесаревичъ Георгій», наполненный пассажирами, отправляясь въ крымскій рейсъ. Торопливо стуча и шлепая по водѣ плицами колесъ, прибѣжалъ изъ Аккермана старый «Тургеневъ». Медленно и безшумно, черными тѣнями скользая по водѣ, какъ фантастическія привидѣнія, тянулись въ гавань мрачныя, зловѣщія «грязнушки». Со стороны Пересыпи раздавался неумолчный скрежетъ землечерпалокъ. По переливавшимся золотомъ и перламутромъ волнамъ гавани, скользили, дѣловито посвистывая на разные тона и лады, служебные пароходики, катера, моторы.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 и 32.

Въ порту слышались крики рабочихъ, звонъ и лязгъ бросаемаго желѣза, ржаніе и визгъ дерущихся лошадей.

Въ воздухѣ чувствовалась вечерняя прохлада. Жаръ свалилъ.

Къ яхтъ-клубскому трапу со стороны гавани, то и дѣло причаливали шлюпки, и изъ нихъ выходили, собиравшіеся въ клубъ спортсмены. Гуренко, смѣнившійся съ вахты, уже въ пятый разъ вызванный съ того берега свисткомъ, переваливалъ на яхтъ-клубскомъ ботикѣ и принималъ пассажировъ, членовъ клуба и ихъ семьи.

Однимъ изъ первыхъ явился маленькій, толстенный Оскаръ Ивановичъ Кучке со своей, такой же маленькой, толстенной дочерью Амаліей. Оба Кучке торопливо направились къ купальнѣ: отецъ въ ближайшую—мужскую; а дочь въ отдаленную—женскую. А черезъ три минуты головы ихъ—одна лысая, а другая въ зеленомъ резиновомъ чепчикѣ, болтались уже за моломъ, на поверхности моря, подпрыгивая, какъ поплавки.

Прибылъ со своей многочисленной семьей красивый и статный итальянецъ, Гораціо Феррони, инструкторъ гребного спорта въ клубѣ. Маленькія и хорошенкія итальяночки зашебетали, разсыпавшись по молу, а самъ Феррони, спустивъ на воду легкой, какъ мечта, аутригеръ-скифъ, принялся тренироваться къ предстоящей на-дняхъ гребной гонкѣ.

Пріѣхалъ со стороны мола, на извозчикѣ, веселый докторъ Ломакинъ вмѣстѣ съ секретаремъ клуба Лакриди и неизмѣнной «Грушенькой», какъ онъ называлъ свою прекрасную гитару.

На собственномъ маленькомъ электрическомъ катерѣ прибылъ и вице-командоръ клуба, баронъ фонъ-Клаусъ и дѣловито прошелъ въ каютъ-кампанію, чтобы побесѣдовать съ командоромъ Бодряго.

Прибывали дамы молодая, веселая, здоровая: итальянки, гречанки и русскія. Пріѣхалъ и дамскій кумиръ, красавецъ Филиповичъ, лихой спортсменъ и первый рулевой клуба. А вслѣдъ за нимъ явился и его соперникъ скромный и тихій фортепіанный настройщикъ Дицманъ, въ рукахъ котораго каждая яхта оживала и неслась впередъ, какъ стрѣла, нерѣдко отбивая призы даже у самаго Филиповича.

Явился и самъ Ничипоренко, котораго въ шутку товарищи называли Штопаренкой, такъ какъ никто на яхтахъ не прибѣгалъ такъ часто къ штопору для откупориванія бутылокъ съ живой влагой, какъ онъ.

И когда пробило восемь склянокъ, клубъ уже кишѣлъ молодыми, веселыми и жизнерадостными спортсменами. Матросы готовили яхты. Погода стояла чудная, и всѣ собирались на общую прогулку.

Буфетчикъ Федосѣичъ обряжалъ корзины съ фруктами, винами и легкой закуской, и разсылалъ ихъ по яхтамъ стоявшимъ еще во дворикѣ клуба.

Ждали только захода солнца, а съ нимъ и вечерней брызги.

Но вотъ старый боцманъ Овчаренко явился въ дверяхъ каютъ-кампаніи и приложивъ руку къ козырьку своей боцманской фуражки, доложилъ:

— Такъ что солнце садится, ваше высоко-родіе!

— Свисти на флагъ!—скомандовалъ Матвѣй Ивановичъ, застегнулъ свой китель на всѣ пуговицы, поправилъ на головѣ флотскую фуражку и вышелъ изъ каютъ-кампаніи.

Рис. Н. Н. Герардова.

Буфетчикъ Федосѣичъ...

Заливчато свистѣлъ боцманскій свистокъ. Спортсмены, также и команда клуба быстро собирались къ высокой мачтѣ, возвышавшейся посрединѣ мола. На вершинѣ этой мачты, слабо колыхаясь, висѣлъ большой, бѣлый съ синимъ крестомъ флагъ—скаго яхтъ-клуба. Матросы выстроились въ двѣ шеренги, спортсмены—дамы и мужчины, стояли небольшими группами.

— Бризъ начинается, — замѣтилъ Филиповичъ, указывая на верхъ мачты.

Командоръ Матвѣй Ивановичъ вышелъ на край мола и посмотрѣлъ куда-то влѣво, гдѣ догоралъ послѣдній бликъ заходящаго солнца. Онъ вынулъ часы—большой, старый полухронометръ, и сталъ внимательно смотрѣть то на его циферблатъ, то на догорающую точку. Но вотъ, точка эта какъ-то вдругъ сразу померкла, Матвѣй Ивановичъ захлопнулъ крышку часовъ и быстрыми шагами подошелъ къ мачтѣ.

— На флагъ!—громко и отчетливо скомандовалъ онъ.

И всѣ мужчины сразу обнажили головы. Дамы, сидѣвшія за столиками около буфета, поднялись со своихъ мѣстъ.

— На молитву! — скомандовалъ боцманъ Овчаренко.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунок Н. Н. Герардова.

...Старый командоръ стоялъ на краю мола и ласковыми глазами провожалъ своихъ любимцевъ...

И матросы клуба стройно запѣли «Отче нашъ». И когда они допѣвали послѣднія слова святой молитвы, большой бѣлый флагъ съ синимъ крестомъ медленно скользилъ по мачтѣ внизъ къ протянутымъ къ нему рукамъ стараго боцмана.

— Разойдись!—скомандовалъ опять командоръ.

Всѣ надѣли фуражки, и веселый шумъ, говоръ, смѣхъ, сразу вспыхнули по всему клубу.

— На яхты! На яхты!—раздавались громкіе голоса.—На яхты! Бриза начинается! На яхты!

Первой, какъ всегда, вышла изъ дворика бѣлая красавица «Джилда», гордо неся свои громадные паруса. На руль стоялъ ея владѣлецъ статный, почти величественный на своемъ посту, баронъ фонъ-Клаусъ. Затѣмъ, вытянулась голубая «Сага», подъ командой Дицмана. Стопманъ ловко повелъ свою «Китти». Красиво вышелъ «Сек-

ретъ» въ рукахъ лихого Филиповича. Грузный «Первенецъ», клубское общественное судно, биткомъ набитый дамами и барышнями, съ докторомъ Ломакинымъ среди нихъ, съ рулевымъ Лакриди, потянулся вслѣдъ за остальными. Ничипоренко на своей пузатой яхтѣ, носившей странное названіе «Иванъ Ивановичъ», тоже заковылялъ за другими.

Старый командоръ стоялъ на краю мола и ласковыми глазами провожалъ своихъ любимцевъ.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“: Глава II—„Нирвана“; глава III—Эдвинъ Тарва; глава IV—Русскіе американцы; глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

В. А. Тихоновъ.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
Н. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ послѣсловіемъ Вас. Регинина.

?

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показываеъ оставшіся у него „дубликатъ“ брилліанта, но прини-мать за автомобиль № 1.232.323. Б.В.В. на которомъ уѣхалъ изъ притога вождь съ укрѣжденнымъ брилліантомъ.

Вождь оказался нѣкъ Перси. Въ тѣмномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ чернѣйшій цвѣтъ и поступаетъ лакеземъ—негрѣмъ къ своей матери, и влизаеъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ извѣстить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣззалъ въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сорвавшіеся проѣздомъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пробываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ онъ, разсматриваеъ у кн. Енгусева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ зашифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Перси“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адеку машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захавъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная взорваны убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблесъ, начинаеъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблесъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не рѣгла ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Нери и извѣщаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Занинъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору являеъ ш-г Кѣблесъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ воровала подвалъ, вѣрная приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громаднѣйшій интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Степаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бываеъ самъ въ С.-Франциско.

На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба...

ГЛАВА II.

„НИРВАНА“.

На «Первенцѣ» зазвенѣла гитара и докторъ Ломакинъ звучнымъ баритономъ запѣлъ клубскую отвалную пѣсню:

На яхтахъ намъ не братъ самъ чортъ,

Безумно любимъ мы нашъ спортъ...

И вдругъ со всѣхъ яхтъ дружно, мужскіе и женскіе голоса подхватили припѣвъ:

— Мы обожа-а-емъ!

Докторъ тряхнулъ гитарой: двѣ мандолины—одна въ рукахъ смугленькой Лакриды, другая подъ тонкими пальчиками хорошенькой Лауры Феррони, присоединились къ гитарѣ. А докторъ Ломакинъ уже пѣлъ дальше:

И лишь стемнѣютъ небеса,

Мы поднимаемъ паруса...

И со всѣхъ яхтъ дружно подхватывали:

— И уплыва-а-емъ!

— Хорошо! — проговорилъ Матвѣй Ивано-

вичъ, стоя на борту мола и весело потирая руки. И вдругъ, словно неожиданно для самого себя, круто повернувшись и крикнувъ стоявшему въ дверяхъ буфета лысому Федосѣичу.

— Грогу командору, старый хрѣнь, грогу!

Флотилія—скаго клуба уже миновала маякъ

и обвѣваемая запахомъ розъ, доносившемся вмѣстѣ съ бризой съ берега изъ прекраснаго цвѣтника дачи Маразли, держала курсъ на Малый Фонтанъ.

И вдругъ, Филиповичъ, на своемъ «Секретѣ», приподнялся во весь ростъ и сталъ пристально всматриваться куда-то вдаль.

— Яхта!—проговорилъ наконецъ онъ.

— Наша? — спросилъ, сидѣвшій въ гокъ-питѣ, его пріятель Лебедевъ.

— Нѣтъ, не наша! У насъ такой нѣтъ. Больше «Джилды».

— Куда идетъ?

— Къ гавани. Да, это не здѣшняя. Бизань на кормѣ. Вооруженіе—юла. Въ Черномъ морѣ такихъ яхтъ я не видалъ. И какъ идетъ хорошо! Откуда вѣтеръ беретъ?

— Къ Дофиновкѣ какъ бы не сбилась! Тамъ буруны!—проговорилъ на бакѣ матросъ Павка.

— Нѣтъ! Поворотъ сдѣлала. Легла на лѣвый галсъ. Прямо къ нашему клубу править!—отвѣтилъ на замѣчаніе матроса Филиповичъ и потомъ, подумавъ немного, прибавилъ:—Чтобы это за яхта такая? Изъ заграницы, должно быть!

— Ваше высокородіе, яхта!—доложилъ боцманъ Овчаренко сидѣвшему спиной къ морю и попивавшему грогъ командору.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32 и 33.

Появленіе «Нирваны».

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунок Н. Н. Герардова

...Яркій снопъ электрическихъ лучей брызнулъ сверху каютъ-компаніи и освѣтилъ всю яхту...

Матвѣй Ивановичъ круто повернулся. Яхта, стройная, съ высокой готъ-мачтой и съ маленькой бизанью на кормѣ, лавируя противъ встрѣчной бризы, шла прямо къ клубу, показывая то зеленый, то красный огонь позывныхъ фонарей.

— Что за яхта?—проговорилъ Матвѣй Ивановичъ, всматриваясь своими зоркими глазами.— Приготовь прожекторъ! — крикнулъ онъ Овчаренкѣ.

— Есть!—отозвался тотъ и быстрыми шагами отправился на вышку каютъ-компаніи.

— Вахтенный! Гаврилюкъ! Дай мой бинокль! —опять крикнулъ командоръ.

— Есть!—отозвался голосъ вахтеннаго.

А яхта подходила все ближе и ближе, и вдругъ, не доходя сажень пятидесяти до клуба, сразу убрала паруса и вслѣдъ за этимъ было слышно, какъ загремѣла на ней якорная цѣпь.

— Наведи прожекторъ! — крикнулъ командоръ.

И яркій снопъ электрическихъ лучей брызнулъ сверху каютъ-компаніи и освѣтилъ всю яхту.

Матвѣй Ивановичъ навелъ бинокль и подъ самымъ носомъ яхты, на черномъ борту ея, прочелъ выведенное золотыми рельефными буквами слово: «Nirvana».

ГЛАВА III. ЭДВИНЪ ТЕРВЕ.

Минуты черезъ три отъ яхты отвалилъ маленький черный «тузикъ» и въ нѣсколько ударовъ весель подошелъ къ молу и причалилъ къ клубскому трапу.

Высокій, стройный человѣкъ вышелъ изъ него и поднялся на молъ. Матвѣй Ивановичъ уже шелъ къ нему навстрѣчу.

— Я желалъ бы видѣть господина командора,—чисто, по-русски, но съ какимъ-то едва уловимымъ, мягкимъ акцентомъ проговорилъ вновь прибывшій, прикладывая руку къ козырьку своей яхты-клубской фаружки.

Я командоръ—отвѣтилъ Матвѣй Ивановичъ, козыряя въ свою очередь.

— Позвольте представиться: Эдвинъ Терве, членъ клуба...

И онъ назвалъ одинъ изъ извѣстныхъ финляндскихъ яхты-клубовъ и протянулъ при этомъ свой членскій билетъ, на которомъ, на двухъ языкахъ—по-фински и по-французски—значилось, что предъявитель, дѣйствительно, членъ означеннаго клуба, Эдвинъ Терве.

— Очень радъ познакомиться; отставной капитанъ 2-го ранга Бодряго, командоръ —скаго яхты-клуба,—сказалъ Матвѣй Ивановичъ, прочитавъ карточку и протягивая руку вновь прибывшему.

И невольно подумалъ при этомъ: «Какой красавецъ! Неужто финнъ?»

А Эдвинъ Терве, пожавъ руку командора, вѣжливо спросилъ:

— Могу я поставить мою яхту въ вашемъ клубскомъ дворикѣ?

— Какъ же, какъ же, конечно! Непремѣнно! Пожалуйста!—заторопился Матвѣй Ивановичъ и громко крикнулъ: — Овчаренко! Отбуксировать сейчасъ же яхту господина Терве къ намъ во дворикъ.

А потомъ, вдругъ, спохватившись, спросилъ:

— А вы откуда изволили прибыть?

— Изъ заграницы, господинъ командоръ.

— Въ такомъ случаѣ...—началъ было Матвѣй Ивановичъ.

— Не извольте беспокоиться! Я уже заходилъ въ Θεодосію, и тамъ всѣ формальности выполнилъ, такъ что, строго говоря, я иду изъ русскаго порта. Я буду имѣть честь представить вамъ мои бумаги.

— А! Ну, очень радъ! Очень радъ!—уже совершенно искренно обрадовался Матвѣй Ивановичъ и еще разъ крѣпко пожалъ руку Эдвина Терве.—Не угодно-ли чайку? Винца? Милости просимъ къ намъ въ столовую.

И черезъ минуту они уже сидѣли за столикомъ и попивали командорскій грогъ.

Эдвинъ Терве почему-то сразу понравился Матвѣю Ивановичу. И лицо такое открытое, и глаза свѣтлые, и голосъ такой мягкій, пріятный. И видно, что настоящій морякъ, серьезный понимающій.

А Терве рассказывалъ Матвѣю Ивановичу, что вотъ уже третій годъ живетъ на своей яхтѣ, курсируя по берегамъ Европы, что «Нирвана» его хорошее крейсерское судно финляндской работы; что команда у него—три человѣка: два финна и одинъ русскій.

— По странному стеченію обстоятельствъ, бывший матросъ вашего, господинъ командоръ, клуба,—добавилъ онъ.

— Кто таковъ?

— Тимофей Павловъ.

— Тимошка? — весело воскликнулъ Матвѣй Ивановичъ и крикнулъ буфетчику.—Слышишь, Федосѣичъ? Тимошка-то нашъ отыскался! А гдѣ же вы это его подобрали?—обратился онъ къ Терве.

— Въ Константинополѣ, господинъ командоръ.

— Ну, такъ и есть! Это, какъ онъ тогда спустился, въ Румынію попалъ, а тамъ, значитъ, и дальше... А бумаги-то у него въ порядкѣ?

— Въ полной исправности. Я ихъ визировалъ въ русскомъ консульствѣ въ Константинополѣ.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! А славный матросъ!

— Безукоризненный,—подтвердилъ Терве.—Ловокъ, какъ кошка, находчивъ и, если хотите, даже интеллигентенъ. Здѣсь, въ Черномъ морѣ, онъ для меня настоящій кладъ.

— То-то я смотрю, вы къ клубу-то къ нашему, какъ по знакомой дорогѣ подошли.

Покаместъ они бесѣдовали, вновь прибывшая яхта была уже введена во дворикъ, и боцманъ Овчаренко явился съ докладомъ, что все готово.

— Не пожелаете-ли, господинъ командоръ, осмотрѣть мою яхту?—спросилъ Терве.

— Завтра утромъ батенька! Завтра! А теперь—что увидишь?

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ откланяться и отправиться къ себѣ!

— Куда же вы, батенька, торопитесь? Вотъ скоро наши съ прогулки вернутся. Поужинаемъ.

— Благодарю васъ, господинъ командоръ! Но я съ дороги страшно усталъ. Хотѣлось бы выспаться.

— Ну, не держу, въ такомъ случаѣ. Спокойной ночи! До свиданья. До завтра.

Терве раскланялся и пошелъ къ себѣ на яхту.

«Экій статный какой»,—думалъ Матвѣй Ивановичъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся гостю.

Подошелъ боцманъ Овчаренко.

— Имѣю честь доложить вашему высокородію, что на яхтѣ нашъ Тимошка объявился, —отрапортовалъ онъ.

— Знаю, голубчикъ, знаю! Въ Константинополѣ подобрали.

— Смѣшной такой сталъ! Совсѣмъ хряпцюзъ!

Эдвинъ Терве, придя къ себѣ на яхту и спустившись въ свою элегантную каютку, крикнулъ:

— Таалу!

Босые ноги быстро замелькали по трапу и приземистый, но коренастый матросъ-финнъ, Мартинъ Таалу, спустился въ каюту.

— На вахту сегодня Эрика поставь,—началъ по-фински Терве.

— Очередь русскаго,—отозвался Таалу.

— Знаю, но онъ мнѣ нуженъ для другого дѣла. Пошли его сейчасъ ко мнѣ.

— Хорошо!—отвѣтилъ Таалу и вышелъ изъ каюты.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“: Глава III—Эдвинъ Терве; глава IV—„Русскіе американцы“ глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣствиемъ Вас. Ре-
гинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показывая оставшіяся у него „дубликаты“ бриллианта, но прини-
маетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтъ распоряженіе своему вѣстному Федору слѣ-
дить за автомобилемъ № 1232.323. Б.В.Б. на которомъ уѣхалъ изъ притона вождь съ украденнымъ бриллиантомъ.

Вождь оказался нѣко Перси. Въ таинномъ подвалѣ негритянки Салли онъ нескрывается въ черной цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негрѣмъ къ своей матери, и влиять бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаши, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственной надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ дарю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучи-
тельной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова бесцѣленно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣздъ въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторжлившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Не си (онъ же Томъ Квикъ) схотривъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, чезъ микроскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгушева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ от-
крытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адеку машину и предупредивъ о томъ свою старую няню Салли. Утромъ, заѣхавъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгушевъ наталкивается на указную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортѣръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы сытъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгушева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakshell“ сенсаціонныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кѣблессъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngousche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валая въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортѣръ Спрингъ наталкивается на мысль, не рѣгла ли все про смѣшное съ бриллиантомъ. Онъ мнитъ къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, сдѣлан-
ный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Невин долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Зайнъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кѣблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ воровала подвалъ, вѣрѣя приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представ-
ляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стспманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На м.ѣ происходитъ обычное ученѣе, маневры яхтъ-клуба...

По долгу вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ „Нирваны“—Тимофей Павловъ, оказывается, когда-то служилъ въ яхтъ-клубѣ, и былъ извѣстенъ командору Бодряго... Капитанъ „Нир-
ваны“, остановившись у яхтъ-клуба, требуетъ Тимофея къ себѣ...

ГЛАВА III. ЭДВИНЪ ТЕРВЕ.

А черезъ минуту на его мѣсто появился дру-
гой матросъ, дѣйствительно, болѣе походившій
на кошку, чѣмъ на человѣка.

Съ нимъ Терве заговорилъ уже по-русски.

— Вы знаете, гдѣ здѣсь помѣщается гостин-
ница «Лондонъ»?

— Еще бы не знать! Прямо тутъ на буль-
варѣ.

— А «Европейская гостинница»?

— Тоже тутъ, въ двухъ шагахъ!—ухмыляясь,
отвѣтилъ матросъ.

— Ну, и отлично! Такъ отправляйтесь сна-
чала въ гостинницу «Лондонъ» и узнайте, не прѣ-
ѣхала-ли сегодня туда пожилая дама со старой не-
гритянкой? И если прѣѣхала, пройдите къ ней и
скажите только два слова: «Нирвана — здѣсь».
Тогда она дастъ вамъ нѣсколько писемъ и вы
принесете ихъ мнѣ. Но прежде, чѣмъ возвращать-
ся, зайдите еще въ «Европейскую гостинницу» и
узнайте: не прѣѣхала-ли сегодня же миссъ Эвели-
на Дѣконоръ? И если прѣѣхала, явитесь къ ней и
скажите тоже самое: «Нирвана—здѣсь». А затѣмъ
являйтесь ко мнѣ.

— Есть!—отвѣтилъ матросъ.—Только будь-
те добры, напишите на бумажкѣ, какую фамилію
въ Европейской-то спросить?

Терве вырвалъ листокъ изъ блокъ-нота и,
написавъ крупнымъ и четкимъ почеркомъ «Эве-
лина Дѣконоръ», передалъ его матросу.

Оставшись одинъ, Терве отперъ шкафчикъ,
вдѣланный прямо въ бортъ, открылъ находившій-
ся тамъ желѣзный сундучекъ, и вынувъ небольшой
портфель, выложилъ изъ него нѣсколько бумагъ
и сталъ разбираться въ нихъ.

Знакомыя уже нашимъ читателямъ имена
замелькали передъ его глазами: князь Енгушевъ,
Перси, ротмистръ Персинъ, Спрингъ, Краббъ,
Марія...

Эдвинъ читалъ бумаги и горько улыбался.
«Работа всей жизни! Святая мечта! Всѣ упо-
ванія—едва не погибли отъ руки этого страшнаго
хищника!»—думалъ онъ, дѣлая какія-то помѣтки.
«Но нѣтъ! Мы еще поборемся! Не достигну я,
достигнутъ мои преемники! Насъ много, гораздо
больше, чѣмъ думаете вы, господинъ Козельскій!
Но теперь надо держать ухо востро! Перси больше
нѣтъ! Доклады ротмистра Персина—прервались...
Это, конечно, подниметъ страшный переполохъ,
бросятся искать... А Енгушевъ знаетъ гораздо

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33 и 34.

больше, чѣмъ бы слѣдовало! Марія выдала ему все, все, что знала!.. Бѣдная женщина! Какъ страшно заплатила она за свою любовь, за проблески счастья, отдала свою жизнь!.. И какого счастья! Съ Иудой, съ предателемъ, съ врагомъ свѣта, съ фанатикомъ вѣчной тьмы!..

Просмотрѣвъ бумаги, Терве опять уложилъ ихъ въ портфель, подошелъ къ шкафчику, вынулъ изъ него желѣзный сундучокъ, осмотрѣлъ его, потомъ надавилъ какой-то гвоздикъ въ дверцѣ шкафчика, и дно шкафчика быстро и безъ шума опустилось. Внизу была вода.

«Одно прикосновение къ этому гвоздику, и сундучокъ съ дорогими бумагами безъ всплеска исчезнетъ на днѣ моря», — мысленно проговорилъ онъ. — «Да, надо быть осторожнѣе. Теперь за нами откроется страшная слѣжка!»

Затѣмъ онъ положилъ портфель обратно въ сундучокъ, сундучокъ вставилъ въ шкафчикъ и дверцѣ захлопнулся.

Въ дворикѣ слышался все болѣе и болѣе возрастающій шумъ и людскіе голоса. Это возвращались съ прогулки клубскія яхты.

Эдвинъ надавилъ кнопку звонка. Вошелъ Таалу.

— Тимофей еще не возвращался?

— Нѣтъ еще.

— Далеко-ли мы стоимъ отъ берега?

— Отъ мола—не болѣе трехъ сажень,—отвѣтилъ Таалу.

— Я спрашиваю не отъ мола, а отъ берега? Отъ пристани?

— Сажень пятьдесятъ, не больше.

Объ яхту что-то стукнуло.

— Это навѣрное русскій вернулся,—сказалъ Таалу и пошелъ наверхъ.

А на смѣну ему уже спускался кошкообразный матросъ Тимошка.

— Въ «Европейской» барышня еще не приѣжала; а изъ «Лондона»—вотъ вамъ письмо отъ старой барыни,—доложилъ онъ.

— Хорошо, идите!

Оставшись одинъ, Терве вскрылъ небольшой конвертикъ. Онъ вынулъ изъ него листокъ почтовой бумаги, на которомъ стояло всего три слова: «Приходи скорѣе. Мать».

— Тимофей!—крикнулъ Терве, приотворивъ дверь.

— Есть!—отозвался голосъ сверху.

— На тузикъ! Я сейчасъ ѣду на берегъ.

Тимошка сидѣлъ на веслахъ, а Терве, держа руль, спрашивалъ его:

— Вы сами видѣли старую даму?

— Никакъ нѣтъ. Письмо мнѣ подала негритянка.

— Въ которомъ номерѣ онѣ остановились?

— Въ шестнадцатомъ.

— Есть-ли на пристани извозчики?

— Есть.

А «тузикъ» быстро летѣлъ по черной глади гавани, дробя лучи отражавшихся въ водѣ огоньковъ береговыхъ фонарей.

— Вы будете ждать меня здѣсь, хотя бы я вернулся и поздно,—сказалъ Терве, выскакивая на берегъ.

И затѣмъ, замѣтивъ хорошенько мѣсто причала, онъ направился къ проѣзжавшему невдалекѣ извозчику.

— Номеръ шестнадцатый? — спрашивалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ у швейцара гостиницы «Лондонъ».

— Пожалуйста, во второй этажъ, по коридору налѣво.

Терве постучалъ въ дверь подъ номеромъ шестнадцатымъ.

— Entrez!—раздался оттуда женскій голосъ.

Терве вошелъ въ маленькую прихожую. Высокая, статная, совершенно сѣдая, но еще со свѣжимъ, хорошо сохранившимся лицомъ, женщина шла ему навстрѣчу.

— Матти!—вскрикнула она и бросилась на шею сына.

— Мама! Я здѣсь не Матти! Я здѣсь—Эдвинъ Терве,—испуганно остановилъ онъ ее, нѣжно въ то же время цѣлуя сѣдую голову, склонившуюся къ нему на грудь.

— Мистеръ Перси! — воскликнула старая негритянка, выскакивая изъ сосѣдней комнаты, и тоже бросаясь къ нему. — Мистеръ Перси! Мой маленькій Бобъ!

— Молчи, черная Салли!—съ ласковой строгостью, прошепталъ молодой человѣкъ. — Здѣсь нѣтъ ни Матти, ни Боба Перси, здѣсь—Эдвинъ Терве!

— Устала я!—проговорила мать, когда ее, нѣсколько уже успокоенную, сынъ усадилъ въ кресло. — Устала я отъ этихъ вѣчныхъ маскарадовъ, отъ этихъ вѣчныхъ чужихъ именъ, отъ этого вѣчнаго страха и трепета за

твою жизнь.

— Мама, ты забыла клятву, которую мы дали покойному отцу, — твердо проговорилъ Эдвинъ.

— Да! Главное, что я должна тебѣ сказать,—спохватилась мать. — Эвелина здѣсь, вотъ уже два дня, какъ живетъ въ этой же гостинницѣ.

Терве даже поднялся съ кресла, на которое только что передъ этимъ сѣлъ.

— Здѣсь?—прошепталъ онъ. — Но она должна была остановиться въ «Европейской».

— Она такъ было и сѣлала и съ вокзала наняла экипажъ въ «Hôtel d'Europe», но уже подѣзжая къ самому подъѣзду, она увидала двухъ выходившихъ оттуда мужчинъ, въ которыхъ узнала подозрительныхъ личностей изъ С.-Франциско: не то шпионовъ, не то репортеровъ. Она крикнула кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ дальше въ другой, ближайшій отель. Ближайшимъ оказался «Лондонъ»,

Рис. Н. Герардова.

...Появился матросъ, дѣйствительно, больше походившій на кошку, чѣмъ на человѣка...

Встрѣча Эдвина Терве съ матерью.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунки Н. Н. Герардова.

— Матти! — вскрикнула она и бросилась на шею сына...

и вот—она здѣсь. Салли встрѣтила ее въ коридорѣ и она была уже у меня.

— Шпіоны? Здѣсь? Уже пронюхали? — повторялъ про себя Терве и потомъ вдругъ громко сказалъ:—Мама! Мнѣ необходимо ее сейчасъ же видѣть!

— Дорогой мой мальчикъ! Да посиди ты хоть минутку со своей матерью! Сколько времени мы не видались!

— Мама! Каждая минута дорога и страшна въ моей жизни!—проговорилъ Терве.

— Ну, что-жъ! Тогда иди къ ней. Она осталась въ девятомъ номерѣ, — проговорила мать, грустно опуская голову.

— Мама, я еще вернусь къ тебѣ и просижу цѣлый часъ,—сказалъ Терве и, нѣжно поцѣловавъ мать, вышелъ изъ комнаты.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
тинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть І-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дублировать“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отсыпанию настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣлаетъ распоряженіе своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.823. Б.Б.В., на которомъ уѣхъ съ притога возъ съ украденнымъ брилліантомъ.

Воромъ оказался нѣкто Перси. Въ тайномъ полѣхъ негритянки Салли онъ не окрашивается въ чернѣйшій цвѣтъ и поступаетъ лакземъ—негрѣмъ къ своей матери, и вѣщаетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гама, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ нескончимо хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ извинить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣздася въ пошлѣе сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторъ живнше прѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Не си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, чѣмъ е ѣ мироскопъ онъ, разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифрѣ: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.

Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная зѣвочки убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ даетъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы слѣдъ вырѣзанъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь кланется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakchell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кѣблессъ, яко-бы ѣздилъ въ Россію (передается его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валить въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ.

Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не рѣглами ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазъ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Перси и узнаетъ камень, слѣдланый имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Невзирая на долго разсказываніе о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по уверенью ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кѣблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ въ разлѣ подвала, въ ра приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляютъ громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Водряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Степаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дѣльнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Водряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н.-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходить на берегъ узнать, прѣѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просмотрѣлъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантюръ кн. Енгушева и баронессы Маріи и далъ клятву поймавъ авантюристу. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить все маскарады и жизнь подѣ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, — и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

ГЛАВА III.

ЭДВИНЪ ТЕРВЕ.

Черная Салли незамѣтно шмыгнула за нимъ.

— Сэръ, — зашептала Салли, когда они очутились вдвоемъ въ корридорѣ, — взрывъ произошелъ. Онъ былъ ужасенъ, но бумаги... уцѣлѣли и... попали въ руки полиціи.

Эдвинъ пошатнулся и схватился за голову.

— Старая леди ничего не знаетъ, — шептала негритянка. — Идите къ молодой, она вамъ все, все разскажетъ.

Эдвинъ наклонился къ старой негритянкѣ, взялъ ее руками за голову и, крѣпко поцѣловавъ чернѣйшій лобъ своей старой кормилицы, твердой походкой пошелъ дальше по корридору.

Остановившись передъ номеромъ девятымъ, онъ постучалъ въ дверь.

— Войдите! — по-русски раздался голосъ изъ-за нея.

ГЛАВА IV.

РУССКІЕ АМЕРИКАНЦЫ.

На Приморскомъ бульварѣ, подѣ навѣсомъ ресторана почти пусто. Занято всего два-три сто-

лика. Третій часъ пополудни. Снизу, изъ гавани, доносится обычный шумъ, пробудившагося отъ послѣобѣденнаго отдыха порта. Отъ большой каменной лѣстницы, ведущей съ бульвара внизъ, пышетъ жаромъ. Вдали, внизу, сверкаетъ раскаленное солнцемъ море. На бульварѣ душно и пыльно. Дышать нечѣмъ.

За однимъ изъ столиковъ ресторана сидитъ страннаго вида господинъ. На немъ тропическій шлемъ, клѣтчатый сѣренькій костюмчикъ, желтая, съ очень толстой подошвой, не-русская ботинки. Но не въ этомъ его странность. А странно растетъ у него борода, изъ-подъ низу кверху, вѣромъ; совсѣмъ не такъ, какъ бы ей слѣдовало расти, а наоборотъ. И цвѣтъ бороды какой-то странный, пепельно-сѣрый, и совсѣмъ не гармонируетъ съ цвѣтомъ блѣдно-рыжихъ волосъ, выбивающихся изъ-подъ шлема. Усовъ нѣтъ. Губы толстыя, уши довольно большія. Но такъ какъ господинъ, только что кончившій свой завтракъ, весь закрылся громадной одесской газетой, и неизвѣстно, читаетъ-ли онъ ее или просто дремлетъ подѣ ея прикрытіемъ, то оставимъ и мы его въ покоѣ, и лучше обратимъ вниманіе на сосѣдній съ нимъ столикъ, за которымъ тихо бесѣду-

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34 и 35.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисункъ Н. Н. Герардова.

На Приморскомъ бульварѣ, подъ навѣсомъ ресторана почти пусто. Занято всего два-три столика...

Ютъ два молодыхъ человѣка: одинъ высокій, статный, съ красивой, кудреватой черной бородкой и черными кудрявыми волосами. Большіе глаза его горятъ огнемъ. Собесѣдникъ его — прямая ему противоположность: онъ очень малъ ростомъ, хотя и не настолько, чтобы могъ считаться карликомъ; слегка кособокъ и, вообще, очень невзраченъ. При разговорѣ онъ сильно заикается и старается пояснить свою рѣчь жестами. Оба они пьютъ пиво и курятъ сигары.

— Ка-а-лина! А т-ты не боишься? — по-английски заговариваетъ маленькій.

Брюнетъ дѣлаетъ ему предостерегающій жестъ и шепчетъ:

— Я тебя просилъ, Краббъ, не называть меня здѣсь этимъ именемъ! Здѣсь я для тебя — Максъ Флей и не больше!

— Ну, хорошо, хорошо! — успокаиваетъ его маленькій Краббъ, — но я думалъ, что здѣсь не понимаютъ по-английски.

— Здѣсь-то? Въ Одессѣ! Но здѣсь говорятъ на всѣхъ языкахъ міра!

— Ну, хорошо! Хорошо! — твердитъ Краббъ и повторяетъ свой вопросъ. — Боишься ты здѣсь или нѣтъ?

— Конечно, съ такимъ неосторожнымъ спутникомъ, какъ ты, я рискую здѣсь головой, а это — страшно!

Краббъ дѣлаетъ какой-то извинительный жестъ и продолжаетъ:

— Ну, а зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, ты сюда пріѣхалъ?

— О, Краббъ! Если бы ты зналъ, что такое тоска по родинѣ! Особенно у насъ, эмигрантовъ,

не имѣющихъ права вернуться на родную землю. Польскій поэтъ Мицкевичъ сказалъ:

О, родина! Подобна ты здоровью!
Лишь тотъ къ тебѣ проникнется любовью,
Кто потерялъ тебя!

— Какая это страшная правда! Вы тамъ, въ С.-Франциско, всё считали меня веселымъ человекомъ, а если бы вы знали, какъ мучительно болѣла моя душа! Какъ тянуло меня къ моей родинѣ, какъ хотѣлось мнѣ самому взглянуть на нее! Вложить персты въ ея раны и зарыдать на ея груди! О, если-бъ, Краббъ, ты зналъ это, ты не задалъ бы мнѣ вопроса, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда.

Краббъ задумался помычаль что-то про себя и, заикаясь, сказалъ:

— Да, вы, русскіе, любите свою родину, какъ и другіе.

— Я рисую головой,—продолжалъ Калина, —особенно, принимая во вниманіе, твою феноменальную неосторожность, Краббъ. Но безъ этого свиданія, все равно сердце мое не выдержало бы и разорвалось бы на части. Лучше ужъ умереть здѣсь, чѣмъ тамъ.

— Максъ Флей! Говорите тише! Если я могу слышать ваши слова, то могутъ услышать и другіе!—раздался голосъ изъ-за газеты.

Брюнетъ вскочилъ на ноги и, задрожавъ, спросилъ:

— Кто это сказалъ?

— Я! Робертъ Спрингъ! Корреспондентъ газеты «Желтый Калифорніецъ»!

— Ты, Спрингъ?! Ты—здѣсь?!—вскрикнули въ одинъ голосъ и Калина, и художникъ Краббъ.

— Я, самолично! — улыбаясь во весь свой широкий ротъ и приподнимая шлемъ,—отвѣтилъ Спрингъ, опуская газету.

Пріятели крѣпко пожали другъ другу руки.

— Но постой!—спохватился первымъ Краббъ. —Что у тебя это за борода и отчего она такъ странно растеть?

— Борода? Это, голубчикъ, для того, чтобы быть инкогнито...—началъ было Спрингъ, но взглянувъ на свой подбородокъ, онъ быстро сорвалъ бороду.—Goddam!—выругался онъ. — Но, я, кажется, надѣлъ ее вверхъ ногами!

— Не только кажется, но это навѣрно такъ!—подтвердилъ Краббъ.

— А, впрочемъ, на кой чортъ мнѣ эту бороду? У меня паспортъ американскаго гражданина; изъ Россіи я эмигрировалъ болѣе двѣнадцати лѣтъ тому назадъ, еще совсѣмъ мальчишкой, и кто же меня здѣсь можетъ узнать? Развѣ въ Бердичевѣ папенька съ маменькой, если они только еще живы.

И пепельно-сѣрая борода исчезла въ карманѣ Спринга.

— Ну, а теперь, дружище,—сказалъ Краббъ, —садись къ нашему столу, и Расскажи, какъ и зачѣмъ ты попалъ въ Россію?

— Ахъ, все это преступленіе въ «Кровавой Мышеловкѣ», этотъ таинственный бриллиантъ, это страшное убійство прекрасной баронессы! Редакторъ «Желтаго Калифорніеца» призвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ мнѣ: «Спрингъ! Вы извѣстный молодчина! Вы король американскихъ репортеровъ! Кромѣ того, вы имѣете какое-то отношеніе къ Россіи, а потому раскройте мнѣ это русское преступленіе, и «Желтый Калифорніецъ», помимо оплаты всѣхъ вашихъ расходовъ, теле-

граммъ и корреспонденцій, еще будетъ имѣть честь преподнести вамъ чекъ на двадцать пять тысячъ долларовъ». Вы сами понимаете, что раздумывать было некогда. Я сильно потянулъ носомъ и сразу почувствовалъ, что преступники скрылись въ Россію, впрочемъ, кромѣ одного—такъ называемаго, князя Енгушева.

— Почему ты говоришь, «такъ называемаго»? —

— А потому, что онъ не князь и не Енгушевъ. И уже совсѣмъ не командиръ военнаго крейсера.

— Но постой! Мы съ тобой вмѣстѣ въ кинематографъ видѣли его фигуру на командирскомъ мостикѣ крейсера,—сказалъ Калина.

— Наивные люди! Въ нашъ вѣкъ, когда можно поддѣлать куриныя яйца и даже самую курицу, неужели нельзя поддѣлать кинематографическую ленту?

— Кто же, по твоему, онъ?

— Онъ...—началъ было Спрингъ, но сразу оборвавшись, весело разсмѣялся.—Много будете знать, скоро состаритесь!—закончилъ онъ.

Пріятели слегка обидѣлись.

— Успокойтесь, мои дѣти! Дѣло въ томъ, что я и самъ этого хорошенько не знаю, но у меня есть предположеніе.

— А именно?

— Что онъ крупный шпионъ, выслѣживающій гигантское политическое дѣло, интересующее не одно только русское правительство, но и всѣхъ монарховъ міра, но—тсс!.. Къ намъ приближается какой-то господинъ. Будемъ осторожны!

Приближающійся господинъ былъ никто иной, какъ Михаилъ Никифоровичъ Нечипоренко, членъ яхтъ-клуба, и извѣстный больше подъ кличкой «Штопоренко». Несмотря на ранній часъ дня, онъ былъ уже сильно «подъ парами» и слегка покачивался.

Занявъ столикъ невдалекѣ отъ пріятелей, онъ хриплымъ голосомъ крикнулъ, подошедшему къ нему лакею:

— Пива!

Затѣмъ началъ пристально всматриваться въ нашихъ американцевъ. Видимо, ему было скучно пить одному и онъ воображалъ, не найдетъ-ли онъ въ нихъ подходящихъ собутыльниковъ. Уловивъ ихъ англійскій разговоръ, онъ вдругъ громко и совсѣмъ ни къ селу, ни къ городу сказалъ:

— Yes!—А потомъ, немного погодя, прибавилъ:—All right!

— Ахъ, вы говорите по-англійски?—обратился къ нему на этомъ языкѣ Спрингъ.

— Чорта съ два! Инглишъ спокенъ нотъ! Я—русскій человекъ! руссь! руссишъ! рушка!—ужъ неизвѣстно на какомъ языкѣ пояснилъ Нечипоренко.

— Очень пріятно! Я тоже умѣю говорить по-русски! — нарочно ломая языкъ, заговорилъ Спрингъ.—Я корреспондентъ американскія газетъ, Робертъ Спрингъ,—представился онъ и приподнял свой шлемъ.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“: глава IV—„Русскіе американцы“ глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
Е. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гиѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Съ необходимыми по-
словесіемъ Вас. Ре-
гинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гиѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показываетъ оставшейся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ за автомобиль № 1.232.323. Б.Б.В. на которомъ ухаживаетъ за баронессой кн. въ отель и дѣлаетъ распоряженіе своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ.

Воромъ оказался нѣкто Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянка Салли онъ перекрашивается въ чернѣйшій цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негрѣмъ къ своей матери, и вшивающаго бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ встрѣчаетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, дать ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ концы хранился бриллиантъ съ таинственной надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время рассказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣздалься въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Пе, си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „мистеръ Перси“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная застрѣлены.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы сытъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кэблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Ruckell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, ш-г Кэблессъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngonche-Sandanoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стри, толпами валить въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальныя „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не регламъ ли все происшедшее съ 6 излѣтаномъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазъ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Небри и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Небри долго рассказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по утѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Занъ, Ютъ.

Во время его разсказа къ инспектору является ш-г Кэблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрчая приказанію ш-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представили громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просмотрѣлъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантюры кн. Енгусева и баронессы Марин и далъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчается въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, — и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, выславшаго кн. Енгусева по порученію своей газеты, — и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко.

ГЛАВА IV.

РУССКІЕ АМЕРИКАНЦЫ.

Нечипоренко чуть не взвылъ отъ радости. Онъ почему-то былъ увѣренъ—можетъ быть, и не безъ основанія—что американцы первые пьяницы на свѣтѣ. А тутъ еще къ тому же и корреспондентъ. У насъ и свои-то газетчики молодцы на счетъ выпивки, а тутъ еще—американцы! Да это должно быть такіе пропойцы, какихъ и свѣтъ не производилъ!—быстро сообразилъ онъ, широко раскрывая объята своимъ новымъ друзьямъ.

Калина было поморщился, но Спрингъ шепнулъ ему (по-американски) на ухо:

— Нужно, милый! Нужно! Здѣсь все пригодится.

Маленькій Краббъ, вообще большой любитель всякихъ эксцентричностей, особенно, если онѣ сопряжены съ выпивкой, крѣпко, по-американски тиснулъ руку русскаго оригинала.

— Маленькій, а какой сильный!—дуя себѣ на пальцы, удивился Нечипоренко.

— О, мы, американцы, всѣ сильны!—хвастливо сказалъ Спрингъ и пригласилъ Нечипоренко къ ихъ столу.

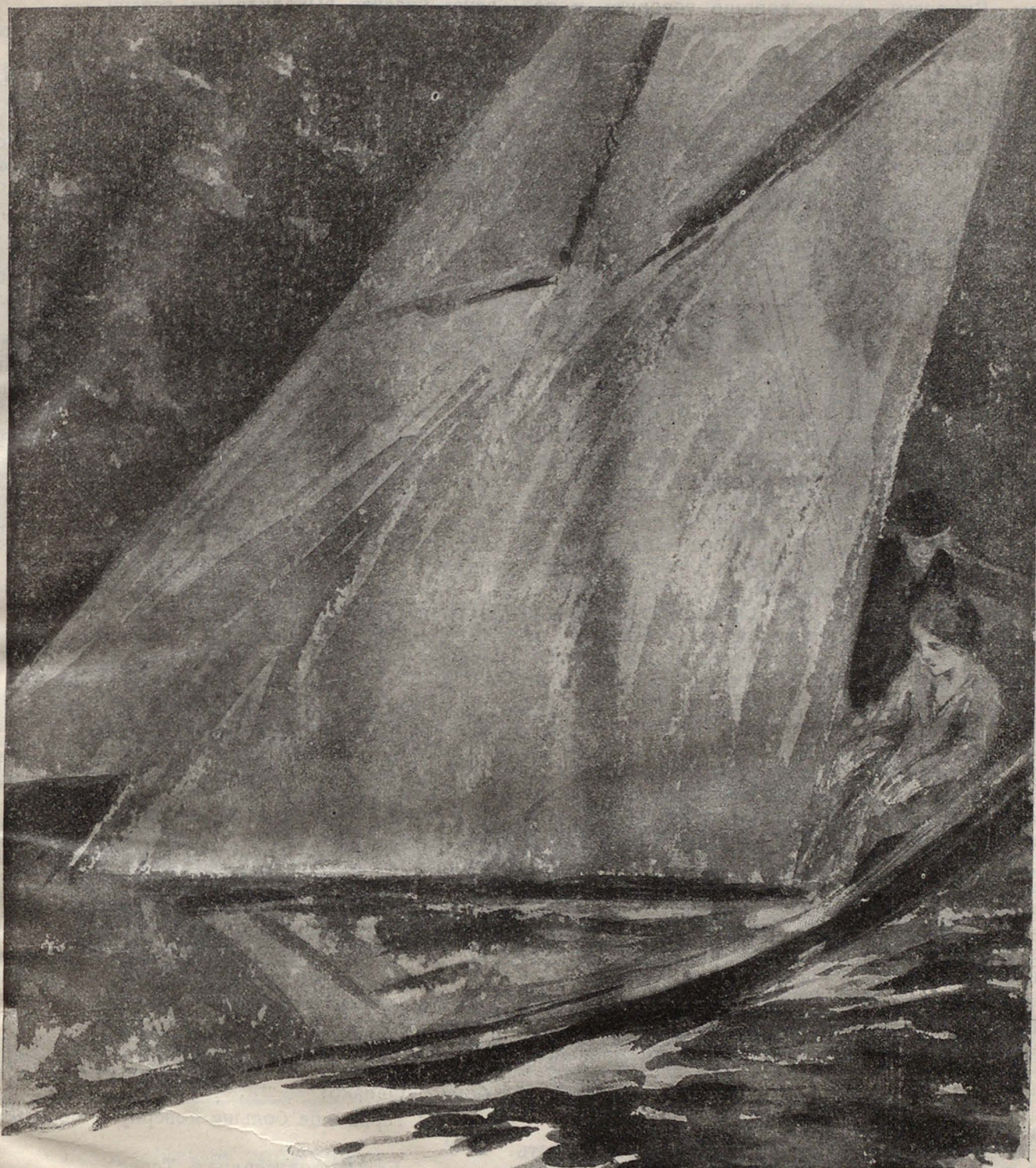
«Напьются и разболтаютъ еще что-нибудь», не безъ тайнаго страха, думалъ Калина, рѣшивъ при ближайшей возможности ускользнуть отъ этой компаніи.

Но Спрингъ и въ самомъ дѣлѣ былъ молодчина. Онъ умѣлъ выпить и не потерять головы, и изъ cadaго пьянаго слова своего собутыльника извлечь хоть какую-нибудь пользу. А такъ какъ его репортерскій нюхъ тянулъ именно почему-то въ одесскій яхтъ-клубъ, то онъ и прилипъ къ Нечипоренко съ клейкостью опытнаго интервьюера.

Маленькій Краббъ сосалъ, какъ губка, тоже не боясь охмѣлѣть: стоило ему только выпить рюмку виски, или даже понюхать пробку отъ нея, и всякій хмѣль снимало съ него, какъ рукой. Не понимая ни слова по-русски, онъ тѣмъ не менѣе весело разговаривалъ съ яхтъ-клубистомъ на

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35 и 36.

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунки Н. Н. Герардова.

Когда „Нирвана“ миновала маякъ, изъ каюты на палубу вышла молодая женщина и сѣла въ гокъ-шитъ...

какомъ-то «воляпюкъ», состоявшемъ изъ жестовъ и восклицаній.

Не прошло и часу, какъ новые знакомые были уже друзьями. Развеселился даже и Калина, онъ же и Максъ Флей. Цѣлая батарея бутылокъ стояла на ихъ столикѣ. Краббъ составлялъ разные коблеры, флиппы, флоппы и другіе американскіе головокружительные напитки. Нечипоренко, дойдя до извѣстнаго градуса, надолго уже застрѣвалъ на немъ, т. е. пилъ, былъ пьянъ, но полнаго сознанія не терялъ.

Изъ его болтовни Спрингъ узналъ, что у Нечипоренко есть собственная яхта, и называется

она «Иванъ Ивановичъ»; что вчера вечеромъ къ нимъ въ клубъ пришла изъ-за границы великолѣпная яхта «Nirvana», подъ командой какого-то не то шведа, не то финляндца; что матросы на этой яхтѣ—двое финновъ и одинъ русскій, ихъ же бывший клубскій матросъ, Тимошка, человѣкъ, вообще, загадочный, и едва-ли не дезертиръ. Что командиръ «Nirvan'ы» Эдвинъ Терве, высокій, стройный, бѣлокурый, съ прекрасными, хотя и холодными, голубыми глазами, отлично говорить

по-русски, только съ легкимъ, мягкимъ акцентомъ. Впрочемъ, также хорошо говоритъ и по-английски, и по-шведски, и, кажется, на всѣхъ языкахъ.

При этихъ рассказахъ репортерская душа Спринга трепетала отъ какого-то радостнаго предчувствія, и онъ все нѣжнѣе и нѣжнѣе прилипалъ къ пьяному яхтъ-клубисту.

Въ ресторанѣ просидѣли часовъ до шести. Потомъ отправились купаться, причемъ къ немалому посрамленію медицины, никого изъ нихъ не хлопнуль параличъ. Затѣмъ, Нечипоренко пригласилъ своихъ новыхъ друзей къ себѣ въ клубъ, обѣщая покатасть ихъ на своемъ «Иванѣ Ивановичѣ».

ГЛАВА V.

ЧЕЛОВѢКЪ ЗА БОРТОМЪ.

Въ клубъ они попали какъ разъ во время: только что былъ спущенъ флагъ и яхты снаряжались на обычную вечернюю прогулку, всѣ, кромѣ одной «Nirvan'ы», теперь одиноко стоявшей во дворикѣ, вызывая восхищеніе, удивленіе, и даже зависть у истинныхъ спортсменовъ своими чудными, стройными линиями, своей благородной окраской, своей безукоризненной чистотой палубы. На «Nirvan'ѣ» было пусто. Только одинъ матросъ-финнъ сидѣлъ на бакѣ и меланхолично покуривалъ трубочку-носогрѣйку.

Спрингъ такъ и впился глазами въ эту яхту. Здѣсь, почему-то казалось ему, онъ долженъ былъ найти разгадку страшной тайны, пригнавшей его изъ С.-Франциско въ Одессу.

Но яхта была тиха, молчалива и ревниво берегла въ своихъ нѣдрахъ эту роковую загадку.

А «Иванъ Ивановичъ» былъ уже готовъ и Нечипоренко радушно приглашалъ своихъ новыхъ друзей покатасться.

Нечего было дѣлать, и Спрингъ, скрѣпя сердце, спустился на смѣшное, неуклюжее судно пьяненькаго Штопоренки.

— Сегодня въ ночь будетъ туманъ!—сказалъ командоръ Бодряго, всматриваясь своими зоркими глазами куда-то вдаль.

— Да, Матвѣй Ивановичъ! Сегодня ночью будетъ туманъ, — подтвердилъ точный въ каждомъ своемъ словѣ Стопманъ, оставшійся на берегу, чтобы составить командору партію въ шахматы.

— А къ утру надо ожидать здороваго штормяги!—продолжалъ командоръ.

— Да, Матвѣй Ивановичъ, надо ожидать шторма, такъ какъ уже получены предостереженія, и я предупредилъ нашихъ членовъ, чтобы они не задерживались надолго въ морѣ,—сообщилъ Стопманъ.

— Ну, а теперь сыграемъ-ка партійку! — предложилъ командоръ, и они присѣли къ столу на верандѣ каютъ-кампаніи.

Но не успѣли они взяться за шахматы, какъ подошелъ боцманъ Овчаренко и доложилъ, что чужая яхта поднимаетъ паруса.

— Адольфъ Карловичъ! Предупредите ихъ о погодѣ!—сказалъ Бодряго.

И Стопманъ, выйдя на моль, громко и отчетливо крикнулъ:

— На «Нирванѣ»!

— Есть!—отозвался оттуда звонкій голосъ.

— Предупреждаю! Въ ночь будетъ туманъ, а къ утру очень свѣжій вѣтеръ!

Слегка склонившись на правый бортъ, «Нирвана» красиво выходила изъ гавани.

— Экая яхта красавица! — сказалъ командоръ Бодряго, глядя ей вслѣдъ съ веранды.

— А загадочное тутъ есть что-то! — тихо проговорилъ Стопманъ.

Матвѣй Ивановичъ всполошился.

— Загадочное, говорите вы?—спросилъ онъ.

— Да! И съ нашей стороны сдѣлано не мало упущеній!—продолжалъ Стопманъ. — Ни документовъ мы, какъ слѣдуетъ, не просмотрѣли, ни шканечный журналъ...

— Да вѣдь паспорта-то въ порядкѣ!

— Ахъ, что-жъ паспорта, Матвѣй Ивановичъ! Вотъ я сейчасъ на яхтѣ женщину видѣлъ...

— Женщину? Откуда же она взялась?

— А кто ее знаетъ? Можетъ быть, на шлюпкѣ съ берега прямо. Черезъ клубъ не проходила.

Матвѣй Ивановичъ на минутку задумался, потомъ вздохнулъ и сказалъ:

— Никто, какъ Богъ!—пошелъ сразу двумя пѣшками.

Когда «Нирвана» миновала маякъ, изъ каюты на палубу вышла молодая женщина и сѣла въ гюкь-китъ. Это была Эвелина Дѣконоръ, высокая, статная шатенка, съ прекрасными, хотя и строгими чертами лица.

— Ты слышала?—спросилъ ее Терве.—Туманъ и вѣтеръ. Это гарантируетъ насъ отъ всякихъ соглядатаевъ,—сказалъ онъ.

— Да, но съ другой стороны, мы можемъ такимъ образомъ разминуться.

— О, нѣтъ! Тимофей отлично знаетъ курсъ, и мы будемъ какъ разъ на мѣстѣ!.. Что это за чудовище ползетъ передъ нами? — перебилъ онъ себя.—Яхта не яхта, каракатица какая-то! И прямо на дорогѣ... Тимофей!—крикнулъ онъ.

— Есть!—отозвался матросъ съ бака.

— Это что такое?

— Это яхта-съ «Иванъ Ивановичъ», господинъ Нечипоренко. Дрянъ суденышко!

— Яхтъ-клубская?

— Такъ точно.

Терве быстро положилъ руль направо, и «Нирвана» сильно взяла въ сторону къ Дофиновкѣ. Съ «Ивана Ивановича» раздавались пьяные голоса и пѣніе.

— Что они поютъ?—прислушался Терве.—«Янки дудль», и съ чисто американскимъ пошибомъ?! Однако!

И Терве еще больше повернулъ носъ къ берегу.

— Есть!—подтвердилъ Терве.

Стопману показалось, что за развернувшимся гротомъ мелькнула женская фигура.

«Откуда бы это?»—подумалъ онъ и пошелъ къ каютъ-кампаніи.

«Туманъ и вѣтеръ», — повторялъ про себя Терве. «Это-то мнѣ какъ разъ и на руку!»—и сѣлъ на руль.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: „Въ Россіи“ : глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немирович-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
слѣсловіемъ Вас. Ре-
гинина.

В. А. Тихоновъ

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показываетъ оставшіюся у него „дубликатъ“ брилліанта, но при-
маетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтъ распоряженіе своему вѣстному Федору ста-
вить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.В., на которомъ ухлѣлъ изъ притона вѣсть съ укравшимъ брилліантомъ.

Воромъ оказалось нѣкое Перси. Въ тѣмномъ полувѣхъ негрятячки Салли онъ по-крашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негровъ
къ своей матери, и вливаетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣни.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье.
Безумная дочь банкира Гама, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ ладонь
только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ
королей, князей и рыцарей... Во время рассказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ извинить его отъ мучи-
тельной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брил-
ліантъ (который вѣздаль въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора.
Но, онъ (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ
крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгусева брилліантъ, а въ послѣднемъ
три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ о-
крытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства.
Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли.
Утромъ, заѣхавъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная вѣрны убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы
былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью
арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кѣблестъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационныя разоблаченія
прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кѣблестъ, якобы заѣхавъ въ Россію (передается его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“),
тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валивъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ.
Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклами ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ
заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, слѣдую-
ній имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Неври долго рассказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ
князя Енгусева. Цифры 172, по убѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Йотъ.

Во время его рассказа къ инспектору является м-г Кѣблестъ и докладываетъ, что негрятячка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію
м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и предоста-
ляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стѣпаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“
и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба...
Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негрятячкой и миссъ Э-
лина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просмотрѣлъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантюры кн. Енгусева и баронессы Марин и далъ клятву поймать
авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подѣ чужими име-
нами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, — и уходитъ къ миссъ Эвелинъ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, прѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ задержаннаго репортера
Спринга, выслѣживающаго кн. Енгусева по порученію своей газеты,—и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной вы-
пивки, новые знакомые идутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Nirvanu“. Эдвинъ Терве.

ГЛАВА V.

ЧЕЛОВѢКЪ ЗА БОРТОМЪ.

— Налѣво буруны!—крикнулъ съ бака Ти-
мошка.

На «Иванъ Ивановичъ» замѣтили «Нирвану»
и Спрингъ бросился къ сидѣвшему на рулѣ Нечи-
порекѣ.

— Слѣдомъ! Слѣдомъ за этой яхтой! Ради
Бога, слѣдомъ!—взмолился онъ.

Нечипоренко что-то пробурчалъ, и тоже по-
ложилъ руль направо.

— Напересѣкъ надо взять!—посоветовалъ
сидѣвшій на кливеръ-шкотѣ матросъ. — Ей все
равно сейчасъ галсъ мѣнять! Тамъ не пройдетъ!

И «Иванъ Ивановичъ» пошелъ напересѣкъ
«Нирванѣ».

Замѣтили «Нирвану» и съ другихъ яхтъ, и
удивившись, почему она взяла такой странный
курсъ, повернули къ ней, чтобы предупредить о
бурунахъ.

Терве, увидѣвъ это, проворчалъ какое-
то проклятіе.

— Здѣсь не пройдемъ?—спросилъ онъ Ти-
мошку.

— Темно! Нельзя!—отвѣтилъ тотъ.

И Терве скомандовалъ къ повороту на пра-
вый галсъ.

«Иванъ Ивановичъ» перѣ прямо на не-
справа. Впереди пересѣкала дорогу «Нирванѣ»—
«Джилда», съ барономъ фонъ-Клаусомъ на рулѣ.
Еще дальше шелъ лихой «Секретъ» въ рукахъ
Филипповича.

Терве молча сидѣлъ на рулѣ, соображая,
какъ ему проскользнуть между этими судами.

— Вѣтру мало для «Нирваны», вѣтру!—тихо
проговорилъ онъ.

И вдругъ вѣтеръ, словно подслушавъ его
призывъ, налетѣлъ порывомъ. «Нирвана» совсѣмъ
легла на правый бортъ, подѣ носомъ ея зашипѣла
и запѣнилась волна, и огни «Ивана Ивановича»

Из коллективному фантастическому роману «Синяго Журнала». Рисунки Н. Н. Герардова.

— Здѣсь,—сказалъ Тимошка, указывая мѣсто на развернутой передъ нимъ картѣ.

сразу остались позади. Но теперь уже «Джилда» шла рядомъ.

— Allo! На «Нирванѣ»! — крикнулъ баронъ фонъ-Клаусъ.

— Allo!—отозвался Терве.

— Вы держитесь слишкомъ близко къ берегу! Тутъ камни!—крикнули съ «Джилды».

— Merci!—поблагодарилъ Терве и потянулъ еще грота-шкоть.

«Нирвана» прибавила ходу и баронъ фонъ-Клаусъ, къ огорченію своему, долженъ былъ замѣтить, какъ сильно отставала его бѣлая «Джилда» отъ этой черной красавицы.

«Секретъ» обрѣзалъ носъ «Нирванѣ» и выравнился съ ней съ лѣваго борта.

— Allo! Впередь!—крикнулъ Филипповичъ.

— Впередь!—отозвался Терве и осмотрѣлъ прекрасный рангоутъ своего соперника.

Паруса «Нирваны», несмотря на сравнитель-

но слабый вѣтеръ, были полны имъ и несли ее съ удивительной быстротой. Филипповичъ напрягалъ всю свою ловкость, все свое умѣніе, но и непобѣдимый въ клубѣ «Секретъ» сталъ отставать отъ «Нирваны».

— Нѣтъ, съ этимъ чортомъ не потягаешься! —сдался Филипповичъ, и повернулъ свою яхту обратно вслѣдъ за повернувшей уже раньше «Джилдой».

Навстрѣчу ему пѣръ пузатый «Иванъ Ивановичъ», и съ него неслись пьяныя пѣсни.

— Штопоренко! Ты куда?—крикнулъ Филипповичъ.

— А вотъ въ догонку за этимъ чортомъ!—отозвался Штопоренко.

Филипповичъ только расхохотался.

— Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней!—разсмѣялись на «Секретѣ».

Еще полчаса и «Нирвана» шла совершенно одна въ сгущавшемся сумракѣ ночи. Только далеко сзади мелькали огни пьянаго Штопоренки.

— Ну!—сказалъ Эдвинъ Терве,—мы теперь внѣ всякаго наблюденія.

Эвелина положила ему руку на плечо и нѣжно посмотрѣла своими карими очами въ его голубые, выразительные глаза.

— Ты не усталъ, Матти?—тихо спросила она по-англійски.

— Что за вопросъ? Ты знаешь, что отдыхъ ждетъ меня только въ могилѣ, а потому мнѣ устать нельзя.

— Милый мой! Свѣтлый мой!—нѣжно проговорила молодая женщина, спуская къ нему голову на грудь.—Прежде, чѣмъ мы не достигнемъ нашей цѣли, мы не будемъ отдыхать. Не правда-ли?

— Да, да, Эвелина! Я не понимаю даже, почему ты такъ настойчиво поднимаешь этотъ вопросъ?—глядя ея волосы, сказалъ Эдвинъ.

— Но твоя мать...

— Мама—женщина, да и при томъ пожилая. Она много пережила и перестрадала: смерть отца, такъ трагически погибшаго во имя нашего дѣла; вѣчныя опасности, преслѣдующія меня—утомили ее. Но мы съ тобой, Эвелина, бодры и молоды, и насъ призываетъ къ себѣ великое дѣло. Сегодня въ ночь мы должны встрѣтить здѣсь этого страшнаго человѣка. Да! Я повторяю, страшнаго, потому что трудно себѣ представить что-нибудь болѣе страшное, чѣмъ «темный Укко».

— Его фамилія Гротгусъ, не правда-ли?

— Да, но объ этомъ никто не долженъ знать, кромѣ избранныхъ.

— Это онъ убилъ Марію?

— Онъ.

— А зачѣмъ же такая жестокость? Зачѣмъ онъ вставилъ ей въ глазъ этотъ брилліантъ?

— То, что для насъ жестокость, для него только сигналъ. Этимъ онъ далъ знать всѣмъ посвященнымъ, что настоящий камень теперь у него въ рукахъ, а въ глазу Маріи—только поддѣлка. И этимъ сигналомъ онъ предупредилъ насъ объ опасности, и какъ бы отдалъ приказъ немедленно всѣмъ намъ уѣхать изъ Америки. Конечно, если бы онъ успѣлъ убить Енгушева, дѣло бы приняло совсѣмъ иной оборотъ. Но нашъ злѣйшій врагъ живъ; Марія слишкомъ много открыла ему и за это заплатила жизнью. Енгушевъ слишкомъ много знаетъ и потому долженъ умереть. Но онъ еще живъ, онъ почти недостижимъ для насъ, но «темный Укко» тоже еще живъ, и потому—дни Енгушева сочтены. Есть основаніе думать, что Енгушевъ вслѣдъ за нами явится въ Россію и, вѣроятно, въ Одессу...

— Но онъ въ тюрьмѣ!

— Эта тюрьма для него только охрана, и она откроется тотчасъ же, какъ только онъ пожелаетъ этого. И онъ явится сюда. Но тогда и Укко будетъ здѣсь, и берегитесь, господинъ Енгушевъ—Козельскій!.. Измѣнникъ! Предатель! Иуда!

— А ты любилъ ее?—тихо, и какъ будто съ трудомъ, выговорила Эвелина.

— Марію? Да, любилъ, — твердо отвѣтилъ Эдвинъ.—Любилъ страстно, беззавѣтно и безумно. Да, безумно, потому что ввелъ ее туда, куда ей, слабой женщинѣ, рабынѣ страстей, не должно было быть доступа. И за эту любовь я едва заплатилъ своей головой, но что еще важнѣе крушеніемъ всего нашего дѣла.

Несмотря на темноту, можно было замѣтить, какъ разгорались глаза Эвелины, какъ судорожно вытягивались ея прекрасныя губы, какъ сплелись и хрустнули ея маленькія, но сильныя руки.

— Какъ хорошо, что она умерла!—тихо твердо проговорила молодая женщина.

Терве вздрогнулъ и внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Да, хорошо!—повторила Эвелина.—Потому что она стояла между мной и тобой; между нами и дѣломъ.

Вѣтеръ, сорвавшійся было нѣсколькими порывами, вдругъ какъ-то сразу утихъ. Паруса безпомощно опустились. «Nirvana» замерла на мѣстѣ.

— Съ моря туманъ!—проговорилъ подошедшій съ бака Тимошка.

— Гдѣ мы?—спросилъ его Терве.

— Позвольте карту, я покажу!

Терве и Тимошка спустились въ каюту.

— Здѣсь,—сказалъ матросъ, указывая мѣсто на развернутой передъ нимъ картѣ.

— Намъ нужно пройти еще миль пять,—сказалъ Терве.—Ну, Тимофей! Ваша вахта кончилась! Теперь уже одиннадцать часовъ ночи. Можете идти спать. Разбудите Таалу и сдайте ей вахту. Да! Вотъ что! Не хотите-ли передъ сномъ выпить стаканчикъ добраго вина? Вы заработали свой отдыхъ.

— Не откажусь!—тряхнувъ головой, сказалъ Тимошка.

Терве прошелъ въ другое отдѣленіе каюты, досталъ изъ маленькаго буфета бутылку и изъ большой серебряный стаканчикъ. Наливъ вина, онъ ловкимъ движеніемъ всыпалъ въ него какое-то бѣлаго порошокъ и вышелъ къ Тимошкѣ. Матросъ крикнулъ и сразу опрокинулъ стаканчикъ себѣ въ ротъ. Затѣмъ обтеръ рукою губы, пожелавъ командиру покойной ночи, отправился къ себѣ на кубрикъ.

«Черезъ полчаса онъ будетъ спать сномъ праведника и не проснется ранѣе восьми часовъ утра»,—подумалъ про себя Терве, провожая глазами Тимошку.

Затѣмъ онъ вышелъ на палубу. На руль стоялъ дѣла Эвелина. Угрюмый Таалу, смѣнившій Тимошку, былъ уже на своемъ мѣстѣ на бакѣ. Яхта съ повиснувшими парусами, едва замѣтно покачивалась на зыби.

— Сампо!—крикнулъ Терве, наклоняясь надъ кубрикомъ.

Бѣлокурый Эрикъ Сампо поднялся на палубу.

— Намъ необходимо пройти еще пять миль. Аккумуляторы въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ,—отвѣтилъ Сампо.

— Тогда моторъ въ ходъ!

— Есть!—отозвался Сампо и спустился въ кормовой трюмъ.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Глава V—Человѣкъ за бортомъ; глава VI—Тайна Нирваны; глава VII—Иванъ Ивановичъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ „Синяго Журнала“ продолженіе коллективнаго романа И. Н. ПОТАПЕНКО.

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(Т Р И Б У К В Ы)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гиѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ послѣдствіемъ Вас. Регинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гиѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихонова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для угоженія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маринъ, кн. показываетъ оставшійся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣгаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣлаетъ распоряженіе своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1232.323. Б.Б.Б., на которомъ уѣхалъ изъ притона вонъ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Вотомъ о.азалъ нѣкто Перси. Въ т.мномъ полвѣлѣ негрятяки Салли онъ перекрашивается въ чернѣйшій цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и вынуждаетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаши, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственной надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣздаль въ полость сапога) съ собой. Художникъ лавитъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора.

Не си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войнъ и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маринъ, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблестъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Ruckell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблестъ яко-бы зашелъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandaloutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неудовная.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Дотъ-Стритъ, толпами валитъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальныя „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не рѣшила ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по уверенью ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблестъ и докладываетъ, что негрятяка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стѣпаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученѣе, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, шѣбхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негрятякой и миссъ Эвелина Декоронъ. Оставшіеся одинъ, Терве просмотрѣлъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантюръ кн. Енгусева и баронессы Маринъ и далъ клятву поймать авантюристу... Ночью онъ встрѣчается въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подѣ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, — и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафе бульвара художники Краббъ и Калина, прѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ заграничнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгусева по порученію своей газеты,—и все трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые бѣгутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ употребляютъ „Nirvanu“. Эдвинъ Терве пытается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве възбѣгаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“.

ГЛАВА V.

ЧЕЛОВѢКЪ ЗА БОРТОМЪ.

Черезъ нѣсколько минутъ подѣ кормой «Нирваны» едва слышно заработалъ винтъ и яхта плавно двинулась впередъ.

Эдвинъ Терве сѣлъ опять на свое мѣсто у руля.

— Какой туманъ!—сказала Эвелина.

— Да, но на этотъ разъ онъ намъ на руку.

И молодые люди замолчали, вглядываясь въ даль моря. Прошло съ полчаса.

— Жечь фальшфейера!—скомандовалъ Терве, взглянувъ на свѣтящійся циферблатъ своихъ карманныхъ часовъ.—И черезъ каждые пять минутъ по ракеткѣ!

— Есть!—отозвался Таалу съ бака.

— Это сигналъ ему?—спросила Эвелина.

— Да, Эвелина! Это сигналъ «Темному Укко».

— Онъ здѣсь?

— Да, по всѣмъ расчетамъ, онъ долженъ быть уже близко.

Носъ яхты освѣтился зеленымъ бенгальскимъ огнемъ, а черезъ минуту маленькая ракетка, съ легкимъ шипѣніемъ взвилась на воздухъ.

— Какой туманъ!—повторила Эвелина.—Неужели мы не разминемся въ этой тѣмѣ?

— Если Богъ за наше дѣло, то...

Вторая ракетка взвилась въ воздухъ. Терве оборвалъ фразу и сталъ прислушиваться. Гдѣ-то далеко-далеко завывала сирена, а вслѣдъ за нею загудѣлъ свистокъ парохода.

— Вотъ онъ!—сказалъ Терве.

— Кто?

— «Абсалонъ», пароходъ, на которомъ идетъ Укко.

— Онъ ѣдетъ пассажиромъ?

— Нѣтъ, какъ матросъ, но на пароходѣ его

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 39.

никто не знаетъ. Здѣсь онъ долженъ пересѣсть къ намъ. Онъ бросится въ воду и мы примемъ его.

Сирена выла все ближе и ближе. Терве нажалъ кнопку—винтъ сразу пересталъ работать, но яхта шла еще нѣсколько времени впередъ силой своей пловучести. Потомъ колыхнулась и почти замерла на мѣстѣ.

На носу опять взвилась ракетка. Терве всталъ и прошелъ на бакъ.

— Довольно!—сказалъ онъ Таалу, готовившемуся зажечь новый фальшфейеръ.—Приготовься самъ.

— Я готовъ,—отвѣтилъ Таалу, сбрасывая съ себя матросскую куртку.

Эрикъ Сампо поднялся наверхъ.

— Какія приказанія?—спросилъ онъ.

— Будь у мотора. Если я дамъ сигналъ — пускать самый сильный ходъ.

— Есть!—отозвался Сампо и спустился обратно внизъ.

Сирена гудѣла совсѣмъ ужъ близко. Звонилъ колоколъ. Звуки его мягко плыли сквозь густой туманъ. Какое-то неясное шипѣніе и тихій шумъ слышался впереди.

— Вотъ!—сказалъ Таалу, указывая рукой на громадную черную массу, обрисовавшуюся сквозь туманъ.

Терве вынулъ изъ кармана маленький серебряный рожокъ, и три звонкихъ мелодичныхъ ноты прорѣзали воздухъ. И почти вслѣдъ за этимъ,

на пароходѣ, бывшемъ уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ яхты, раздался громкій крикъ:

— Человѣкъ за бортомъ!

И въ то же мгновеніе полуобнаженный Таалу, какъ змѣя скользнулъ съ яхты въ воду.

— Человѣкъ за бортомъ!—повторилъ вахтенный матросъ на ютѣ парохода.

На капитанскомъ мостикѣ слышалось какое-то ворчанье, потомъ явственно донеслись англійскія слова:

— Туда ему и дорога!

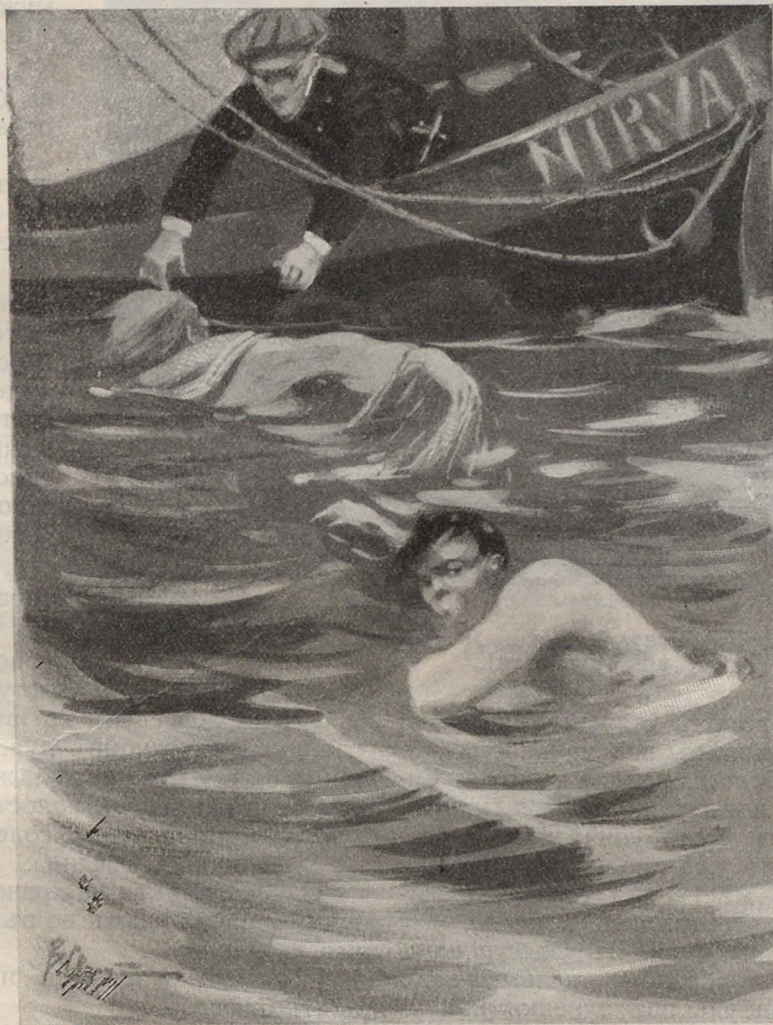
И темный массивъ «Абсалона» проплылъ мимо яхты.

— На яхтѣ—крикнулъ съ мостика капитанскій голосъ.—Тутъ одинъ дуракъ вывалился! Подберите его! Мнѣ некогда останав...

Окончаніе его словъ заглушилъ густой ревъ пароводного гудка. Потомъ послышался звонъ колокола на удалявшемся «Абсалонѣ» — и все стихло.

Терве, стоя на борту «Нирваны», прислушивался чуткимъ ухомъ. Глаза его напряженно смотрѣли въ туманъ. Лицо какъ бы окаменѣло. Но вотъ донеслось тихое всплескиваніе, все ближе и ближе, лицо Терве просіяло, онъ опустил на колѣни и протянулъ обѣ руки впередъ: два человека подплывали къ яхтѣ.

Рисунокъ В. С. Свѣдого.

Терве опустил на колѣни и протянулъ обѣ руки впередъ: два человека подплывали къ яхтѣ...

Ловкимъ движеніемъ подхватилъ перваго Терве подъ мышки, и при помощи подплывшаго Таалу, вытянулъ на палубу. Таалу вслѣдъ за нимъ вскарабкался самъ.

«Темный Укко», вытащенный изъ моря, нѣкоторое время молча и неподвижно сидѣлъ на подставленной ему «банкѣ». Вода струилась съ него цѣлымъ потокомъ. Сѣдые волосы слиплись на темномъ лицѣ. Эвелина, поднявшись изъ гокъ-пита, подошла къ нему. Эрикъ Сампо вылезъ изъ трюма и присоединился къ ихъ группѣ. И всѣ они молча смотрѣли на сидѣвшаго старика.

Потомъ «Темный Укко» началъ кашлять и выплевывать проглоченную имъ воду за бортъ. Затѣмъ, откашлявшись и отплевавшись, поднялся на ноги и, вытянувъ руку къ небу, тихо, но внушительно проговорилъ:

— «Все проходить».

Всѣ почтительно склонили голову.

— Аминь!—подтвердилъ Эдвинъ Терве.

ГЛАВА VI.

ТАЙНА «НИРВАНЫ».

Черезъ часъ, въ каютѣ «Нирваны» засѣдалъ великій совѣтъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ Эдвинъ Терве; справа отъ него, переодѣтый въ сухое платье, Темный Укко; слѣва—Эвелина Дѣконоръ, а напротивъ—Эрикъ Сампо. Мартинъ Таалу стоялъ на вахтѣ, а Тимошка спалъ въ кубрикѣ сномъ праведника. Среди стола, на маленькой черной бархатной подстилкѣ, лежалъ, перебиваясь всѣми цвѣтами радуги и ослѣпительно сверкая—бриллиантъ-талисманъ.

Изъ устъ В. С. Сварога

— Вотъ онъ!—говорилъ старый Укко.—Я нашель его, преодолевъ всѣ трудности!..

— Вотъ онъ!—говорилъ старый Укко.— Я нашель-таки его, преодолевъ всѣ трудности. Но часть твоихъ бумагъ, Матти, попала въ руки Енгусева, а стало быть и въ руки правительственной полиции. Я хотѣлъ было уничтожить и самага Енгусева, но было уже поздно: его укрыли въ самомъ надежномъ мѣстѣ для такихъ предателей, т. е. въ тюрьмѣ. Теперь онъ, конечно, уже на свободѣ и гонится за нами. Въ Одессу намъ возвращаться никоимъ образомъ нельзя: надо укрыться въ какомъ-нибудь изъ турецкихъ портовъ—въ Трапезундѣ, наприимѣръ. А ужъ если въ русскомъ, то въ Батумѣ. Достаточно-ли запасовъ на «Нирванѣ»?

— Все есть!—отвѣтилъ Терве.—Аккумуляторы заряжены и электрический опрѣснитель дастъ намъ достаточно воды. Провизии—въ избыткѣ. Но въ Одессѣ осталась моя мать.

— Матти!—строго сказалъ «Темный Укко»,— наша мать—наше дѣло! Ему мы служимъ, ему мы принадлежимъ безраздѣльно. Изъ сколькихъ членовъ состоитъ теперь наше братство?

— Изъ посвященныхъ первой степени—одинадцать; братьевъ-мастеровъ-работниковъ — тысячу четыреста шестьдесятъ два; вольныхъ каменщиковъ, приблизительно, мы можемъ считать около пятнадцати—шестнадцати тысячъ, считая по десяти на каждого мастера; сочувствующихъ намъ надо считать милліонами. Они есть вездѣ: и въ Европѣ, и въ Азій, и въ Америкѣ, и въ Австраліи, и въ Африкѣ. Всѣ, кого давитъ гнетъ страшнаго милитаризма; всѣ, кому живется тяжело подъ зо-

лотой пятой капитала; всѣ, кто угнетенъ грубой силой — всѣ будутъ съ нами, когда настанетъ великій день слиянія въ единое стадо съ единымъ пастыремъ, на небѣ.

— Мы раскуемъ мечи на орала, — сказалъ «Темный Укко».

— Мы поставимъ на одну ступень женщину и мужчину, — продолжалъ Эвелина.

— Мы сравниваемъ правящихъ бѣдныхъ и богатыхъ, — отозвался Сампо.

— Амины! — заключилъ Терве.

И затѣмъ, поднявшись, сказалъ:

— Я принимаю этотъ камень изъ твоихъ рукъ, Укко Гротгусъ, какъ знакъ гроссмейстерства нашего ордена. Я вѣрю его въ святое храненіе русской женщины Екатерины Изоргиной, до сихъ поръ извѣстной вамъ, какъ Эвелина Дѣконоръ.

— Опять женщины!—сорвалось у Эрика Сампо.

— Эрикъ!—грозно заговорилъ Терве,—не ты-ли вступивъ въ наше братство

и будучи возведенъ во вторую ступень, клялся, что даже въ глубинѣ души твоей не будетъ разницы между мужчиной и женщиной? И вдругъ ты теперь поднимаешь голосъ.

Сампо опустилъ голову.

Поднялась Эвелина.

— Принимая на храненіе эту святыню, я клянусь, что не отдамъ ее въ чужія руки даже мертвая.

— Также клялась и Марія, — проворчалъ опять Сампо.

— Потому я отдаю нашъ талисманъ Эвелинѣ,—началъ Терве,—чтобы какъ-нибудь въ минуту страсти, въ минуту малодушія не довѣрить его какимъ-нибудь нечистымъ рукамъ—какъ—увы!—сдѣлалъ уже это однажды. Эта крѣпость, — продолжалъ онъ, указывая на Эвелину, — надежда моего сердца.

— Дельфины!—раздался голосъ вахтеннаго. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и вышли на палубу.

Вл. Тихоновъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе В. Тихонова. Глава VII—Иванъ Ивановичъ
Продолженіе И. П. Потапенко. Глава VIII—Нежданный братъ и новая опасность. Глава IX—Уми-
рающій дьяволъ. Глава X—Страшная исповѣдь.

И. Н. Потапенко.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Сънеобходимымъ по-
сѣлствомъ Вас. Ре-
гинина.

В. А. Тихоновъ.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова и В. А. Тихнова.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Марин, кн. показываетъ оставшійся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и дѣтъ распоряженіе своему вѣстному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.В. на которомъ уѣхалъ изъ пригона вонъ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Всегомъ оказалось нѣско Перси. Въ тѣмномъ подвалѣ негритянки Салли онъ не окрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеземъ—негрѣмъ къ своей матери, и выискиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ укрываетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, дать ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гама, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственной надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣздаль въ подолу сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ сапожника камень...

Люди кн. Енгусева, сторжлившие проѣздъ Перси, печально убиваютъ Федора. Но си (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣсымленіе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣдствіи три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, гажій участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства. Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Марин, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная вѣрны убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортёръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ даетъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы (сынъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отмстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитѣйшій сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблесъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблесъ якобы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapantha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валитъ въ „Кровавую Мышеловку“, у которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальныя „богини“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортёръ Спрингъ наталкивается на мысль, не ѣдала ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мыслитъ къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Не ри и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Не ри долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантахъ князя Енгусева. Цифры 172, по уверенью ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заннъ, Лотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблесъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрчая приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Степаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На м-гъ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба...

Но одно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, — и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, не ѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просмотрѣлъ нѣсколько бумагъ, касающихся авантюръ кн. Енгусева и баронессы Марин и далъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и черную Салли. Мать проситъ сына кончить все маскарады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, — и уводитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафе бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаются заграничковаго репортёра Спринга, выслѣживающаго кн. Енгусева по порученію своей газеты, — и все трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Nirvanu“. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ встрѣчаетъ пароходъ съ „Темнымъ Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшій бриллиантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Те-ва, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгусеву и отдадутъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргинѣ.

ГЛАВА VI.

ТАЙНА „НИРВАНЫ“.

Свѣтало. Туманъ, казалось, рѣдѣлъ и поднимался кверху. Поверхность воды была уже чиста, и Мартинъ Таалу, показывая рукой на море, повторилъ нѣсколько разъ:

— Дельфины! Дельфины!

Дѣйствительно, хребты цѣлой стаи дельфиновъ, быстро шедшихъ на нордъ-ость, виднѣлись надъ водой.

— Надо ждать очень свѣжаго вѣтра, потому что нордъ-ость въ этомъ морѣ бываетъ жестоко, — сказалъ Терве и затѣмъ, громко скомандовалъ: — взять все рифы, готовиться къ шторму!

А затѣмъ, повернувшись къ «Темному Укко», спросилъ:

— А что ротмистръ Персинъ, подъ видомъ и документами котораго я такъ долго и удачно оперировалъ въ С.-Франциско?

— Онъ живетъ въ Мексикѣ, въ С.-Хуаресѣ. За нимъ былъ до сихъ поръ строгій надзоръ. Но теперь, когда въ этомъ надобность миновала, его или убьютъ или отпустятъ на все четыре стороны.

— Зачѣмъ убивать? Онъ принесъ намъ зло, — сказала Эвелина.

— Потому что мы во время лишили его возможности приносить намъ зло, — отвѣтилъ ей Укко.

Подошелъ Сампо.

— Въ виду предстоящаго шторма, я думаю, намъ всемъ слѣдуетъ хорошенько закусить и выспаться, — предложилъ онъ. — Таалу побудетъ на вахтѣ, потомъ его смѣнитъ проспавшійся русскій.

Совѣтъ Сампо былъ одобренъ всеми, и плотно позавтракавъ, каждый занялъ свою койку. Но спать пришлось недолго...

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—40.

ГЛАВА VII.

«ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ».

Заревѣлъ нордъ-остъ и «Нирвана» на штормовыхъ парусахъ запрыгала, какъ горная козочка, по громаднымъ волнамъ. Терве былъ на руль; Укко и Эвелина, закутавшись въ непромокаемые плащи, сидѣли въ гокъ-питѣ; Сампо—на кливверъ-платокахъ; Таалу смѣнялъ проспавшагося и освѣженного долгимъ сномъ Тимошку.

Бурю любятъ только тѣ, да и то платонически, кто не переживалъ ее на морѣ, а любовался ею съ берега. На морѣ же, даже на самыхъ большихъ пароходахъ, буря не представляетъ изъ себя ничего привлекательнаго. «Нирвана» была прекраснымъ, но, строго говоря, маленькимъ суденышкомъ, и громадныя волны швыряли ее, какъ щепку, перебрасывались черезъ палубу, зарывали ее носъ, подавали корму.

— Ты держишь на зюдь-вестъ,—сказалъ «Темный Укко»,—и напрасно, потому что этотъ вѣтеръ непродолжителенъ; а мы теряемъ только время. Пройти черезъ Босфоръ намъ все равно не удастся. Держи лучше на зюдь-остъ, если не прямо на остъ.

Терве послушался совѣта и повернулъ яхту. Теперь она крутымъ бакштагомъ летѣла обратно.

Но встряски отъ этого усиливались, волна перекатывала черезъ палубу, и Эвелина ушла въ каюту.

Болѣе часу неслась такъ «Нирвана».

— Впереди бѣдствуетъ какое-то судно!—крикнулъ съ вахты Тимошка.

Терве сталъ всматриваться. Какое-то бѣлое пятнышко то появлялось на гребнѣ волнъ, то исчезало въ безднѣ. Терве, движимый чувствомъ человѣколюбія, повернулъ носъ къ бѣдствующему суденышку и какъ разъ во время: безумные крики о помощи неслись уже оттуда.

— Да это «Иванъ Ивановичъ»!—воскликнулъ Тимошка, когда они были ужъ близко отъ яхты Нечипоренки.

— Готовъ спасательные пояса! Бросай круги! Весла на тузикъ! Сампо—готовься!—распоряжался Эдвинъ.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ его угрюмо «Темный Укко».

— Спасая,—коротко отвѣтилъ Эдвинъ.

— Но что ты будешь дѣлать со спасенными?

— Не знаю,—еще короче отвѣтилъ командиръ яхты, всѣмъ тѣломъ наваливаясь на румпель.

Началась борьба человѣка со стихіей. Человѣкъ вырывалъ своего брата изъ ея разъяренной пасти и человѣкъ остался побѣдителемъ. Черезъ какихъ-нибудь полчаса на палубѣ «Нирваны» было, уже четыре новыхъ пассажира: Нечипоренко, Спрингъ, Краббъ и Калина.

Всѣ они были въ самомъ жалкомъ видѣ, не

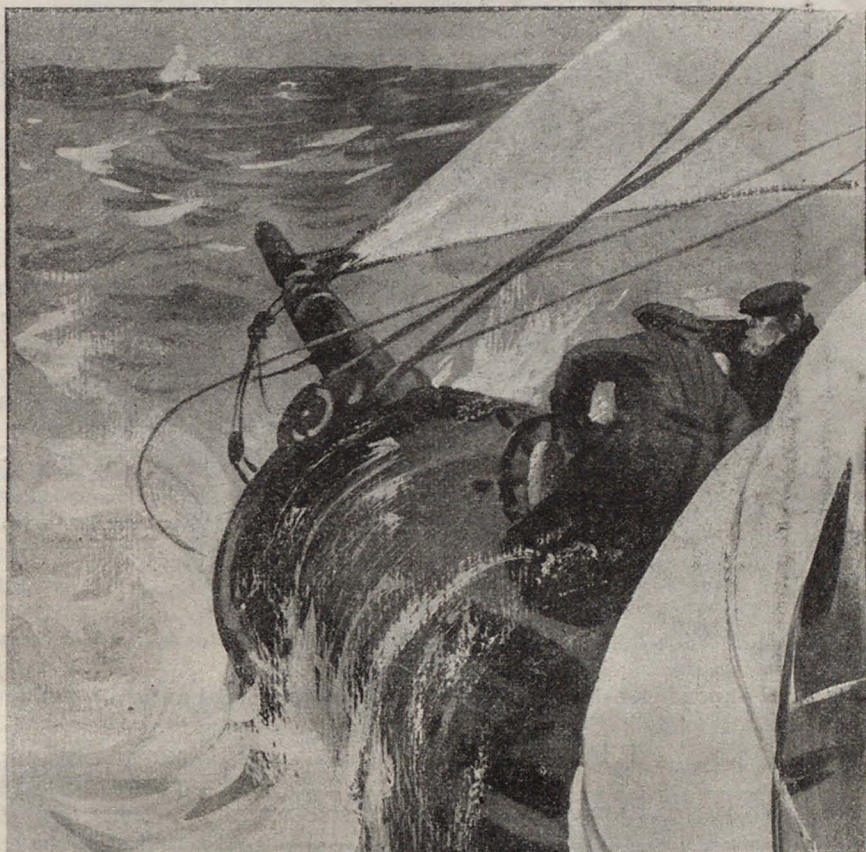
могли стоять на ногахъ и немилосердно отплеывали проглоченную ими соленую воду.

— А гдѣ же вашъ матросъ? Вѣдь, съ вами навѣрное былъ онъ?—спросилъ Терве.

— Его ужъ съ часъ назадъ, какъ смыло съ палубы!—отвѣтилъ вытрезвившійся и дрожащій Нечипоренко.

И вдругъ, взглянувъ на море, отчаянно махнулъ рукой:—прощай, мой милый «Иванъ Ивановичъ»!—крикнулъ онъ, видя, какъ его неуклюжее суденышко, хлебнувъ послѣдній разъ, пошло ко дну.—Одного жалко,—грустно добавилъ Нечипоренко,—коньякъ не успѣли допить! Три бутылки

Рис. В. Сварога.

Терве повернулъ носъ къ утопающему судну...

въ каютѣ еще нераскупоренными остались. Теперь ими дельфины облопаяются!

Спасеннымъ предложили спуститься въ кубрикъ, чтобъ тамъ переѣмнить свою мокрую одежду на сухое матросское платьѣ. А оттуда уже пройти въ каютъ-кампанію, чтобъ подкрѣпиться.

Терве долго всматривался въ черты спасенныхъ имъ людей, наконецъ, подойдя къ одному изъ нихъ, громко сказалъ:

— Калина!

— Ради Бога, тише!—испугался тотъ. Здѣсь, въ Россіи, я не Калина, а Максъ Флей!

— Здѣсь, на «Нирванѣ», вы можете быть, чѣмъ вамъ угодно!—улыбнулся Терве, помогая Калинѣ спуститься по трапу въ каюту.

— Что ты съ ними будешь дѣлать?—настойчиво повторилъ свой вопросъ «Темный Укко», когда никого изъ спасенныхъ не было уже на палубѣ.

— Не знаю,—отвѣтилъ Терве. — Но одинъ изъ нихъ, вотъ именно этотъ самый Калина, прекрасный человѣкъ, и—кто знаетъ, можетъ быть, будетъ намъ очень полезенъ. **Вл. Тихоновъ.**

Рис. В. Сварова.

— Стойте!—произнесъ Максъ Флей, онъ же Калина. Вы видите?

ГЛАВА VIII.

НЕОЖИДАННЫЙ БРАТЪ И НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

Потерявъ изъ виду «Нирвану», веселые мореплаватели довольно долго еще блуждали среди сгустивагося тумана. Старый «Иванъ Ивановичъ» крихтѣлъ отъ натуги; казалось, пронизанныя насквозь ночнымъ туманомъ его дряхлыя кости ныли отъ боли.

Но веселость ни на минуту не покидала случайно объединенныхъ новыхъ друзей. Только Спрингъ испытывалъ досаду, и отъ времени до времени уныло поглядывалъ въ туманное пространство, гдѣ скрылась неуловимая «Нирвана», а вмѣстѣ съ нею и тайна, такъ владѣвшая его истинно-репортерскимъ сердцемъ.

Новыя бутылки появлялись одна за другой, но осушалъ ихъ почти исключительно одинъ Нечипоренко. Онъ обладалъ какой-то дьявольской способностью, вливая въ свою утробу несмѣтную влагу, причемъ вслѣдъ за портеромъ туда отправлялось бургонское, а въ догонку ему слѣшили ликеры и коньякъ—оставаться, какъ казалось, на одной и тойже точкѣ опьяненія. Ему какъ бы былъ положенъ предѣлъ.

Маленькій Краббъ съ нескрываемой завистью смотрѣлъ на него и, будь у него свобода, онъ не пропустилъ бы случая помѣряться силами съ русскимъ пьяницей и установить американское первенство въ пьяномъ дѣлѣ. Но Максъ

Флей, онъ же Калина, всякій разъ, когда тотъ подносилъ стаканъ къ губамъ, толкалъ его въ бокъ, такимъ образомъ напоминая объ осторожности. Онъ страшно боялся, какъ бы невоздержный Краббъ, хвативъ черезъ мѣру, не выдалъ его. И Краббъ, самъ хорошо знавшій свою слабость, повиновался и ограничивался тѣмъ, что обмакивалъ губы въ напитокъ. При этомъ они говорили только по-англійски, а хозяинъ услаждалъ неимовѣрнымъ враньемъ о чудесахъ Америки на ломанномъ русскомъ языкѣ Спрингъ.

Но наконецъ и голова Михаила Никифоровича не выдержала, и онъ вдругъ, прервавъ свою рѣчь на полусловъ, свалился подъ столъ.

— Не беспокойтесь, ваши благородія, — сказалъ старшій матросъ, бережно подбирая его недвижимое тѣло и перенося его на скамейку. — Это у нихъ всегда такъ. Долго бодрятся, а потомъ вдругъ и замрутъ. А часика черезъ два очухаются, выкачаютъ залпомъ бутылку аглицкаго портеру, и какъ ни въ чемъ не бывало. Еще въ кафешантану съ иностранными дѣвицами ужинать поѣдутъ.

И какъ только яхтой сталъ руководить трезвый и опытный матросъ, она сейчасъ же, несмотря на туманъ, взяла вѣрный курсъ. Скоро показались береговые огни, а черезъ полчаса американцы ощутили подъ своими ногами булыжную мостовую и поторопились какъ можно скорѣе оставить предѣлы гавани, предоставивъ матросамъ приводить въ чувство Нечипоренко.

Шелъ уже двѣнадцатый часъ ночи, когда они подымались по ступенямъ колоссальной гранитной лѣстницы къ Приморскому бульвару. Тумана, тяжелой пеленой окутывавшаго море и нижнюю береговую часть города, здѣсь наверху не было и слѣдовъ.

Весело горѣли фонари. Толпа горожанъ въ свѣтлыхъ лѣтнихъ одеждахъ живой стѣной медленно двигалась по главной аллеѣ бульвара. Въ буфетѣ заливался небольшой оркестръ, всѣ столы были заняты. Публика ѣла мороженое и пила фруктовые воды и ликеры.

— Къ чорту ихъ, — сказалъ Калина, — надоѣла мнѣ толпа. Къ тому же, я въ этомъ тропическомъ костюмѣ порядочно-таки продрогъ на морѣ. Пойдемте по домамъ.

Товарищи согласились, и они вышли на Екатерининскую улицу, потомъ свернули направо и дошли до городского театра, неподалеку отъ Пале-Рояля. Здѣсь стояли гамъ и толкотня. Въ театрѣ кончился спектакль гастролировавшей московской труппы, былъ разѣздъ. Публика валила изъ всѣхъ дверей. Колеса экипажей гремѣли по гранитнымъ кубикамъ мостовой.

— Стойте, — вдругъ таинственно и негромко произнесъ по-англійски Максъ Флей, онъ же Калина, и, разставивъ обѣ руки, преградилъ ими дорогу своимъ спутникамъ. — Вы видите?

И. Потапенко.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №.

И. Н. Потапенко.

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гиѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
Съ необходимыми по-
слѣдствіемъ Вас. Ре-
гистрина.

?

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гиѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.Б., на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался нѣкто Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаши, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ ископи хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время рассказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ изъяснить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова бесслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣрзаясь въ подошву сапога) съ собою. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ откритіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе воинъ и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, заѣхавъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгушева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-гъ Кёблессъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появляются въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, нанденный въ глазъ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, слѣданный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго рассказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Занитъ, Йотъ.

Во время его рассказа къ инспектору является м-гъ Кёблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались всѣ цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшіеся одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подѣлать чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ задержаннаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газеты, и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пытается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшій бриллиантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгушеву и отдають камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргинѣ.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калилу и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) указываетъ пріятелямъ на нарядный экипажъ:

— Стойте! Вы видите?

ГЛАВА VIII.

НЕОЖИДАННЫЙ БРАТЪ И НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

— Мы не ослѣпли,—отвѣчалъ Краббъ,—но видимъ слишкомъ много для того, чтобы сказать да.

— Вотъ эта коляска, запряженная парой... взгляните въ черты лица этого джентельмена, который сидитъ въ ней рядомъ съ очаровательной лэди. Вглянитесь пристально, я вамъ говорю.

— Да, поразительно!—промолвилъ Спрингъ.

— Я убѣждаюсь, что въ Россіи еще водится нечистая сила!—замѣтилъ Краббъ съ изумленіемъ, вглядываясь въ лицо господина, сидѣвшаго въ коляскѣ.

— Клянусь вамъ, друзья мои, что тутъ дѣло можетъ обойтись и безъ нечистой силы,—воскликнулъ Максъ Флей и стремительно поднялъ во-

ротникъ своего легкаго пальто и закрылъ имъ нижнюю часть лица.

Среди множества экипажей, запрудившихъ улицу, коляска двигалась медленно, кучеру приходилось дѣлать большія усилія, чтобы успокоить горячихъ лошадей, рвавшихся впередъ и пугливо сторонившихся отъ тутъ-же рядомъ стрекотавшихъ автомобилей. Высокая стройная дама видимо волновалась изъ за этого и опасно поглядывала на сосѣдніе экипажи. Мужчины успокаивали ее.

Онъ былъ высокаго роста, плечистый и плотный. Было что-то богатырское въ его сложеніи. Но лицо, это смуглое, нѣсколько строгаго типа лицо, поразительно было схоже съ лицомъ Макса Флея, который теперь стоялъ на троттуарѣ, какъ бы застывъ въ изумленіи. Тѣ же красивыя крупныя черты, та же матовая смуглость кожи,

* См. „Синій Журналь“ №№ 14—41.

тотъ же фасонъ бороды и усовъ, только въ окраскѣ ихъ проглядывала начинавшаяся бѣлизна, да на вискахъ изъ-подъ широкой панамы чуть-чуть свисали сѣрые пряди. И только это одно, нарушало иллюзію и отнимало право сказать, что это одно и то же лицо, одинъ и тотъ же человѣкъ.

— Друзья мои, — глубоко взволнованнымъ голосомъ сказалъ по-англійски мистеръ Флей, —

вы будете сидѣть и ждать меня вотъ здѣсь, въ кондитерской Фанкони. Я вернусь самое большее черезъ полчаса... Нѣтъ, нѣтъ, не спрашивайте. Я самъ еще не увѣренъ, что это не бредъ на яву. — Извозчикъ, — обратился онъ къ первому попавшемуся возницѣ, — ты поѣзжай позади вотъ этой коляски. Все время позади; я хорошо заплачу тебѣ, но смотри, чтобы не потерять изъ виду.

Онъ сѣлъ въ извозничій экипажъ. Кучеръ оказался смышленнымъ, и очень ловко занялъ мѣсто какъ разъ позади коляски. На углу Дербасовской улицы экипажи разѣдились, коляска повернула направо и лошади пошли рысью.

Извозчикъ не отставалъ. А мистеръ Флей, съ высоко поднятымъ воротникомъ, пристально слѣдилъ за всѣми ея движеніями и поворотами.

Пересѣкли Преображенскую, обогнули справа соборную площадь, покатали переулкомъ, повернули на Княжескую, поѣхали мимо красиваго зданія университета. Здѣсь мистеръ Флей замѣтилъ, что коляска взяла направо, къ панели, какъ будто съ цѣлью остановиться у подъѣзда. Онъ схватилъ извозчика за рукавъ.

— Шагомъ и прямо! — тихо сказалъ онъ ему. Извозчикъ слегка осадилъ лошадь и медленно проѣхалъ мимо коляски, въ то время, какъ высокій господинъ и его дама сошли на землю и вошли въ растворившуюся передъ ними дверь подъѣзда.

Мистеръ Флей доѣхалъ до перекрестка и остановилъ возницу.

— Вотъ тебѣ пока цѣлковый, погоди здѣсь минуту, заработаешь другой, — сказалъ онъ, и выскочивъ изъ пролетки, быстро пошелъ обратно.

Коляска уже куда-то скрылась. Онъ подошелъ къ подъѣзду и внимательно осмотрѣлъ его, затѣмъ приблизился къ воротамъ и поднялъ голову.

На освѣщенномъ фонаремъ металлическомъ кружкѣ была совершенно явственная надпись, прочитавъ которую, мистеръ Флей на минуту какъ бы вторично остоленѣлъ.

«Нѣтъ, — сказалъ онъ себѣ, — я должно быть еще не протрезвился отъ выпитаго на этой глупой яхтѣ вина»...

«Домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павла Мартыновича Калины».

Такъ гласила надпись на домѣ. И мистеру Флею, который, сѣвъ въ тѣ же дрожки, ѣхалъ уже по направленію къ кондитерской Фанкони, гдѣ ждали его друзья, не нужно было слишкомъ напрягать свою память, чтобы вспомнить своего родного брата, съ которымъ онъ по неволѣ разстался лѣтъ десять тому назадъ, когда ему пришлось безъ оглядки, не успѣвъ даже захватить чемоданъ съ бѣльемъ, бѣжать изъ отечества.

Но это было въ Кіевской губерніи, гдѣ онъ родился и выросъ. А Павелъ Калина въ то время состоялъ уже на гражданской службѣ и дѣлалъ довольно счастливую карьеру, такъ

какъ родители не оставили имъ ни гроша.

И вдругъ онъ здѣсь, дѣйствительный статскій совѣтникъ, можетъ быть, вліятельный, у него свои лошади, свой домъ. Эта очаровательная женщина, должно быть, его жена.

Въ тотъ моментъ, когда Флей прочиталъ надпись на воротахъ, первой мыслью его было постучаться въ дверь, проникнуть въ домъ, сказать, но обычная осторожность, усвоенная имъ за много лѣтъ скитаній по свѣту, остановила его.

— Ну, нѣтъ. Это не дѣлается такъ просто. Да и нужно-ли? Зачѣмъ? Давно это было... утратилась всякая связь. Ничего общаго между нами нѣтъ. И тогда мало было, и тогда ужъ они смотрѣли въ разныя стороны, — одинъ дѣлалъ карьеру, а другой мечталъ облагодѣтельствовать человечество, — а теперь и подавно. Не сантиментальничать же ему, въ самомъ дѣлѣ, по поводу

Рис. В. Сварога.

Мистеръ Флей, съ высоко поднятымъ воротникомъ, пристально слѣдилъ за всѣми движеніями коляски...

внезапно найденного брата. Не разыгрывать же ему старинный чувствительный романъ.

Въ кондитерской, наполненной публикой, за маленькимъ мраморнымъ столикомъ сидѣли и нетерпѣливо ждали его два джентельмена. Передъ ними стояли графинчикъ съ ликеромъ и мороженое.

Мистеръ Флей опустилсѣ на приготовленный для него стулъ.—Нѣтъ,—сказалъ онъ, отодвигая отъ себя рюмку, въ которую Краббъ предупредительно налилъ ликеру. — Довольно отравляться. Мнѣ нужна теперь здоровая голова.

— Въ чемъ же дѣло? — въ одинъ гласъ спросили его Краббъ и Спрингъ.

— А вотъ, когда я самъ буду въ состояніи вполне точно отвѣтить на этотъ вопросъ, тогда и вамъ разскажу... А теперь — чортъ знаетъ, я готовъ усумниться даже въ томъ, что я Максъ Флей.

— Въ сомнѣніи всегда загибается истина,—замѣтилъ Краббъ, и сейчасъ же самъ себѣ закрылъ ротъ, такъ какъ брошенный на него грозный взглядъ мистера Флея напомнилъ ему объ осторожности.

— Я говорилъ, что этотъ маленький морской ракъ во что бы то ни стало хочетъ видѣть одного изъ насъ на висѣлицѣ... Господа, — продолжалъ мистеръ Флей, — не знаю, какъ у

васъ, а у меня въ головѣ точно завелось гнѣздо мышей, и я больше не въ состояніи реагировать на внѣшнія впечатлѣнія. Дьяволъ свелъ насъ съ этимъ пьянымъ русскимъ спортсменомъ, и тотъ же дьяволъ продолжаетъ играть нами и до сихъ поръ. Я предпочитаю отправиться домой.

— Тш... слушайте!—осторожно толкнувъ его въ бокъ, надъ самымъ ухомъ, прошепталъ Спрингъ.

За сосѣднимъ столомъ сидѣли господа въ чечунчевыхъ пиджакахъ, съ смуглыми лицами, съ красными толстыми губами и длинными горбатыми носами, повидимому, греки. Одинъ изъ нихъ, только что пришедшій, разсказывалъ другимъ сенсационную новость.

— Какъ вамъ это понравится? — говорилъ онъ высокимъ тоненькимъ фальцетомъ, и при этомъ его выпуклые, какъ бы вытѣзанные на лобъ, шоколаднаго цвѣта глаза выражали такой

испугъ, какъ будто онъ видѣлъ передъ собою страшное событіе. Онъ безбожно сюсюкалъ и невыговаривалъ правильно ни одной согласной:— какое ужасное происшествіе!.. Два часа тому назадъ въ квартиру директора гимназіи, господина Велопіуса, вломились четыре разбойника, и прямо, понимаете, на глазахъ у родителей похитили молоденькую шестнадцатилѣтнюю дочь... Прямо на глазахъ. Какъ вамъ это понравится? Пришли и взяли, и унесли, какъ барашка. Понимаете? Четыре огромныхъ мо-

Рис. В. Сварога.

За сосѣднимъ столомъ сидѣли господа въ чечунчевыхъ пиджакахъ, съ смуглыми лицами... Одинъ изъ нихъ, только что пришедшій, разсказывалъ сенсационную новость...

тыре огромныхъ мо-
лодца въ маскахъ...
Какъ вамъ это по-
нравится!..

Разсказчикъ, очевидно, не довольствуясь впечатлѣніемъ, производимымъ его разсказомъ на трехъ собесѣдниковъ, повертывалъ свою черную голову влево и вправо, сталъ говорить какъ можно громче, чтобы всѣ слышали. Публика, дѣйствительно, заинтересовалась. Многіе покинули свои столики и окружили его. А онъ, поощренный успѣхомъ, еще болѣе возвысилъ свой писклявый голосъ и продолжалъ.

— Когда они вошли, эти великаны въ маскахъ, всѣ онѣмѣли и застыли на мѣстѣ. Понимаете, никто не могъ двинуться. И всѣ разомъ голосъ потеряли. Открыли рты, чтобы кричать и, понимаете, нѣтъ голоса... И замѣйте, замѣйте, что это были иностранцы, потому что они

разговаривали между собой на какомъ-то непонятномъ языкѣ, понимаете, совершенно непонятномъ; даже самъ родитель, директоръ Велопіусъ, ученый человѣкъ, не понялъ... Должно быть, турецки, а можетъ, и по-американски... Можете себѣ представить... А теперь полиція по всему городу рыщетъ и, говорятъ, уже напала на слѣдъ. А?.. какъ вамъ это понравится? Шестнадцатилѣтняя дѣвченка, еще даже курса не кончила...

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава VIII—Неожиданный братъ и новая опасность.
Глава IX—Умиравшій дьяволъ. Глава X—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
Г. Г. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимыми по-
словесіемъ Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, Г. Г. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича,
А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1232.323. Б.Б.Б. на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался цыгко Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ убѣждаетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона. Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату въбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣдался въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь кланяется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakkhell“ сенсаціонныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблессъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаютъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngousche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальныя „богемы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Зайнъ, Йогъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

Въ Россіи... Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба... Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матрость Тимофей Павловичъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгусева и баронессы Маріи и даетъ клятву поимать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизни подъ чужими именами. Мистеръ Перси наименомъ матери клятву, данную имъ отцу, и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обещая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе танио на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, выскланивающаго кн. Енгусева по порученію своей газетѣ, и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“. Эдвина Терве. Спрингъ пытается дотнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко къ морю, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Последній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшія бриллианты, и теперь члены массонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) кланяются мстителю кн. Енгусеву и отдаютъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатериинѣ Изоргиной.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“. Калина и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣздѣ экипажъ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи, какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопуса шайки разбойниковъ-иностранцевъ.

ГЛАВА VIII.

НЕОЖИДАННЫЙ БРАТЪ И НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

Спрингъ и Флей переглянулись между собой, но не сказали другъ другу ни слова. Мистеръ Флей подозвалъ лакея и ткнулъ ему въ руку монету. Затѣмъ они, точно по командѣ, поднялись, и безшумно, стараясь быть незамѣченными, вышли на улицу. Здѣсь они объяснили ничего не понимавшему по-русски Краббу, въ чемъ дѣло.

— Ого,—сказалъ Краббъ,—это ужъ не въ бровь, а прямо въ глазъ; намъ не достаетъ только четвертаго. Но если здѣшняя полиція также находчива, какъ наша, то она его выдумаетъ. По моему, намъ слѣдуетъ сейчасъ же уѣхать изъ этого города.

— Мой милый Краббъ, бѣгутъ обыкновен-

но преступники, и это далъ бы только неопровержимую улику противъ насъ,—замѣтилъ мистеръ Флей.

— Чортъ возьми! У насъ у всѣхъ сегодня разстроено воображеніе. Городъ кишитъ иностранцами. Съ какой стати намъ принимать это на свой счетъ? Къ тому же, во-первыхъ, насъ трое, а тѣхъ было четверо, во-вторыхъ, насъ даже не трое, а два и одинъ, такъ какъ Спрингъ остановился въ Крымской гостиницѣ, а мы въ Европейской, и въ третьихъ, мы могли бы безъ труда доказать свое алиби, такъ какъ два часа тому назадъ находились на яхтѣ, что можетъ засвидѣтельствовать Нечипоренко.

— Который былъ мертвецки пьянъ...

— Это все равно. Господа, по домамъ, рѣшительно по домамъ. Милый Спрингъ, завтра

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—42.

утромъ мы соберемся у насъ и будемъ со свѣжими головами держать совѣтъ о дальнѣйшемъ нашемъ образѣ дѣйствій.

Они разошлись. Но маленький Краббъ все время, пока они шли къ своей гостиницѣ, волновался и оглядывался, не идетъ ли позади полицейскій.

На другой день, Флей и его сожитель, занимавшій комнату рядомъ, проснулись поздно. Былъ двѣнадцатый часъ. Спрингъ еще не явился.

Наскоро одѣвшись, Флей позвонилъ, чтобы принесли кофе. Явился лакей съ подносомъ, на которомъ рядомъ съ посудой лежалъ небольшой конвертъ. Максъ Флей протянулъ руку и съ изумленіемъ взглянулъ на надпись. Тамъ стояло его имя, а почеркъ показался ему незнакомымъ.

«Это можетъ быть только отъ Спринга,—подумалъ онъ,—больше никто меня здѣсь не знаетъ. Ужъ не заболѣлъ-ли?»

Онъ распечаталъ письмо и, прочитавъ заключавшіяся въ немъ три коротенькія строчки, какъ мячъ подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Краббъ, ради Бога иди сюда,—промолвилъ онъ, подойдя къ двери и постучавшись въ сосѣдній номеръ.

Мистеръ Краббъ не заставилъ ждать себя и точась же прибѣжалъ.

— Вотъ уже начинается. Читай.

Краббъ пробѣжалъ глазами строчки: «Будетъ чудо, если это письмо дойдетъ до васъ, друзья. Въ семь часовъ пришли и объявили, что я арестованъ. За что, неизвѣстно. Везутъ. Куда? Тоже неизвѣстно. Надѣюсь, что въ вашихъ головахъ проснется изобрѣтательность истинныхъ американцевъ, а ваши сердца зажгутся дружескимъ сочувствіемъ и вы изобрѣтете способъ освободить ни въ чемъ неповиннаго Спринга».

— Во-отъ...—сильно заикаясь, промолвилъ Краббъ,—я говорилъ вчера, что надо было ухъать.

— И тогда вмѣсто одного арестовали бы трехъ,—замѣтилъ мистеръ Флей.

— Но что же теперь дѣлать?

— Милый Краббъ, тебѣ ничего не дѣлать, ибо каждый твой шагъ обладаетъ способностью портить дѣло. Пей твой кофе и сиди смирно въ комнатѣ, а я сейчасъ отправлюсь...

— Куда? Неужели ты оставишь меня одного при такихъ обстоятельствахъ? Вѣдь я ни слова не говорю на вашемъ несомнѣнно прекрасномъ, но все же варварскомъ языкѣ.

— Вотъ это и хорошо, такъ какъ это изба-

вляетъ меня отъ жестокой необходимости, уходя, вырвать у тебя языкъ.

Онъ схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты. — Извозчикъ, на Княжескую! — крикнулъ онъ первому попавшемуся возницѣ и вскочилъ въ экипажъ.

Рис. Н. Герардова.

... „Краббъ все время оглядывался,—не идетъ ли позади полицейскій“...

Шагъ, который онъ предпринималъ, никоимъ образомъ нельзя было отнести къ разряду разумныхъ и хорошо взвѣшенныхъ дѣйствій. Что такъ случайно открытый вчера дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Мартыновичъ Калина былъ никто иной, какъ его старшій братъ, въ этомъ онъ теперь уже не сомнѣвался, и даже не видѣлъ тутъ ничего удивительнаго. Но поведетъ-ли этотъ шагъ ко благу или наоборотъ, окончательно ухудшить положеніе, этого онъ никакъ не могъ предугадать. Братъ-то онъ, братъ, но въ то же время

онъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, навѣрно дѣлаетъ карьеру, дорожитъ своимъ положеніемъ, и появленіе въ его домѣ господина, которому десять лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, надлежало украшать собой висѣлицу, и при томъ носящаго одно съ нимъ имя, можетъ вызвать въ немъ желаніе поскорѣе избавиться отъ этого господина.

Мистеру Флею въ тѣ времена, когда онъ былъ еще настоящимъ Калиной, едва наступило девятнадцать лѣтъ, и своего брата, который былъ лѣтъ на пятнадцать старше, онъ зналъ очень мало. Кажется, это былъ добрый малый, но онъ по личному опыту хорошо зналъ, что десять лѣтъ—періодъ совершенно достаточный для того, чтобы добрый малый превратился въ порядочную свинью.

Но никакія соображенія не могли предостеречь его отъ рѣшительнаго шага. Что бы тамъ ни было, а онъ долженъ выручить Спринга, какими бы то ни было средствами, хотя бы рискуя головой. Собственная шкура была очень мила и дорога ему, но въ душѣ его таилось рыцарское чувство товарищества, которое теперь и руководило его дѣйствіями.

Было около двѣнадцати часовъ, когда извозчикъа пролетка повернула на Княжескую улицу и остановилась у подъѣзда, который вчера ночью такъ тщательно изучилъ мистеръ Флей. Черезъ нѣсколько секундъ онъ звонилъ у подъѣзда. Вышелъ почтенный лакей съ баками, въ темно-малиновой курткѣ.

— Я хотѣлъ бы видѣть Павла Мартыновича Калину,—сказалъ ему мистеръ Флей на совершенно правильномъ русскомъ языкѣ, только слегка окрашенномъ малороссійскимъ акцентомъ.

— А по какому дѣлу?

— По чрезвычайно важному дѣлу, которое могу объяснить только лично.

— Ихъ превосходительство собираются завтракать, и въ этотъ часъ не принимаютъ.

— Но дѣло такого рода, что не терпитъ ни малѣйшаго промедленія. Вотъ моя карточка—и при этомъ онъ передалъ ему карточку, на которой было обозначено, что онъ Максъ Флей изъ Санъ-Франциско.

Лакей съ перваго же момента началъ внимательно глядѣться въ его лицо. Должно быть, и ему бросилось въ глаза необыкновенное сходство этого лица съ лицомъ его барина. Когда же онъ взглянулъ на карточку и увидѣлъ, что она иностранная, то въ глазахъ его выразилось недоумѣніе и совершенная спутанность мыслей. Онъ исчезъ, оставивъ мистера Флея на улицѣ.

Однако, черезъ минуту его впустили въ богато обставленную квартиру и черезъ цѣлый рядъ комнатъ ввели въ обширный кабинетъ, гдѣ не было ни души. Минутъ пять мистеру Флею было предоставлено знакомиться съ тяжелой старинной мебелью изъ красного дерева, съ монументальными шкафами, изъ которыхъ выглядывали стройные ряды солидныхъ и внушающихъ уваженіе переплетовъ, съ небольшими, но подлинными картинами, достоинство которыхъ онъ, какъ художникъ, тотчасъ же оцѣнилъ.

Наконецъ, вошелъ господинъ, — тотъ самый вчерашній господинъ съ начинавшейся просѣдою въ бородѣ и вискахъ, вошелъ и остановился, видимо, изумленный. Но, желая скрыть свое изумленіе, онъ любезно поклонился и проговорилъ:

— Господинъ Флей, повидимому, англичанинъ, и я долженъ извиниться, что къ сожалѣнію, не говорю по-англійски.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ говорить на нашемъ родномъ языкѣ,—сказалъ Флей.

— Родномъ? Вы, значить, русскій?

— На томъ языкѣ, которому обучала насъ обоихъ Наталья Андреевна Калина, наша покойная мать.

— Наша мать? Такъ значить... вы... ты...

На мгновеніе въ глазахъ его мелькнуло что-то теплое, но въ тотъ же мигъ исчезло и, казалось, какая-то темная непроницаемая маска покрывала его лицо.

— Подобное утвержденіе требуетъ неопровержимыхъ доказательствъ,—закончилъ онъ су-

химъ замкнутымъ голосомъ.—Не угодно-ли, — прибавилъ онъ указавъ на стулъ и самъ сядя въ кресло по ту сторону стола.

— Доказательствъ? — сдвинувъ плечами и разводя руками произнесъ Флей.—Къ сожалѣнію, я не Ахиллесъ и мои обѣ пятки похожи одна на другую точно также, какъ мое лицо походитъ на ваше.

— Да, сходство изумительное, но оно можетъ быть случайнымъ.

— Я могъ бы рассказать о старомъ Мартынѣ Терентьичѣ Калинѣ, который въ короткой овчинной курткѣ и высокихъ сапогахъ, никогда не выпуская изъ рта трубки, съ утра до вечера рыскалъ по полямъ и лѣсамъ князя Вислинскаго, у котораго онъ былъ управляющимъ. На этихъ поляхъ

Гис. И. Герардона.

... «Флей вошелъ въ обширный кабинетъ, гдѣ не (был) ни души»...

и въ тѣхъ лѣсахъ я проводилъ мое дѣтство въ то время, какъ мой старшій братъ въ Кіевѣ сперва учился, а потомъ служилъ...

— Это правдоподобно, — съ невозмутимо неподвижнымъ лицомъ произнесъ хозяинъ.

— Я могъ бы припомнить блѣдное худое лицо нашей матери Натальи Андреевны, съ прекрасными лучистыми глазами, всегда такими скорбными, какъ будто глядѣвшими въ иной міръ, куда она и переселилась такъ неожиданно для всѣхъ.

— И это соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но вы умолчали о самомъ главномъ и самомъ неприятномъ.

— О томъ, какъ я, Петръ Калина, будучи уже студентомъ, попалъ въ опасную исторію, заставившую меня бѣжать съ ро-

дины и искать пристанища въ далекой Америкѣ...

— Да, да, и этимъ чуть не погубилъ мою, такъ блестяще начатую, карьеру... Потомъ мнѣ стоило адскихъ усилій возстановить ее и съ большимъ опозданіемъ.

— Извиненіемъ служить то, что мнѣ грозила висѣлица.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава VIII—Неожиданный братъ и новая опасность.
Глава IX—Умирающій дьяволъ. Глава X—Страшная исповѣдь.

?

Зъ коллектив-
номъ романъ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимымъ по-
словесіемъ Вас. Ре-
гинина,

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“*

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича,
А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный брилліантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ брилліанта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.Б., на которомъ убѣжалъ изъ притона воръ съ украденнымъ брилліантомъ.

Воромъ оказался нѣкто Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и вшиваетъ брилліантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье, Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился брилліантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что брилліантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время рассказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ извинить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ брилліантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ брилліантъ (который вѣздаль въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ же—Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева брилліантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ откритіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, заѣхавъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового брилліанта кн. Енгушева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakhell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-т Кёблессъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаетъ его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandanontha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стригъ, толпы валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не реклама ли все происшедшее съ брилліантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазъ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго рассказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о брилліантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заинъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-т Кёблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-та Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались всѣ цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н-скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба... Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матрость Тимофей Павловичъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчается въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ замированнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газеты,—и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“. Эдвина Терве Спрингъ пытается дотнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшій брилліантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгушеву и отдадутъ камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргиной.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣздѣ экипажъ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи,—какой-то южанинъ рассказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопуса шайки разбойниковъ-иностранцевъ.

Боясь, что ихъ примутъ за этихъ разбойниковъ, друзья уходятъ и на утро узнаютъ, что Спрингъ арестованъ и проситъ о помощи. Калина отправляется къ знакомому случайно на улицѣ, родному брату и открываетъ ему тайну своего псевдонима.

ГЛАВА VIII.

НЕОЖИДАННЫЙ БРАТЪ И НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

— Какой вздоръ! Я въ подробностяхъ разслѣдовалъ это дѣло и доказалъ, что участіе моего брата было случайно и ничтожно, и, если-бъ онъ тогда вернулся, то отбѣдлся бы, можетъ быть, нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы...

— Но я готовъ былъ бы высиживать въ тюрьмѣ не мѣсяцы, а годы, только бы вернуть себѣ право жить на моей родинѣ и дышать ея воздухомъ!—горячо воскликнулъ Флей.

— Какъ? Такъ, значитъ, этого права у васъ еще нѣтъ? Вы эмигрантъ?

— Я гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

— Но вы можете быть каждую минуту арестованы и преданы суду... Впрочемъ, оставимъ это пока. Я все не такъ черствъ. Не думай, братъ, что я такъ черствъ, я только остороженъ. Мое положеніе обязываетъ быть осторожнымъ. Но я протягиваю тебѣ руку, я хочу братски обнять тебя, и сдѣлать для тебя все, что только въ силахъ.

Онъ поднялся и вышелъ изъ-за стола. Братъ обняли другъ друга какимъ-то долгимъ молчаливымъ объятіемъ. Глаза Павла Мартыновича загорѣлись, и все лицо его приняло какое-то новое, какъ будто несвойственное ему мягкое выраженіе. Онъ уже не сѣлъ на прежнее мѣсто по ту сторону стола, а помѣстился въ креслѣ около брата. Онъ заговорилъ тихимъ сдержаннымъ голосомъ, какъ

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—43.

Рис. Н. Герардова.

...На широкомъ балконѣ, обвитомъ зелеными листьями дикаго винограда, сидѣло маленькое общество... (стр. 4).

бы боясь, чтобы его не услышали стѣны или висѣвшіе на нихъ портреты и книги, выглядывавшіе изъ шкафовъ.

— Да, такъ, такъ, Петръ. Ты мой братъ, тотъ самый братъ, который такъ повредилъ мнѣ своимъ благороднымъ безумствомъ. Но я не укоряю. Это прошло. Я поправилъ... Теперь я занимаю въ этомъ городѣ положеніе, еще не блестящее съ виду, но могущественное, дающее мнѣ возможность человѣка въ твоёмъ положеніи погубить или спасти. Я, конечно, сдѣлаю послѣднее, но ты видишь, какъ я долженъ быть остороженъ. Къ сожалѣнію, я даже не могу пригласить тебя завтракать. Моя жена—преданный мнѣ человѣкъ, которому я доверяю, какъ себѣ, но есть слуги и есть стѣны...

— Этого и не нужно, братъ. Я пришелъ не ради себя. Случайно вчера я увидѣлъ тебя на улицѣ, меня поразило сходство, я прослѣдилъ, и узналъ, что это твой домъ, а сегодня, когда случилась бѣда съ моимъ пріятелемъ, не знаю почему, я подумалъ, что ты, именно ты, можешь помочь.

— Какая бѣда? Какой пріятель?

— Репортеръ газеты «Желтый Калифорніецъ».

— Изъ Санъ-Франциско, господинъ Спрингъ?

— Ты знаешь?—съ изумленіемъ воскликнулъ Петръ Калина.

— Я знаю все, что дѣлается въ городѣ. Онъ заподозрѣнъ въ соучастіи въ похищеніи дочери

директора гимназіи Велопіуса... Намъ извѣстно, что онъ по происхожденію вовсе не американецъ, а уѣхавшій изъ Россіи двѣнадцать лѣтъ тому назадъ бердичевскій мѣщанинъ...

— Да, да, все это такъ. Но онъ честнѣйшій малый, и кромѣ того въ тотъ часъ, когда совершилось похищеніе, онъ вмѣстѣ со мною плавалъ по заливу на яхтѣ извѣстнаго спортсмена Нечипоренки.

— А, такъ эти американцы были вы? Это драгоценное свѣдѣніе. Въ такомъ случаѣ, не можешь-ли ты сообщить что-нибудь о яхтѣ «Нирвана», о ея молодомъ капитанѣ, и о человѣкѣ, выбросившемся за бортъ съ парохода «Апполонъ»?

— Яхта «Нирвана»—да, я ее видѣлъ въ морѣ. Она въ густомъ туманѣ исчезла изъ нашихъ глазъ и, кромѣ того, признаюсь, мы были изрядно пьяны... Объ остальномъ ничего не знаю. Но возвращаюсь къ Спрингу. Онъ невиненъ, и я долженъ добиться его освобожденія.

Павелъ Мартыновичъ поднялся и, заложивъ руки за спину, началъ ходить по комнатѣ.—Вотъ что, братъ... Я тебѣ вѣрю и Спрингъ будетъ освобожденъ сегодня же; но долженъ тебѣ сказать, что его и твое дальнѣйшее пребываніе въ этомъ городѣ чревато для васъ такими неприятностями, которыхъ вамъ лучше бы избѣжать,—ему, потому что онъ, хоть и американскій, а все же еврей, а у насъ, какъ тебѣ извѣстно, съ этимъ народомъ не церемонятся, тебѣ потому, что ты еще не реабилитированъ... Но всего неприятнѣе это, конечно,

мнѣ, ибо, если раскроется, что ты эмигрантъ, нѣкогда замѣшанный въ политическомъ дѣлѣ, мой родной братъ, что я принималъ тебя, и даже содѣйствовалъ освобожденію твоего друга... ты понимаешь, я близокъ къ очень высокому положенію, я, можетъ быть, наканунѣ блестящаго назначенія, и все это можетъ полетѣть въ пропасть. Съ вами еще есть тамъ третій, какой-то маленький человѣкъ,—онъ хотя и ни въ чемъ не заподозрѣнъ, но близость съ вами можетъ и ему повредить. Ты понимаешь, Петръ, что до нихъ мнѣ въ сущности нѣтъ никакого дѣла, но я хочу спасти тебя и оградить себя. И вотъ что я придумалъ: въ сорока верстахъ отсюда, на берегу моря, лежить большое имѣніе моей жены. Впрочемъ, оно уже переведено на мое имя. Поѣзжайте туда. Тамъ кстати теперь ушелъ управляющій. И такъ—ты можешь явиться туда въ качествѣ управляющаго, нанята мною. Американецъ, говорящій по русски—это практикуется. Твой Спрингъ—случайно онъ не знакомъ съ бухгалтеріей?

— О, да. Онъ нѣсколько лѣтъ служилъ въ торговой конторѣ въ Филадельфіи.

— Прекрасно. Онъ займетъ мѣсто главнаго конторщика. Ну, а этотъ маленький господинъ можетъ быть механикомъ,—кстати тамъ есть молотилка и другія машины. Вы поѣдете на трамваѣ до Большого Фонтана, а тамъ на лошадахъ. Все это, пока я здѣсь устрою твою реабилитацію. Вы должны сидѣть тамъ смирно и ничѣмъ не обращать на себя вниманіе. Я сейчасъ напишу для тебя полномочіе, которое ты предъявишь приказчику и онъ сдастъ тебѣ дѣла. Ваши американскіе паспорта въ порядкѣ?

— Въ совершенномъ.

— Прекрасно. Вотъ полномочіе!—Прибавилъ онъ, сѣвъ за столъ и написавъ бумагу и приложивъ къ ней даже печать.—Деньги у тебя есть?

— О да, порядочный запасъ. Я вѣдь художникъ и хорошо зарабатывалъ въ Америкѣ.

— Сейчасъ я дамъ распоряженіе освободить Спринга.

Онъ взялъ трубку телефона, стоявшаго на столѣ, назвалъ номеръ, потребовалъ какого-то Ивана Семеновича и приказалъ немедленно освободить арестованнаго утромъ американскаго подданнаго Спринга. Затѣмъ онъ всталъ и протянулъ руку Петру Калинѣ.

— Ты видишь, братъ, что мнѣ далеко не чужды родственныя чувства. Если я не ввожу тебя въ свою семью, то это диктуется осторожностью—какъ для меня, такъ и для тебя. А между прочимъ, такъ какъ ты изъ Санъ-Франциско, то ты навѣрное знаешь про надѣлавшую тамъ шуму исторію съ безслѣдно пропавшимъ въ игорномъ домѣ брилліантомъ и въ связи съ этимъ объ убійствѣ русской баронессы.

— Исторія князя Енгушева?

— Вотъ именно. Не столько князя Енгушева, сколько тайнаго общества, задавагшагося неосуществимой цѣлью при помощи объединенія флотовъ всего свѣта установить на землѣ вѣчный миръ... Сейчасъ я не держу тебя, но въ другой разъ, при лучшихъ условіяхъ, ты мнѣ расскажешь все, что знаешь по этому поводу. Ну, до свиданья. Позволь еще разъ поцѣловать тебя. Да, вотъ еще: если это тебѣ ничего не стоитъ, сбрѣй бороду. Тогда ты будешь меньше походить на меня. И наконецъ... Если ты, благодаря твоимъ знакомствамъ въ Санъ-Франциско, что-нибудь узнаешь о нѣкомъ Перси, который по нашимъ свѣдѣніямъ дол-

женъ въ скоромъ времени прибыть на югъ Россіи, а можетъ быть уже и здѣсь, то немедленно сообщи мнѣ.

— Но, дорогой братъ, если это будетъ предательство...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не долженъ такъ думать. Подобнаго порученія я тебѣ не далъ бы. Этотъ Перси или въ сущности Персинъ—едва-ли не жертва благороднаго увлеченія и адски сплетенной интриги. О, я могъ бы по этому поводу рассказать тебѣ очень много поразительнаго... Но извини. Тебѣ больше нельзя оставаться у меня. Въ гостиницѣ ты навѣрно найдешь твоего пріятеля Спринга...

Онъ еще разъ крѣпко пожалъ руку Петра Калины и тотъ опять, въ качествѣ гражданина Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Макса Флея, вышелъ на улицу.

Въ гостиницѣ онъ засталъ Спринга, который перебрался сюда съ своимъ чемоданомъ.

— Чортъ возьми,—воскликнулъ тотъ, чуть не бросившись ему на шею.—Я зналъ, что обязанъ тебѣ своей свободой. Но никакъ не ожидалъ, что четверемъ молодцамъ, вздумавшимъ похитить дочь педагога, я буду обязанъ правомъ напечатать въ «Желтомъ Калифорнійцѣ» дюжину статей подъ заглавіемъ: «Ужасы русской тюрьмы—впечатлѣнія очевидца».

— А развѣ ты успѣлъ испытать ужасы?

— Ничего подобнаго. Я не скажу, чтобы нашелъ тамъ комфортъ Пульмановскаго купе, но все же со мной обращались довольно деликатно и, когда въ утренней похлебкѣ мой проницательный репортерскій глазъ открылъ мирно плавающего таракана, то джентельменъ, именующійся надзирателемъ, простеръ свою любезность до того, что вытащилъ его изъ похлебки собственными двумя пальцами. Но какъ это все случилось, какъ ты добился? Кто онъ, этотъ вчерашній джентельменъ? Неужели братъ? И прочее, и прочее...

— Друзья мои, все это я вамъ расскажу во время нашего путешествія, а теперь если хотите спасти ваши американскіе животы, укладывайте поскорѣе свои и мои вещи въ чемоданы, требуйте счетъ, покончите со всѣмъ этимъ, пока я сбѣгаю къ парикмахеру, чтобы сбрить бороду—и въ путь...

Оба пріятеля превратились въ восклицательные знаки. Но, такъ какъ по лицу тотчасъ же исчезнушаго Макса Флея, было видно, что онъ не шутитъ, принялись укладывать вещи.

ГЛАВА VI.

УМИРАЮЩІЙ ДЬЯВОЛЪ.

Во второмъ этажѣ великолѣпнаго каменнаго дома, на широкомъ балконѣ, обвитомъ зелеными листьями дикаго винограда, за круглымъ столомъ, уставленнымъ чайной посудой, во главѣ съ кипящимъ самоваромъ, великолѣпнымъ, только что испеченнымъ ароматнымъ деревенскимъ хлѣбомъ, масломъ, сливками, свѣжими ягодами, въ виду раскинушагося внизу безбрежнаго моря, сидѣло маленькое общество.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава IX—Умирающій дьяволъ. Глава X—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
И. И. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимымъ по-
слѣдовательствомъ Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, И. И. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ у капитана русск. судна, кн. Енгусева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонъ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшійся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣгаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1.232.323. Б.Б.В. на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался инокъ Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и вшиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ пріятелей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гапа, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ избавить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣзла въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень...

Люди кн. Енгусева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора.

Перси (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгусева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгусева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ откритіи. Кн. Енгусевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организации, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданіе единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгусевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгусева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблсъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakchell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгусева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблсъ яко-бы ѣздитъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngonche-Sandalontha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Догъ-Стригъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и геніальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не рекламила ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгусева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгусева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Зайнъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблсъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались всѣ цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопаномъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матрость Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгусева и баронессы Маріи и даетъ клятву помянуть авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскирады и жизнь подъ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художника Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ задержаннаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгусева по порученію своей газеты,—и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пытается догнать таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшій бриллиантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгусеву и отдають камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргиной.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣзжѣхъ впажѣ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи,—какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопуса шайки разбойниковъ—иностранцевъ.

Боясь, что ихъ примутъ за этихъ разбойниковъ, друзья уходятъ и на утро узнаютъ, что Спрингъ арестованъ и проситъ о помощи. Калина отправляется къ знакомому случайно на улицѣ, родному брату и открываетъ ему тайну своего псевдонима.

Калина (Максъ Флей) проситъ брата, занимающаго видный административный постъ помочь Спрингу освободиться и тотъ предлагаетъ ему и его спутникамъ, Краббу и Спрингу, выѣхать немедленно въ имѣніе его жены, подъ видомъ вновь назначенныхъ служащихъ по управленію имѣніемъ.

ГЛАВА IX УМИРАЮЩІЙ ДЬЯВОЛЪ.

Легко было узнать мистера Крабба, который ни капли не измѣнился. Движенія его, какъ всегда, были порывисты и неожиданны, вслѣдствіе чего каждое изъ нихъ сопровождалось аваріей какого-нибудь изъ окружающихъ предметовъ. То летѣлъ вверхъ ножками стулъ, то разбивалось вдребезги блюдо, то сотрясаясь весь столъ и грозила опасность всѣмъ, лежавшимъ на немъ предметамъ. По-прежнему, онъ былъ болтливъ и говорилъ за всѣхъ, на каждомъ словѣ заикался и самъ себя перебивалъ.

Мистеръ Спрингъ тоже не измѣнился по

внѣшнему виду, но лицо его, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было, даже не сенсационныхъ событій, приобрѣло выраженіе скуки, а въ глазахъ, обыкновенно безпокойныхъ и блестящихъ, изсякъ весь огонь.

Но нужно было долго вглядываться въ смуглое лицо высокаго и стройнаго молодого джентельмена, съ небольшими закрученными кверху усами, съ начисто выбритымъ подбородкомъ и щекими—чтобы узнать мистера Флея. Отсутствіе бороды, несмотря на то, что онъ всегда аккуратно подстригалъ ее, совершенно измѣнило характеръ его лица, которое теперь казалось короче и шире, и сразу говорило о его хохлацкомъ происхожденіи.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14—44.

Какъ ни странно было появленіе иностранцевъ въ усадьбѣ, да еще разомъ трехъ, для занятія трехъ важныхъ должностей—старшій приказчикъ, временно заправлявшій всѣмъ хозяйствомъ, а за нимъ и другіе служащіе принуждены были признать ихъ и исполнить приказъ владѣльца, выраженный на бумагѣ за его подписью и съ печатью.

Мистеръ Флей, едва владѣвшій тремя десятками русскихъ словъ, тѣмъ не менѣе благополучно принялъ всѣ статьи хозяйства и не безъ величія вступилъ въ отправленіе должности. Тоже самое сдѣлалъ Спрингъ, а маленький Краббъ пока не рѣшался приступить къ молотилкѣ, въ которой рѣшительно ничего не понималъ и даже побаивался ее, и только присматривался къ дѣлу, молча и съ видомъ глубокомыслія заглядывая то въ печь, то въ трубу машины, которая преисправно работала подъ руководствомъ прежняго машиниста.

Дѣла въ имѣніи отъ прибытія новыхъ лицъ нисколько не измѣнились. Мистеръ

Флей великодушно предоставилъ приказчику по прежнему вести хозяйство, а самому себѣ оставилъ верховный надзоръ. Спрингъ, дѣйствительно, знавшій толкъ въ двойной итальянской бухгалтеріи, попробовалъ было заглянуть въ конторскія книги, но тамъ оказалась такая русская неразбериха, что заводить новые порядки было также трудно, какъ строить новый домъ.

Но зато въ усадьбѣ они нашли необыкновенное обиліе всякихъ земныхъ благъ — овощей, ягодъ, фруктовъ, всевозможныхъ молочныхъ продуктовъ, домашней птицы и даже недурной погребъ, въ которомъ нашлось хорошее вино.

И вотъ уже три дня пріятели наслаждались жизнью, — гуляли въ великолѣпномъ паркѣ, спускались къ морю, купались, и упитывали себя свѣжими деревенскими продуктами.

Мистеръ Спрингъ уже познакомился съ ближайшей деревней, обошелъ всѣ уголки, осмотрѣлъ и обнюхалъ каждую хижину, побывалъ въ церкви, и всѣ свои наблюденія внесъ въ записную книжку подъ рубрикой:

«Десять лѣтъ въ глубинѣ Россіи».

И рѣшилъ, по возвращеніи въ Америку, подѣлитъ этимъ заглавіемъ опубликовать свои богатые на-

блюденія въ «Желтомъ Калифорнійцѣ». Но наблюденія эти скоро были исчерпаны и ему больше нечего было дѣлать.

Заходящее солнце посылало морю прощальный привѣтъ и его розовые лучи окрашивали въ огненный цвѣтъ тихо зыбющуюся поверхность моря на много верстъ, до самого горизонта. Пріятели прихлебывали чай, который приводилъ ихъ въ созерцательное настроеніе. Даже мистеру Краббу надоѣло болтать и онъ, вливъ въ себя несмѣтное количество свѣжихъ густыхъ сливокъ, о которыхъ онъ всю жизнь мечталъ, такъ какъ въ С. Франциско ему приходилось довольствоваться растворомъ магнезіи съ глицериномъ, замолкъ, и смотрѣлъ въ морскую даль.

— Джентельмены, — вдругъ прервалъ молчаніе Спрингъ, и вытянулъ руку по направленію къ морю. — Взгляните, какъ очаровательно-прозрачны эти паруса лодки, которая движется тамъ вдали!

— Это цѣлый пароходъ, — замѣтилъ Краббъ.

— Нѣтъ, это яхта... — возразилъ Максъ Флей. — И смотрите: она идетъ прямо сюда... Вотъ чудеса!.. Кажется, тутъ нигдѣ близко нѣтъ гавани.

— Но позвольте... Клянусь рождественскимъ номеромъ «Желтаго Калифорнійца» — въ этомъ номерѣ я помѣщаю святочный рассказъ, за который мнѣ платятъ тысячу долларовъ, — клянусь, что это та самая яхта, за которой

мы гонялись подъ командой пьянаго Нечипоренко.

— «Нирвана»... Такъ и есть! Но какъ она потускнѣла... И паруса ея изрядно потрепаны, а мчится прямехонько къ нашему берегу.

— Господа, — торжественно-проникновеннымъ голосомъ воскликнулъ Спрингъ, многозначительно поднявъ руку кверху. — Это судьба или предопредѣленіе, чортъ его знаетъ, навѣрно не знаю, но эта «Нирвана» съ перваго же момента, когда мой взглядъ упалъ на нее, завладѣла моимъ вниманіемъ. И теперь она идетъ къ намъ. Не ясно-ли, что тутъ скрывается что-то таинственное и непостижимое? Идемте на берегъ. О, если-бъ въ моемъ распоряженіи былъ порохъ, я привѣтствовалъ бы ее сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ.

Дѣйствительно, въ этомъ было что-то загадочное. Туманъ, окутывавшій море въ теченіе двухъ сутокъ, еще вчера утромъ разсѣлся. Если они потеряли путь, то теперь, въ виду открыв-

Рис. Н. Герардова.

Спрингъ попробовалъ заглянуть въ конторскія книги, но тамъ оказалась такая русская неразбериха...

Рис. Н. Герардова.

... И понесли его по довольно крутому берегу въ садъ и въ домъ...

шихся береговъ, должны были бы взять курсъ къ городу. Здѣсь по береговой линіи, кой-гдѣ раскинулись селенія рыбаковъ, но не было вовсе пристаней. Жители выходили въ море на небольшихъ рыбачьихъ лодкахъ, которыя просто привязывались къ мосткамъ.

Они сошли внизъ и по широкой аллеѣ сада, окружавшаго домъ и доходившаго до самаго берега, быстро пошли къ морю. Яхта уже была въ двухстахъ шагахъ отъ купальни, паруса были убраны, загремѣла якорная цѣпь и судно вдругъ остановилось.

— Однако, что за превращеніе! — воскликнулъ Спрингъ, указывая на корму судна, гдѣ вмѣсто ожидаемаго слова «Нирвана», свѣтлой бѣлой краской было выведено: «Espera».

На борту появился высокій стройный молодой человѣкъ въ короткой кожанной курткѣ и спортивной фуражкѣ. Приподнявъ надъ головой фуражку, онъ произнесъ, обращаясь къ стоявшимъ на мосткахъ:

— Господа, мы три дня блуждаемъ въ морѣ. По нѣкоторымъ причинамъ, которыя я позволю себѣ не объяснять, намъ неудобно взять путь въ

городъ... Но съ нами трудно больной человѣкъ, мы нуждаемся въ вашемъ великодушіи.

— Вы его найдете у насъ вмѣстѣ съ полнымъ гостепріимствомъ!—отвѣтилъ также приподнявъ свою шляпу мистеръ Флей и на этотъ разъ на безупречномъ русскомъ языкѣ.

— Позвольте спустить шлюпку и перевести его?—спросилъ съ яхты молодой человѣкъ.

— Мы васъ просимъ объ этомъ!—отвѣтилъ Флей.

— Клянусь колоссальнымъ гонораромъ за всѣ мои будущія статьи въ «Желтомъ Калифорнійцѣ»,—тихо воскликнулъ Спрингъ по-англійски,—на яхтѣ есть женщина... Я видѣлъ, какъ мелькнуло синее перо ея шляпы... Здѣсь скрывается поразительная тайна. О, какая богатая награда за лишенія...

На яхтѣ въ это время происходила возня. Спускали шлюпку, осторожно перетаскивали на нее завернутаго въ пледы больного. Послышалось тихое всплескиванье веселъ, шлюпка мягко, осторожно подплыла къ мосткамъ.

На веслахъ сидѣлъ матросъ, на кормѣ помѣщался высокій молодой человѣкъ въ кожанной курткѣ, рядомъ съ нимъ сидѣла молодая дѣвушка въ шляпкѣ съ синимъ перомъ, а на днѣ лодки лежалъ и тихо стоналъ больной, повидимому, человѣкъ гигантскаго роста. Сѣдые волосы въ безпорядкѣ спускались ему на лобъ, длинная сѣдая борода была скомкана, глубоко ввалившіяся щеки его были блѣдны, а глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

«Все проходитъ, все проходитъ», какъ-то беззвучно повторялъ онъ по-англійски, но съ какимъ-то страннымъ жесткимъ акцентомъ, и при этомъ съ усиленіемъ подымалъ правую руку, какъ бы отмахиваясь ею отъ назойливыхъ представленій.

Пріѣзжіе молчали, а хозяева ни о чемъ ихъ не спрашивали, какъ бы молчаливо условившись отложить на послѣ всякія привѣтствія и разспросы. Бережно завернувъ больного въ пледы, со всевозможной осторожностью, взяли его на руки, всѣ съ одинаковой готовностью—и пріѣзжіе, и гости, какъ будто онъ былъ всѣмъ одинаково близокъ, и понесли его сперва по мосткамъ, затѣмъ, наверхъ по довольно крутому берегу въ садъ и въ домъ. Матросъ перенесъ туда же привезенные въ лодкѣ два увѣсистыхъ чемодана, потомъ вернулся и отъѣхалъ къ яхтѣ.

Домъ былъ огромный и состоялъ изъ множества комнатъ. Больного помѣстили въ нижнемъ этажѣ. Тамъ же были отведены комнаты молодому человѣку и дѣвушкѣ.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава IX—Умирающій дьяволъ. Глава X—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимыми по-
сѣловыми Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича,
А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть I-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“, у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіяся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ уѣзжаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1232.323. Б.Б.В. на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался ибсто Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и вшиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаши, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ искони хранился бриллиантъ съ таинственнымъ надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона... Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей... Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негръ, назвавшійся Томомъ Квикомъ, и умоляетъ извѣстить его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова бесслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказываются, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣззался въ подшову сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подшовы камень...

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора.

Перси (онъ-же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Пребываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ натакивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгушева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Rakshell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблессъ яко-бы ѣздилъ въ Россію (передаются его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandapoutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валятъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемцы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ натакивается на мысль, не рекламируетъ ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, поддѣльный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Заинъ, Йогъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались все цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско... Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученіе, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“,—и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь. Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшіяся одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поимать авантюриста. Ночью онъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подѣ чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу,—и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газеты,—и все трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пытается дотронуть таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшій бриллиантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Самю, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгушеву и отдають камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргиной.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣздѣ экипажъ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи,—какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопіуса шайки разбойниковъ-иностранцевъ.

Боясь, что ихъ примутъ за этихъ разбойниковъ, друзья уходятъ и на утро узнаютъ, что Спрингъ арестованъ и проситъ о помощи. Калина отправляется къ знакомому случайно на улицѣ, родному брату и открываетъ ему тайну своего псевдонима.

Калина (Максъ Флей) проситъ брата, занимающаго видный административный постъ помочь Спрингу освободиться и тотъ предлагаетъ ему и его спутникамъ, Краббу и Спрингу, выѣхать немедленно въ имѣніе его женѣ, подѣ видомъ вновь назначенныхъ служащихъ по управленію имѣніемъ.

Устроившись въ имѣніи брата Калины, они узнаютъ въ приставшей къ берегу яхтѣ „Espera“, таинственную „Нирвану“ и оказываютъ гостеприимство ея пассажирамъ: Терве, молодой дѣвушкѣ и умирающему старику, перенесенному къ нимъ въ домъ.

ГЛАВА IX

УМИРАЮЩИЙ ДЬВУЛЬ.

Черезъ полчаса молодой человекъ поднялся наверхъ. На немъ было теперь чистое крахмаль-
к-е бѣлье и элегантный темный пиджакъ. Услы-
шавъ сдержанный говоръ на балконѣ, онъ про-
шелъ прямо туда.

Солнце давно зашло и сумерки сгустились, но огней еще не зажгли. Молодой человекъ при-
вѣтливо поклонился и занялъ предложенный ему стулъ.

— Меня зовутъ Эдвинъ Терве,—сказалъ онъ

по русски. Я по происхожденію англичанинъ, но почти съ дѣтства живу въ Россіи. Эта дѣвушка — моя близкая родственница, а большой старикъ — другъ моего покойнаго отца, также близкій мнѣ, какъ отецъ. Онъ только недавно пріѣхалъ изъ Ирландіи, гдѣ у него имѣются большія помѣстья. На моей яхтѣ „Espera“, мы путешествуемъ по Черному морю, преслѣдуя лишь одни цѣли любопытства. Три дня тому назадъ мы вышли изъ Одессы, попали въ непроглядный туманъ и сбились съ дороги. Своенравный старикъ, не принявъ въ расчетъ условія здѣшняго климата, вчера утромъ вздумалъ взять морскую ванну и схватилъ простуду... Это и

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—45.

заставило насъ какъ можно скорѣе искать пристанища на сушѣ. Я не сомнѣваюсь, что его закаленный организмъ скоро справится съ болѣзнью и мы недолго будемъ злоупотреблять вашимъ гостепріимствомъ.

— Мы готовы оказывать вамъ его до тѣхъ поръ, пока это будетъ вамъ пріятно,—сказалъ мистеръ Флей:—но все же въ интересахъ больного вамъ было бы практичнѣе направить вашу яхту не сюда, гдѣ трудно найти хорошаго врача, а въ городъ.

— Ваше гостепріимство пріобрѣтаетъ для насъ безцѣнное значеніе, если вы позволите не объяснять вамъ причины нашего выбора...

Мистеръ Флей элегантно наклонилъ голову. Я и не спрашиваю васъ. Вы можете расположиться внизу, какъ у себя дома. Сейчасъ вамъ принесутъ туда обѣдъ. Надѣюсь, вы не откажетесь.

— Напротивъ, у насъ вышла вся провизія и мы очень гододны. Я также желалъ бы узнать, — прибавилъ онъ поднявшись, — кому я долженъ чувствовать себя благодарнымъ?..

— Мое имя Максъ Флей. Я здѣсь не хозяинъ, а только управляющій, но пользуюсь полнымъ правомъ распоряженія, а это мои друзья—Спрингъ и мистеръ Краббъ, который говоритъ только по-англійски.

— Только по-англійски!—съ чрезвычайнымъ волненіемъ проговорилъ Эдвинъ Терве.

— Только по-англійски. Онъ американецъ изъ С.-Франциско... Вы не знакомы съ этимъ городомъ?

— Да... Или почти нѣтъ... Не много!—какъ-то вдругъ поблѣднѣвъ и смѣшавшись, отвѣтилъ Терве и скороговоркой прибавилъ.—Я больше не смѣю... Мое почтеніе...—Быстро поклонился или скорѣе—убѣжалъ съ балкона.

— Тш... ни слова!—Чуть слышнымъ шопотомъ произнесъ Спрингъ:—дайте ему уйти... Кажется, онъ спустился съ лѣстницы... Да, да, онъ уже внизу. Держу пари на мою голову, что «Espara» есть не болѣе, какъ перекрашенная «Nirvana». И послѣ этого вы будете отрицать, что это судьба, что тутъ есть таинственное предопредѣленіе?

— Дорогой Краббъ,—сказалъ мистеръ Флей:—пощупай пульсъ у мистера Спринга. — Онъ помѣшался.

— Въ такомъ случаѣ и меня надо посадить въ сумасшедшій домъ, или въ Россію еще не вывелись привидѣнія,—сказалъ Краббъ.—Да развѣ ты не замѣтилъ, какъ онъ поблѣднѣлъ и смѣшался при одномъ напомниманіи о Санъ-Франциско? Что касается меня, то я твердо увѣренъ, что видѣлъ его въ мастерской нашего знаменитаго маэстро Шериссона, въ тотъ день, когда мы, тринадцать американскихъ свѣтилъ, писали совмѣстную знаменитую картину для миллионера Фулда и за-тракали настоящими русскими яйцами.

Рис. Н. Герардова.

— Тш... ни слова! Дайте ему уйти...

— Это правда, — подтвердилъ Спрингъ.

— Только онъ тогда былъ выкрашенъ въ черный цвѣтъ и называлъ себя Томомъ Квикомъ... Онъ стоналъ отъ боли и я щупалъ его пульсъ, а маэстро Шериссонъ...

Мистеръ Флей ударилъ себя ладонью по лбу. — Четырнадцать тысячъ дьяволовъ,—воскликнулъ онъ:—Боксъ маэстро Шериссона!... Бриллиантъ, похищенный въ «Кривавой мышеловкѣ».

Князь Янгушевъ... Убійство прекрасной баронессы... Да какъ же я ослѣплъ?..

— Ни слова. Больше ни слова! Онъ не долженъ подозрѣвать... иначе все разлетится! —сказалъ Спрингъ.—Но неужели вы еще посмѣете утверждать, что это не судьба, которая посылаетъ мнѣ блестящій, невиданный, неслыханный матеріалъ для моихъ будущихъ статей въ «Желтомъ Калифорнійцѣ»?.. О, и еще этотъ старикъ!.. Въ немъ, должно быть, заключается стержень этой адской тайны. Наверно, онъ даже и не старикъ и не боленъ... Чортъ возьми! Я захлебываюсь отъ предвкушенія разгадки этой проклятой тайны.

Въ одномъ только ошибался Спрингъ: больной былъ дѣйствительно старикъ, и старикъ былъ дѣйствительно боленъ. И случилось это не вчера утромъ, какъ объяснялъ капитанъ Терве, а гораздо раньше, вскорѣ послѣ того, какъ онъ, бросившись въ море съ парохода «Апполонъ», насквозь промокшій и продрогшій, выползъ на лалубу «Нирваны».

Въ ту же ночь у него стремительно поднялась температура и онъ потерялъ сознание. Небольшія познанія въ медицинѣ миссъ Эвелины и еще меньшія самого Терве, и помощь маленькой аптечки, которая всегда находилась на яхтѣ, ничего не помогли. Жаръ усиливался, термометръ показывалъ до сорока градусовъ.

Нѣтъ возможности описать горе капитана Терве. Ему казалось, что старикъ Укко, несмотря на испытанную крѣпость его организма, не выдержитъ такого пароксизма и тогда...

О, тогда погибнетъ великое дѣло, которому онъ отдалъ всѣ свои силы. Онъ, конечно, самъ полонъ огненной энергіи, но развѣ ему справиться — неопытному, не успѣвшему еще закалить свое сердце? Развѣ рука его способна не дрогнуть, когда нужно убрать съ дороги человѣка, хотя бы близкаго, дорогого, родного, если онъ приноситъ вредъ общему дѣлу? Только онъ одинъ, этотъ желѣзный человѣкъ съ гранитнымъ сердцемъ, умѣетъ это сдѣлать.

О, сколько онъ ихъ устранилъ уже — безъ колебаній и безъ жалости! Баронесса Марія — быть можетъ, это было самымъ эффектнымъ его дѣломъ, но не самымъ страшнымъ. Старый Укко не человѣкъ, это какая-то воплотившаяся въ человеческомъ образѣ высшая карающая сила.

Рис. Н. Герардова.

На широкой кровати, прикрытый шелковым одѣяломъ, лежалъ старый Укко...

И, кромѣ того, онъ держитъ въ своихъ цѣпкихъ и сильныхъ рукахъ всѣ нити. Есть такія тайны, которыхъ не знаетъ ни одинъ человѣкъ, кромѣ него. И его, Перси, онъ давно избралъ, чтобы сдѣлать своимъ преемникомъ. Но онъ не готовъ, о, далеко еще ему до готовности. И вотъ этотъ человѣкъ умереть, никому не передавъ своихъ тайнъ. Что станетъ тогда съ дорогимъ, великимъ дѣломъ?

А яхта между тѣмъ блуждала среди тумана. И, такъ какъ бѣда никогда не приходитъ одна, то явилась и другая: матросъ Тимоша, единственный человѣкъ на яхтѣ, знакомый съ мѣстностью, вотъ уже двадцать четыре часа спалъ и повидимому не думалъ просыпаться. Его всячески расталкивали, но онъ не открывалъ глазъ. Очевидно, Терве впопыхахъ всыпалъ ему въ вино двойную порцію порошка. И еще проснется ли онъ?

Тимоша проснулся, но долго не могъ прийти въ себя. Еще сутки прошли въ бесполезномъ блужданіи. Въ это время Терве распорядился изъ осторожности — переокрасить имя яхты на «Espara». Наконецъ, матросъ оправился, осмотрѣлся и какимъ-то чутьемъ истого моряка опредѣлилъ направленіе и яхта пошла прямо къ берегу.

И вотъ теперь они въ чьей-то усадьбѣ, пользуются гостепріимствомъ какихъ-то странныхъ людей. Разговоръ на балконѣ не внушилъ капитану Терве никакихъ опредѣленныхъ подозрѣній. Онъ сидѣлъ лицомъ къ лицу съ Флеемъ, котораго благодаря отсутствію бороды и болѣе близкіе не узнали бы, а Спрингъ и Краббъ помѣщались поодаль, и ихъ трудно было разглядѣть при свѣтѣ суме-

рекъ. Но одно напоминаніе о С.-Франциско заставило всю его кровь отхлынуть отъ сердца.

«Почему этимъ любезнымъ господамъ не оканзаться шпіонами? Почему не допустить, что по всему побережью устроены засады? И что-же, попасться въ капканъ такъ глупо и такъ черезчуръ ужъ дешево?»

И у него явилась мысль, какъ только наступитъ ночь, тихонько перенести старика обратно на яхту, сняться съ якоря и пуститься хотя бы на вѣрную гибель, но гибель въ открытомъ свободномъ морѣ, а не въ сѣтяхъ врага.

Но это была только мимолетная мысль, которая не созрѣла и не превратилась въ рѣшеніе. Наступила ночь. Положеніе стараго Укко съ каждымъ часомъ ухудшалось.

Въ большой комнатѣ, уставленной старинной тяжелой мебелью, съ тремя большими окнами, выходившими въ садъ, на широкой кровати, прикрытый мягкимъ шелковымъ стеганнымъ одѣяломъ, лежалъ старикъ. Онъ походилъ на гигантскій скелетъ, обтянутый кожей. Щеки его глубоко ввалились, скулы выдвинулись, кожа походила на старый потемнѣвшій отъ времени и пыли пергаментъ.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава IX—Умирающій дьяволъ. Глава X—Стрш-
гая исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимыми по-
слѣловіемъ Вас. Ре-
гнинна,

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть І-ая.

Въ трущобахъ Санъ-Франциско, въ притонѣ „Кровавая Мышеловка“ у капитана русск. судна, кн. Енгушева, за игрой пропадаетъ великолѣпный бриллиантъ. Для успокоенія явившейся въ притонѣ красавицы баронессы Маріи, кн. показываетъ оставшіся у него „дубликатъ“ бриллианта, но принимаетъ мѣры къ отысканію настоящаго. Ночью онъ убѣждаетъ отъ баронессы къ себѣ въ отель и даетъ распоряженіе своему вахтенному Федору слѣдить за автомобилемъ № 1232.323. Б.Б.Б. на которомъ уѣхалъ изъ притона воръ съ украденнымъ бриллиантомъ.

Воромъ оказался инокъ Перси. Въ темномъ подвалѣ негритянки Салли онъ перекрашивается въ черный цвѣтъ и поступаетъ лакеемъ—негромъ къ своей матери, и шиваетъ бриллиантъ себѣ подъ кожу на колѣнѣ.

Въ этотъ же день живописецъ Шеррисонъ увѣряетъ своихъ друзей, что этотъ камень когда-то принадлежалъ ему, далъ ему славу и счастье. Безумная дочь банкира Гаша, родственница Ротшильдовъ, у которыхъ исконно хранился бриллиантъ съ таинственною надписью, положила его въ люльку только что родившагося Шеррисона. Было преданіе, что бриллиантъ принадлежалъ царю Соломону, потомъ имп. Титу, прошелъ черезъ руки многихъ королей, князей и рыцарей. Во время разсказа художника въ комнату вбѣгаетъ негритянка Томомъ Квикомъ, и умоляетъ изъять его отъ мучительной боли въ колѣнѣ. Шеррисонъ ударяетъ негра по ногѣ. Изъ колѣна выскакиваетъ бриллиантъ, катится по полу и снова безслѣдно исчезаетъ.

Съ этого момента счастье не покидаетъ Шеррисона. Онъ снова становится знаменитымъ и богатымъ. Оказывается, все время онъ носилъ бриллиантъ (который вѣздаль въ подошву сапога) съ собой. Художникъ даритъ сапоги своему лакею. Тотъ вынимаетъ изъ подошвы камень.

Люди кн. Енгушева, сторожившіе проѣздъ Перси, нечаянно убиваютъ Федора. Перси (онъ же Томъ Квикъ) смотритъ въ кинематографъ картину „Прѣбываніе русской эскадры въ Санъ-Франциско“, замѣчаетъ на палубѣ крейсера кн. Енгушева и покупаетъ ленту этой картины. Дома, черезъ микроскопъ, онъ разсматриваетъ у кн. Енгушева бриллиантъ, а въ послѣднемъ три цифры: 1... 7... 2...

Послѣ этого Томъ Квикъ (онъ же мистеръ Перси)... на чистомъ русскомъ языкѣ пишетъ шифрованное донесеніе въ Петербургъ о своемъ открытіи. Кн. Енгушевъ, по мнѣнію Перси, важный участникъ тайной организаціи, поставившей себѣ задачей уничтоженіе войны и созданія единого государства.

Подписавшись „ротмистръ Персинъ“, онъ уходитъ изъ дому, оставивъ тамъ адскую машину и предупредивъ о томъ свою старую няньку Салли. Утромъ, захвативъ къ баронессѣ Маріи, кн. Енгушевъ наталкивается на ужасную картину: баронесса и ея горничная звѣрски убиты.

Немедленно появляются инспекторъ полиціи Дью и репортеръ Спрингъ. Осмотръ убитыхъ далъ загадочный результатъ: одинъ глазъ баронессы былъ вырванъ и въ орбиту вставленъ дубликатъ рокового бриллианта кн. Енгушева. Князь клянется отомстить за смерть баронессы, но инспекторъ Дью арестуетъ его въ виду того, что половину ночи князь провелъ у баронессы.

Знаменитый сыщикъ Санъ-Франциско, мистеръ Джонъ Кёблессъ, начинаетъ печатать въ газетѣ „The Ruckell“ сенсационныя разоблаченія прошлаго кн. Енгушева. Въ погонѣ за послѣднимъ, м-г Кёблессъ якобы вѣздаль въ Россію (передается его впечатлѣнія отъ этой „варварской страны“) и тамъ видѣлся съ кн. Jngouche-Sandaloutha. Князь обрисованъ, какъ личность таинственная и неуловимая.

Жители С.-Франциско осаждаютъ улицу Доугъ-Стритъ, толпами валютъ въ „Кровавую Мышеловку“, о которой такъ много говорилось въ газетахъ. Появились въ притонѣ и гениальные „богемы“ съ Шеррисономъ во главѣ.

Репортеръ Спрингъ наталкивается на мысль, не рекламируетъ ли все происшедшее съ бриллиантомъ. Онъ мчится къ инспектору полиціи Дью, гдѣ и заявляетъ, что камень, найденный въ глазѣ баронессы, подлинный. Въ то же время у инспектора появляется ювелиръ Неври и узнаетъ камень, сдѣланный имъ за 4 часа до убійства баронессы по заказу Енгушева. Неври долго разсказываетъ о свойствахъ и особенностяхъ разныхъ камней и о бриллиантѣ князя Енгушева. Цифры 172, по увѣренію ювелира, есть еврейскія буквы: Гимель, Занитъ, Йотъ.

Во время его разсказа къ инспектору является м-г Кёблессъ и докладываетъ, что негритянка „Черная Салли“ взорвала подвалъ, вѣрная приказанію м-га Перси, желавшаго уничтожить свои бумаги. Документы, однако, какъ успѣлъ разслѣдовать знаменитый сыщикъ, остались всѣ цѣлы и представляли громадный интересъ государственной важности.

Часть II-ая.

„Въ Россіи...“ Командоръ Н—скаго яхтъ-клуба Бодряго бесѣдуетъ со своимъ сослуживцемъ Стопманомъ о происшествіи въ „Кровавой Мышеловкѣ“ и дальнѣйшихъ событіяхъ въ С.-Франциско. Оказывается, что командоръ Бодряго бывалъ самъ въ этомъ городѣ...

На морѣ происходитъ обычное ученье, маневры яхтъ-клуба...

Поздно вечеромъ къ яхтъ-клубу подходитъ яхта „Нирвана“, и ея капитанъ, Эдвинъ Терве, членъ Н-скаго яхтъ-клуба, бросаетъ здѣсь якорь.

Матросъ Тимофей Павловъ по его приказанію сходитъ на берегъ узнать, пріѣхали ли въ гостиницу старая миссъ съ негритянкой и миссъ Эвелина Деконоръ. Оставшись одинъ, Терве просматриваетъ бумаги, касающіяся авантюры кн. Енгушева и баронессы Маріи и даетъ клятву поймать авантюриста. Ночью онъ встрѣчается въ гостиницѣ свою мать и Черную Салли. Мать проситъ сына кончить всѣ маскарады и жизнь подѣлать чужими именами. Мистеръ Перси напоминаетъ матери клятву, данную имъ отцу, и уходитъ къ миссъ Эвелинѣ, обѣщая вернуться черезъ часъ.

На слѣдующій день въ кафѣ бульвара художники Краббъ и Калина, пріѣхавшіе тайно на родину, встрѣчаютъ загримированнаго репортера Спринга, выслѣживающаго кн. Енгушева по порученію своей газеты, и всѣ трое знакомятся съ членомъ Яхтъ-Клуба Нечипоренко. Послѣ изрядной выпивки, новые знакомые ѣдутъ кататься на яхтѣ Нечипоренко въ море, гдѣ встрѣчаютъ „Нирвану“ Эдвина Терве. Спрингъ пытается донести таинственную яхту, но неудачно. Эдвинъ Терве выѣзжаетъ далеко въ море, гдѣ онъ долженъ встрѣтить пароходъ, на которомъ ѣдетъ „Темный Укко“. Послѣдній бросается со спутникомъ въ воду и подплываетъ къ Нирванѣ. Укко нашелъ пропавшій бриллиантъ, и теперь члены масонскаго ордена (Сампо, Терве, Эвелина, Укко) клянутся мстить кн. Енгушеву и отдають камень на храненіе Эвелинѣ—Екатеринѣ Изоргиной.

Яхта Нечипоренко „Иванъ Ивановичъ“ тонетъ на глазахъ пассажировъ „Нирваны“ и Терве спасаетъ Спринга, Крабба, Калину и Нечипоренко. На улицѣ города Калина (Максъ Флей) видитъ въ проѣздѣ экипажъ своего родного брата, съ которымъ давно разстался, ѣдетъ вслѣдъ за нимъ и узнаетъ адресъ.

Въ кофейнѣ, куда онъ возвратился, и гдѣ ожидали его товарищи, какой-то южанинъ разсказываетъ о нападеніи на директора гимназіи Велопуса шайки разбойниковъ-иностранцевъ.

Боясь, что ихъ примутъ за этихъ разбойниковъ, друзья уходятъ и на утро узнаютъ, что Спрингъ арестованъ и проситъ о помощи. Калина отправляется къ знакомому случайно на улицѣ, родному брату и открываетъ ему тайну своего псевдонима.

Калина (Максъ Флей) проситъ брата, занимающаго видный административный постъ, помочь Спрингу освободиться и тотъ предлагаетъ ему и его спутникамъ, Краббу и Спрингу, выѣхать немедленно въ имѣніе его жены, подѣломъ вновь назначенныхъ служащихъ по управленію имѣніемъ.

Устроившись въ имѣніи брата Калины, они узнаютъ въ приставѣ къ берегу яхтъ „Бѣрегъ“, таинственную „Нирвану“ и оказываютъ гостепріимство ея пассажирамъ: Терве, молодой дѣвушкѣ и умирающему старика, перенесенному къ нимъ въ домъ.

Капитанъ Терве, познакомившись съ хозяевами гостепріимнаго дома, бѣжитъ, что его узнаютъ и предполагаютъ ночью уѣхать въ море. Старому Укко становится хуже.

ГЛАВА IX УМИРАЮЩИЙ ДЬВАОЛЬ.

Изъ устъ его непрерывно вылетали слова бреда, иногда непонятныя, но вдругъ среди нихъ вырвались другія слова съ какимъ-то особеннымъ непостижимымъ значеніемъ, которое мучительно хотѣлось разгадать. Странныя слова. Въ нихъ даже для самаго Терве заключался какой-то тревожный смыслъ.

И по мѣрѣ того, какъ усиливался жаръ, все чаще и чаще повторялось одно слово: «Марія... Марія... Марія...» Съ стиснутымъ сердцемъ довить

это слово молодой человѣкъ, жаднымъ слухомъ впивался онъ въ другія слова, которыя летѣли ему въ догонку и, напрягая всѣ свои умственные силы, старался связать ихъ и прочесть скрытую въ нихъ тайну. А тайна была, даже для него, который зналъ такъ много. Чувствовалось что-то новое, ему неизвѣстное и чудовищное.

Страстно желавшій проникнуть въ эту тайну и въ то же время страшившійся ее, капитанъ Терве уговорилъ миссъ Эвелину остаться въ своей комнатѣ и одинъ, не смыкая глазъ, всю ночь стоялъ надъ ложемъ умирающаго страшнаго старика.

Рис. И. Герардова.

Мой сын! Я умираю...

«Марія... О, Марія... Вся моя жизнь... всё богатства... я нажил ихъ нечеловѣческимъ терпѣніемъ въ теченіе семидесяти лѣтъ жизни... Не стоитъ твоего ногтя... Проклятіе... Эти глаза... Отраженіе царства небеснаго... Проклятіе ада... Ихъ цѣловаль другой... Тотъ, тотъ несчастный... Ага!.. Онъ вырванъ изъ орбиты... Этотъ глазъ... Этотъ глазъ... Его ужъ никто не будетъ цѣловать... Царица... Позолотившая новымъ счастьемъ мою сѣдину... Марія, Марія... Прекраснѣйшее созданіе Творца... А ты, старый рабъ жизни... Измѣна... Ну, да, онъ молодъ... О, блудница!.. Старый рабъ растопталъ твою красоту своей пятой... Проклятіе!.. Марія, Марія, Марія!»

И онъ весь трепеталъ и корчился какъ бы отъ злобы, и въ то же время отъ какого-то мстительнаго сладострастія.

Слушалъ эти слова капитанъ Терве и въ ужасѣ отталкивалъ отъ себя ихъ смыслъ, который съ каждымъ новымъ словомъ становился все яснѣе для него.

«Нѣтъ, не можетъ быть... Какъ? Укко? Святой Укко, добровольно отдавшій все свое колоссальное богатство на общее великое дѣло?... Человѣческая страсть... Низкая месть... Звѣриная ревность... Не можетъ быть. Никогда. Въ больномъ бреду представленія своей и чужой жизни причудливо переплетаются. И, конечно, все это чужое, чужое... Это не можетъ быть его. И что за нелѣпость искать смыслъ въ горячечномъ бреду!»... Такъ успокаивалъ онъ себя.

Но тревога, разъ заглянувъ въ его сердце, не покидала его.

Когда начало свѣтать, вдругъ произошло что-то необъяснимое. Старикъ успокоился, бредъ прекратился, глаза его прояснились. Казалось, весь жаръ, который сжигалъ его, изсякъ.

Онъ обвелъ взоромъ комнату и, увидѣвъ молодого человѣка, въ напряженной позѣ стоявшаго у изголовья, съ усиліемъ приподнялъ руку, какъ бы желая протянуть ее и тихимъ голосомъ произнесъ.

— Матти! Ты здѣсь?

— Это я, отецъ. Я здѣсь,—откликнулся Терве и взялъ его руку.

— Мой сын! Я умираю... Какой-нибудь часъ и меня не станетъ.

— Этого не можетъ быть... Этого не должно быть... Наше дѣло! Наше великое предпріятіе... Оно погибнетъ безъ тебя... Я такъ еще молодъ и неопытенъ. Я такъ мало знаю...

— Кто вѣритъ, тотъ можетъ все, а ты вѣришь, Матти...

— Да, я вѣрю. Но наши враги такъ сильны. А эта непростительная ошибка — бумаги, которыя не удалось вырвать тогда въ квартирѣ Черной Салли...

Старый Укко съ усиліемъ усмѣхнулся. — Мой глупый мальчикъ... Прежде, чѣмъ ты сѣлъ на «Нирвану» съ Порсмутской гавани, эти бумаги были перенесены на яхту...

Какъ? Тебѣ удалось добыть ихъ? Но это почти невозможно.

— О, все можно добыть на этомъ свѣтѣ. Бумаги были въ рукахъ сыщика Кёблеса и инспектора Дью, въ С.-Франциско; но оба эти почтенные джентльмены теперь оставили свое ремесло и занялись выгодными поставками бразильскаго

скота для продовольствія арміи сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ... Капиталъ этого предпріятія составляетъ двѣсти тысячъ долларовъ, которые они получили отъ меня за бумаги.

— Но если они на яхтѣ...

— Будь спокоенъ... Я не умру, не устранивъ эту улику.. Въ послѣднюю минуту... А теперь, мой сынъ... Я старый ирландскій фермеръ... весь мой родъ отличался привязанностью къ церкви... Я прожилъ бурную жизнь. Но наступаетъ часъ, когда я долженъ отдать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Бремя моихъ грѣховъ тяжелое. О, это такая тяжелая ноша, съ которою не впускаютъ въ райскія врата... Я хочу облегчить ее исповѣдью... Пусть придетъ вашъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ и отпуститъ мои грѣхи.

— Но здѣшній священникъ навѣрно не знаетъ англійскаго языка, на которомъ ты говоришь.

— Но Богъ знаетъ всѣ языки, мой сынъ... Я буду говорить на своемъ языкѣ. И Богъ услышитъ. Пусть придетъ священникъ. Но не теряй минуты. Близко, близко... Я вижу уже жало смерти, готовое впиться въ мое тѣло... Погоди, еще одно слово. Во время исповѣди я долженъ быть съ глазу на глазъ съ священникомъ... Ты это поймешь. Душа моя должна быть свободна... Никто, ни одинъ человѣкъ... Слышишь, Перси? Ни одна душа не должна стоять между мною и Богомъ. Даже ты, мой сынъ... О, скорѣе...

Онъ изнемогъ отъ долгой рѣчи и безсильно закрылъ глаза.

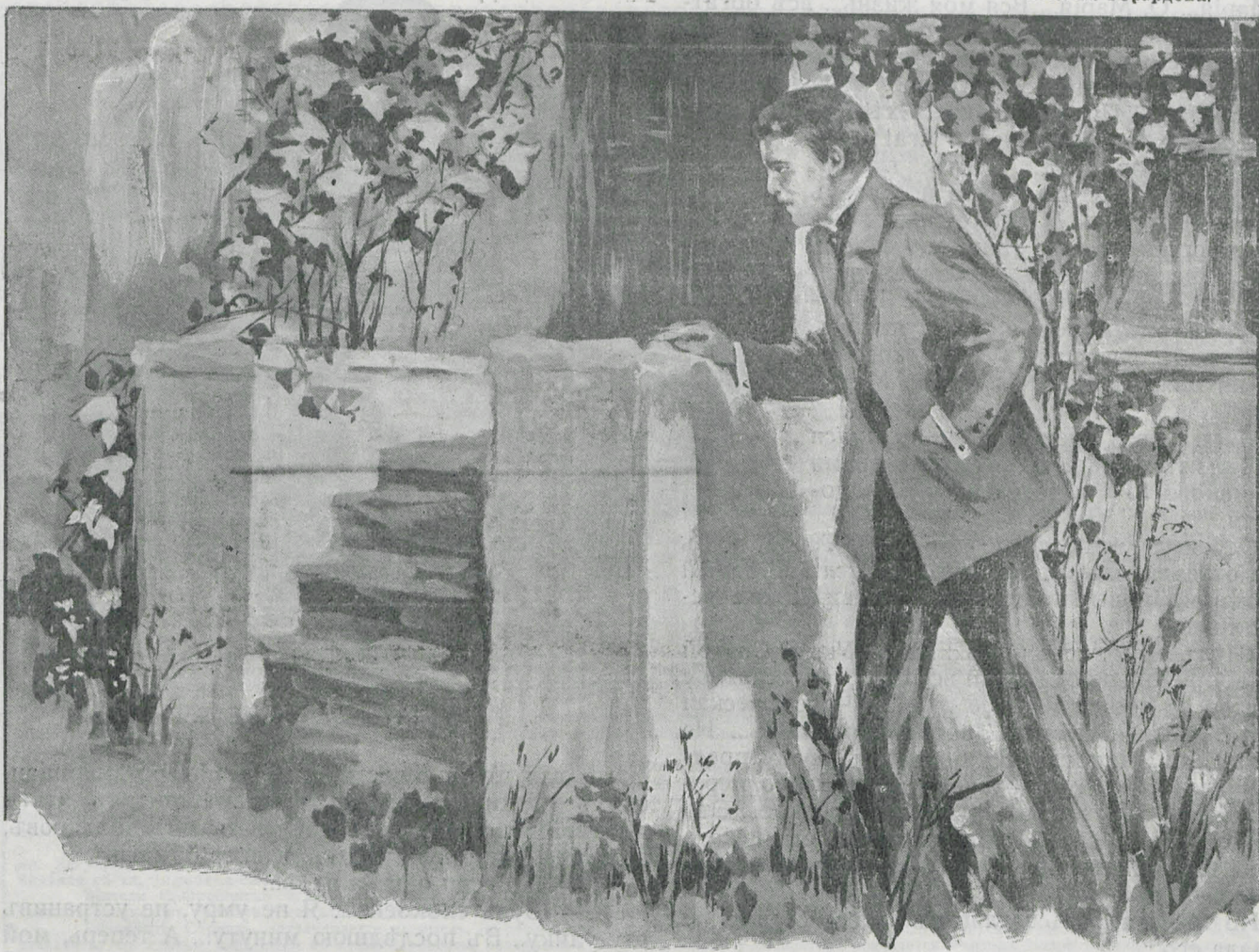
Капитанъ Терве вышелъ изъ комнаты и на минуту заглянулъ въ комнату миссъ Эвелины. Онъ былъ увѣренъ, что она не спитъ. Такъ и оказалось. Тревожными шагами всю ночь ходила она по комнатѣ.

— Ну, что? — спросила она.

— Онъ умираетъ... Онъ проситъ призвать священника... Ты не ходи туда. Онъ забылся... Какая это была ночь, Эвелина! О, еслибъ ты знала...

Онъ вышелъ въ садъ. Станнымъ показалось ему, что въ эту минуту какая-то тѣнь вдругъ от-

Рис. Н. Герардова.

Капитанъ Терве вышелъ въ садъ. Страннымъ показался ему шорохъ кустовъ и движеніе ихъ верхушекъ.

шмыгнула отъ окна, которое выходило изъ комнаты умирающаго. И еще болѣе страннымъ показался ему необыкновенный шорохъ кустовъ и движеніе ихъ верхушекъ.

Но ему было не до того. Онъ обогнулъ домъ и съ другой стороны вошелъ въ него и поднялся по лѣстницѣ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что ему придется будить хозяевъ, но каково было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ на балконѣ не только все маленькое общество въ полномъ сборѣ, но и богато сервированный утренній завтракъ на столѣ. Оказалось, что джентльмены верхняго этажа просто напросто не ложились спать, такъ какъ имъ мѣшало волненіе по поводу всего происходившаго въ домѣ.

Капитанъ Терве извинился за столь ранній приходъ и объяснилъ, что умирающій старикъ желаетъ видѣть у своей постели священника для послѣдняго напутствія. При этомъ онъ прибавилъ, что больной ни слова не говоритъ по русски и чтобы объ этомъ предупредили священника. Мистеръ Флей обѣщалъ сейчасъ же распорядиться.

— Я далъ бы отрубить себѣ палецъ на лѣвой ногѣ, — сказалъ Спрингъ, когда капитанъ ушелъ, — чтобы только вести переговоры съ священникомъ. Подумай, Флей, это дало бы мнѣ право въ послѣдствіи написать цѣлую книгу: «The Russian Priest» — русскій священникъ и его положеніе среди родного народа... Но я здѣсь слышу за американца, не говорящаго по-русски.

— Ты можешь не говорить, а только слушать,

— сказалъ Флей. — Вмѣстѣ съ тобой отправится главный приказчикъ.

— Да, но я могу здѣсь прозѣвать, быть можетъ, замѣчательныя событія. Съ минуту на минуту они должны произойти, я это явственно чувствую своимъ репортерскимъ нюхомъ.

Тотчасъ же въ деревню, которая лежала рядомъ съ усадьбой, былъ отправленъ въ экипажѣ старшій приказчикъ. Ему пришлось стучаться въ закрытыя ставни священническаго дома, такъ какъ тамъ всѣ еще спали, а потомъ долго объяснять заспанному батюшкѣ, что отъ него требуется. Священникъ былъ старъ и нѣсколько глуховатъ, а приказчикъ объяснялъ пристрастно, такъ какъ онъ самъ никакъ не могъ переварить этой мысли, что бы какого-то американскаго жителя, который, хотя и былъ христіанинъ, но, по его мнѣнію, не въ достаточной степени, напутствовалъ на тотъ свѣтъ православный батюшка.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:

Глава IX.—Умирающій дьяволъ. Глава X.—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гиѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимымъ по-
дѣловіемъ Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гиѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть 1-ая.

Въ притонѣ „Кровавая мышеловка“ за игрой въ рулетку, у кн. Енгусева исчезаетъ бриллиантъ. Этотъ камень, на которомъ были вырѣзаны таинственные знаки, служилъ печатью комитета таинственныхъ заговорщиковъ. Воромъ оказался жандармскій ротмистръ Персингъ, который подъ видомъ мистера Перси, давно слѣдилъ за княземъ. Перси перекрашивается въ негра и зашиваетъ камень подъ кожу, но случайная встрѣча съ компаніей художниковъ и ударъ бокса, полученный Персинымъ, служатъ причиной новаго исчезновенія камня. Своей возлюбленной, баронессѣ Маріи, Енгусевъ даритъ дубликатъ камня, и въ одно утро Марію находятъ при загадочной обстановкѣ убитой, причемъ бриллиантъ находятъ у нея, вложеннымъ на мѣсто вырваннаго глаза. Убийство подымаетъ на ноги какъ полицію, такъ и всю прессу, и одинъ изъ представителей послѣдней, репортеръ Спрингъ, выказываетъ чудеса ловкости и находчивости въ поискахъ за преступниками. Онъ уѣзжаетъ въ Россію, куда по его догадкамъ, они скрылись.

Часть 2-ая.

Въ Россіи Спрингъ встрѣчается въ кафе съ товарищами, художниками Краббомъ и Калиной и передаетъ имъ свои подозрѣнія относительно недавно прибывшей въ этотъ городъ яхты „Нирваны“, которая остановилась въ тавернѣ яхт-клуба. Счастливая встрѣча друзей съ членомъ клуба, Нечипоренко, даетъ возможность Спрингу попасть на таинственную яхту. Спрингъ арестовываютъ и усилиями Калины, и его брата, занимающаго видный административный постъ, освобождаютъ. Братъ Калины совѣтуетъ всѣмъ (Краббу, брату и Спрингу) укрыться у него въ имѣніи подъ видомъ служащихъ, куда они и уѣзжаютъ, подъ видомъ трехъ американцевъ. Случайно пристававшая къ берегу яхта „Esperanza“ оказывается старой „Нирваной“ на которой путешествуетъ Перси, подъ именемъ Терве. Отецъ Терве (старый Укко) умираетъ и его переносятъ въ домъ, гдѣ Спрингъ прилагаетъ всѣ усилія узнать тайну камня изъ исповѣди умирающаго.

ГЛАВА IX УМИРАЮЩІЙ ДЬЯВОЛЪ.

Но священникъ оказался другого мнѣнія. Какъ только онъ разобралъ, въ чемъ дѣло, то сейчасъ же и согласился.

— Всѣ люди передъ Богомъ равны, въ особенности же въ часъ смерти, и священникъ не имѣетъ права никому отказать въ напутствіи, разъ онъ этого желаетъ.

Онъ быстро одѣлся, захватилъ съ собой необходимые принадлежности и поѣхалъ въ усадьбу.

Свѣтало, но еще далеко было до восхода солнца, когда усадебный экипажъ подъѣжалъ къ воротамъ сада. Священникъ здѣсь сошелъ на землю и поспѣшно пошелъ въ домъ.

У старшаго приказчика между тѣмъ и другихъ хлопотъ былъ полонъ ротъ. Вокругъ него происходили какія-то событія, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, но догадывался, что тутъ пахнетъ чѣмъ-то недобрымъ.

Съ вечера онъ былъ взволнованъ приходомъ къ ихъ берегу какого-то страннаго судна. Онъ служилъ въ усадьбѣ уже полтора десятка лѣтъ и никогда ничего подобнаго не случалось. На дальнемъ горизонтѣ проходило множество пароходовъ и всякаго рода судовъ, но владѣльцамъ ихъ и въ голову не приходило приставать здѣсь. И вдругъ, цѣлое судно, съ высокой мачтой, съ полнымъ мореходнымъ снаряженіемъ. Изъ судна вышли какіе-то люди, втащили въ помѣщичій домъ какого-то больного старика. Да, наконецъ, и самые американцы вызвали въ немъ и у всѣхъ служащихъ глубокое недоумѣніе. Что за люди такіе? Управляющій, который ничѣмъ не интересуется, конторщикъ, который книгами не занимается и механикъ, который боится подойти къ машинѣ.

Люди эти ѣдятъ и пьютъ, гуляютъ и разговариваютъ и въ этомъ вся ихъ служба. Да и гдѣ видано, чтобы главный управляющій дружилъ съ конторщикомъ и машинистомъ?

Обо всемъ этомъ онъ размышлялъ и велъ тихіе разговоры со служащими, но никакихъ мѣръ предпринять не могъ, такъ какъ у него была бумага отъ самого Павла Мартыновича.

Но тревога его усилилась, а мысли совершенно спутались, когда въ эту ночь, вскорѣ послѣ двѣнадцати часовъ, въ окно занимаемой имъ квартиры постучались. Онъ проснулся, наскоро напялилъ кафтанъ и вышелъ.

Какой-то совершенно незнакомый человѣкъ, въ синихъ очкахъ, съ круглыми стеклами, ткнулъ ему въ руку конвертъ. Онъ вошелъ въ домъ, зажегъ свѣчу и прочиталъ. Тамъ была бумага отъ Павла Мартыновича. Въ ней предписывалось — подателю и прибывшимъ съ нимъ людямъ дать помѣщеніе, гдѣ-нибудь подальше отъ главнаго дома, и держать въ глубочайшей тайнѣ ихъ пребываніе въ усадьбу.

— А гдѣ же люди? — спросилъ приказчикъ.

— Ты укажи помѣщеніе, а ужъ остальное до тебя не касается, — отвѣтилъ человѣкъ въ синихъ очкахъ. — Да смотри, никому ни слова, а не то худо будетъ. А ежели оттуда (онъ указалъ на главный домъ), какія приказанія будутъ, обо всемъ спрашивайся.

И при этомъ приказчику показалось, что у человѣка въ синихъ очкахъ, подъ пиджакомъ, блеснуло что-то, похожее на револьверъ. Изъ этого онъ заключилъ, что дѣло дѣйствительно серьезное, и больше не задавалъ никакихъ вопросовъ, а просто отвелъ помѣщеніе во флигелѣ, который стоялъ особнякомъ, въ глубинѣ сада.

Послѣ этого онъ, разумѣется, уже не спалъ, а сидѣлъ въ своей квартирѣ и ждалъ, что будетъ

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—47

дальше. Никакихъ людей онъ не видѣлъ и явились они или нѣтъ, не зналъ. Но когда получилъ приказаніе ѣхать за священникомъ, сперва забѣжалъ во флигель. Человѣкъ въ синихъ очкахъ, но какъ будто уже съ другимъ лицомъ, одиноко и неподвижно сидѣлъ на крыльцѣ.

— За священникомъ? Что-жъ, это можно, — поѣзжай, — разрѣшилъ онъ и приказчикъ поѣхалъ.

Спустившись изъ верхняго этажа, капитанъ Терве вернулся въ нижнее помѣщеніе и сперва заглянулъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной. Старикъ не шевелился. Глаза его были закрыты, но грудь медленно вздымалась и опускалась. Спалъ-ли онъ, или, можетъ быть, до самозабвенія погрузился въ мысленное переживание долгаго, пройденнаго имъ, жизненнаго пути, собираясь отдать послѣдній отчетъ въ своихъ дѣлахъ.

Молодой человѣкъ безшумно притворилъ дверь и вошелъ въ комнату миссъ Эвелины. Увидѣвъ его при свѣтѣ зачинавшагося утра, она почти съ испугомъ подняла руки.

— Матти, о дорогой мой братъ, что съ тобой было? Ты какъ будто постарѣлъ на десять лѣтъ.

— Не спрашивай, Эвели! У меня не найдется словъ выразить тѣ ужасныя сомнѣнія, которыя заронила въ мою душу эта ночь. Дай мнѣ посидѣть около тебя, хоть минуту, дай взглянуть въ твои ясные глаза... Въ нихъ я находилъ поддержку, они обладаютъ способностью вливать успокоеніе въ мою тревожную душу.

Миссъ Эвелина сѣла на диванъ и, взявъ его руку, усадила рядомъ съ собой. Онъ довѣрчиво положилъ на ея плечо свою усталую голову и закрылъ глаза.

— Ты ничего не скажешь мнѣ, Матти? — тихо спросила она.

— Если-бъ у меня были слова... Но ихъ нѣтъ. При томъ же — нѣтъ, нѣтъ, Эвелина, это не можетъ быть правдой.

— Что, мой милый?

— Бредъ въ теченіе всей ночи... Слова дьявола, которыя вылетали изъ устъ святого...

— Старика? Ты называешь его святымъ?

— Всю жизнь почиталъ такимъ.

— А знаешь-ли ты, что, когда онъ появился на яхтѣ и я посмотрѣла ему въ глаза, мнѣ захотѣлось броситься въ море!

— Почему?

— Не знаю. Въ этихъ глазахъ я увидѣла цѣлый адъ. Мнѣ показалось, что на меня смотрятъ глаза самого Вельзевула.

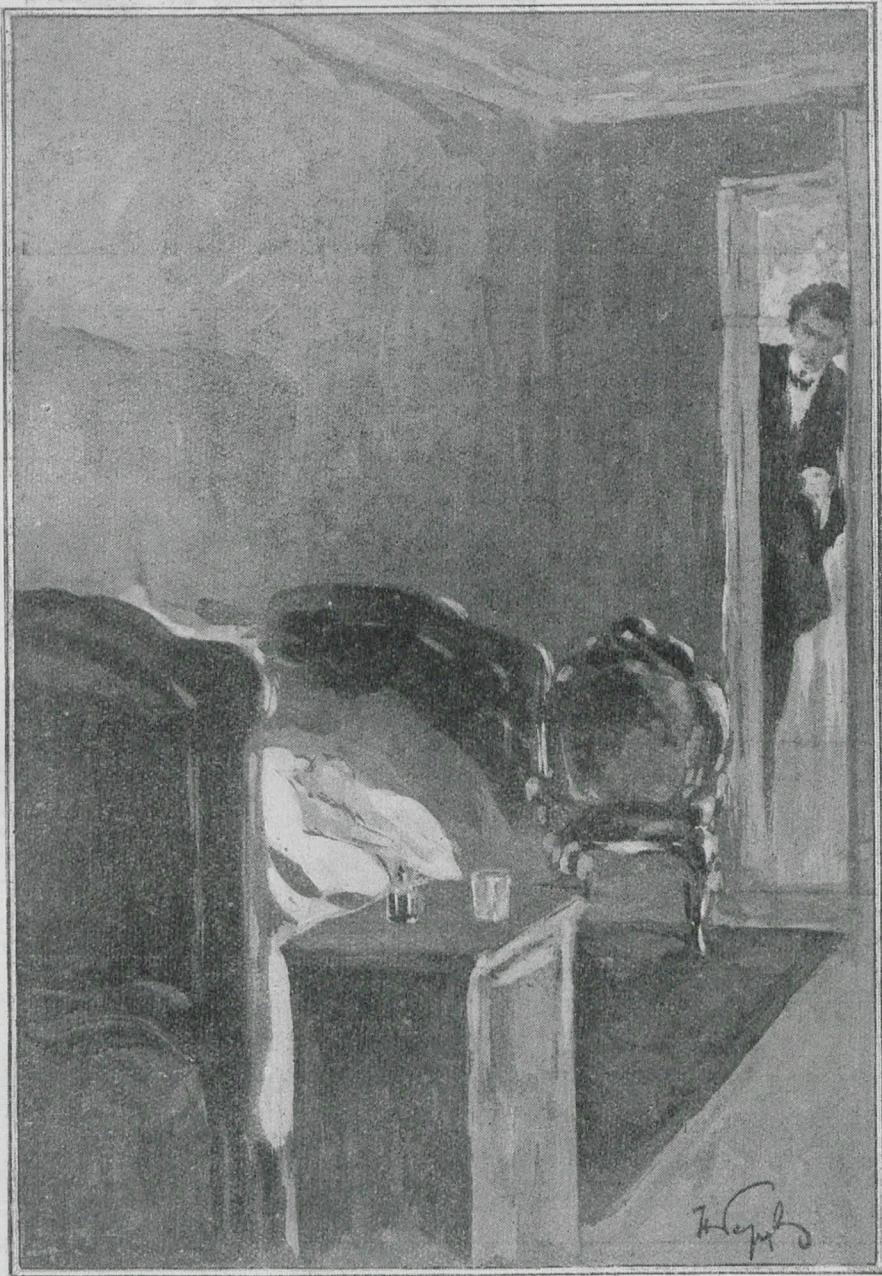
— Эвели, что ты говоришь? — съ выраженіемъ ужаса и тоски воскликнулъ Терве.

— Я ничего не знаю... Я ничего не говорю! — стараясь смягчить впечатлѣніе своихъ словъ,

промолвила миссъ Эвелина. — Но что же, что онъ... бредилъ?

— Послѣ, послѣ, дорогая Эвели. Сейчасъ произойдетъ нѣчто необыкновенное. Старикъ выразилъ желаніе покаяться въ своихъ грѣхахъ, въ присутствіи священника. За священникомъ уже послали. Старикъ потребовалъ, чтобы никто,

Рис. Н. Герардсона.

Терве заглянулъ въ комнату, гдѣ лежалъ больной. Старикъ не шевелился...

кромѣ священника, не присутствовалъ при этомъ. Слушай, Эвели! Воля страшнаго Укко всегда для меня была священна...

Страшнаго... Да, страшнаго... — про себя промолвила миссъ Эвелина.

— Его воля была для меня закономъ. Но моя душа истерзана сомнѣніями. Что, если я позволю себѣ отступить и вонъ тамъ, въ той передней, во время исповѣди, буду стоять и слушать? Это вѣроломство, низость...

— Нѣтъ, ты имѣешь право... Умирая, онъ отравилъ твою душу сомнѣніями. Ты имѣешь право искать у него же противоядія. Подумай, Матти. Отъ этого зависитъ направленіе всей твоей

Рис. Н. Герардова.

На разсвѣтъ Спрингъ тихонько прокрался въ садъ...

жизни, а значить и моей. Наконецъ, если твои сомнѣнія ложны, ты обязанъ оправдать его, стараго Укко, въ своей душѣ. Да, да, Матти, дорогой мой братъ, ты это сдѣлаешь... Ради меня, если ты чувствуешь потребность сдѣлать что-нибудь ради Эвелины.

— Это ты говоришь?—воскликнулъ Терве, поднявъ голову, и горячимъ взглядомъ посмотрѣлъ ей въ глаза.—О, Эвели, какъ ты можешь въ этомъ сомнѣваться. Ради тебя!.. Да знаешь-ли ты, что, кромѣ тебя и матери, во всемъ свѣтѣ у меня нѣтъ никого. Знаешь-ли ты, что я тебѣ поклоняюсь, что ты для меня верховное существо... Въ твоихъ глазахъ мое небо... Эвели, Эвели...

Онъ стоялъ на колѣняхъ и дрожащими руками обнималъ ея ноги и цѣловалъ ея одежды, а она охватила его голову своими руками и слезы неожиданной радости струились изъ ея глазъ.

Но во всей усадьбѣ, можетъ быть, никто такъ не волновался, какъ мистеръ Спрингъ. Когда онъ узналъ о поставленномъ болѣзнымъ старикомъ необыкновенномъ условіи для исповѣди, онъ точно сошелъ съ ума. Глаза его загорѣлись, щеки покраснѣлись, на лбу выступилъ потъ. Мистеръ Краббъ ощупалъ его пульсъ и сказалъ:

— Febris reporterica! Особая болѣзнь, свирѣпствующая въ большихъ городахъ Америки. Единственное леченіе—холодный душъ изъ пожарной кишки.

— Онъ правъ, — сказалъ Спрингъ,—но мнѣ кажется, что болѣзнь эта можетъ быть смертельна,—именно, если я не умудрюсь присутствовать при этой отходной, чтобы занести въ мою записную книжку, я умру и при томъ естественной смертью.

— Но это совершенно невозможно,—возразилъ Флей. — Если ты появишься въ комнатѣ, больной прекратитъ исповѣдь.

— А я утверждаю, что это вполне возможно. Сегодня на разсвѣтъ я тихонько прокрался въ садъ и припалъ къ окну. Его забыли плотно притворить. Я разглядѣлъ кровать, на которой лежитъ старикъ. Она довольно высока, такъ что подъ нею можешь помѣститься человекъ—разумѣется, въ полусогнутой позѣ, но это мнѣ безразлично, я вѣдь умѣю при надобности складываться перочиннымъ ножомъ. Далѣе, я видѣлъ, что старикъ послѣ бурнаго бреда потерялъ силы и забылся, а этотъ капитанъ вышелъ отъ него. И такъ, что же мнѣ помѣшаетъ сейчасъ же влѣзть въ окно и занять принадлежащее мнѣ, по репортерскому праву, мѣсто подъ кроватью. Моя записная книжка въ карманѣ, мой заячій слухъ не проронитъ ни одного звука, а стено-

графія поможетъ мнѣ записать все, слово въ слово. Взгляните въ окно: вонъ возвращается посланный и съ нимъ духовное лицо. Никакія силы неба и земли и всѣхъ другихъ планетъ, не удержатъ меня...

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:

Глава IX.—Умиравшій дьяволъ. Глава X.—Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:
А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимыми по-
сѣдствіемъ Вас. Ре-
гинина,

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича,
А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть 1-ая.

Въ притонѣ „Кровавая мышеловка“ за игрой въ рулетку, у кн. Енгушева исчезаетъ брилліантъ. Этотъ камень, на которомъ были вырѣзаны таинственные знаки, служилъ печатью комитета таинственныхъ заговорщиковъ.

Воромъ оказался жандармскій ротмистръ Персинъ, который подъ видомъ мистера Перси, давно слѣдилъ за княземъ. Перси перекрашивается въ негра и зашиваетъ камень подъ кожу, но случайная встрѣча съ компаніей художниковъ и ударъ бокса, полученный Персинымъ, служатъ причиной новаго исчезновения камня.

Своей возлюбленной, баронессѣ Маріи, Енгушевъ даритъ дубликатъ камня, и въ одно утро Марію находятъ при загадочной обстановкѣ убитой, причемъ брилліантъ находятъ у нея, вложеннымъ на мѣсто вырваннаго глаза.

Убийство подымаетъ на ноги какъ полицію, такъ и всю прессу, и одинъ изъ представителей послѣдней, репортеръ Спрингъ, выказываетъ чудеса ловкости и находчивости въ поискахъ за преступниками. Онъ уѣзжаетъ въ Россію, куда по его догадкамъ, они скрылись.

Часть 2-ая.

Въ Россіи Спрингъ встрѣчается въ кафе съ товарищами, художниками Краббомъ и Калиной и передаетъ имъ свои подозрѣнія относительно недавно прибывшей въ этотъ городъ яхты „Нирваны“, которая остановилась въ гавани яхтъ-клуба.

Счастливая встрѣча пріятелей съ членомъ клуба, Нечипоренко, даетъ возможность Спрингу попасть на таинственную яхту.

Спринга арестовываютъ и усиліями Калины, и его брата, занимающаго видный административный постъ, освобождаютъ.

Братъ Калины совѣтуетъ всѣмъ (Краббу, брату и Спрингу) укрыться у него въ имѣніе подъ видомъ служащихъ, куда они и уѣзжаютъ, подъ видомъ трехъ американцевъ.

Случайно пристававшая къ берегу яхта „Espera“ оказывается старой „Нирваной“ на которой путешествуетъ Перси, подъ именемъ Терве.

Отецъ Терве (старый Укко) умираетъ и его переносятъ въ домъ, гдѣ Спрингъ прилагаетъ всѣ усилія узнать тайну камня изъ исповѣди умирающаго. Приглашаютъ православнаго священника, и Спрингъ не смотря на уговоры пріятеля, забирается подъ кровать умирающаго...

ГЛАВА IX
УМИРАЮЩІЙ ДЬВЯОЛЬ.

— Остановись, безумный Спрингъ, — воскликнулъ Флей, схвативъ его за руки. — Ты хочешь ворваться въ душу умирающаго, когда онъ собирается раскрыть ее передъ Богомъ... Но даже и для репортера должны быть границы нравственно-дозволеннаго.

— Можетъ быть, для европейскаго, но для американскаго репортера не положено никакихъ границъ! — гордо поднявъ голову, торжественно воскликнулъ Спрингъ и, вырвавшись изъ рукъ Флея, стрѣлой помчался къ выходу.

Двумя прыжками онъ сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ, выбѣжалъ въ садъ и осторожно подошелъ къ полуотворенному окну комнаты, въ которой лежалъ старикъ. Онъ заглянулъ туда. Больной все еще находился въ забытій.

Въ одно мгновеніе, какъ кошка, вскарабкался Спрингъ на подоконникъ, безшумно спустился на полъ, въ комнатѣ, поползъ на четверенькахъ подъ кровать и скрылся за свисавшимъ до полу со всѣхъ сторонъ покрываломъ.

Но каково же было его изумленіе и ужасъ, когда онъ чуть не столкнулся лбомъ съ нѣкимъ джентльменомъ, который сидѣлъ уже подъ кроватью на корточкахъ, согнувъ спину и низко наклонивъ голову. Круглые синіе очки, которые онъ носилъ въ обычное время, были подняты на лобъ. Джентльменъ взглянулъ на Спринга, поднялъ руку и многозначительно приложилъ палецъ къ своимъ губамъ.

«Les beaux esprits se rencontrent» — подумалъ Спрингъ, — хорошо, если это шпионъ, а если репортеръ другой газеты, онъ можетъ перехватить у меня право первенства». Но размышлять было некогда. Онъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку и карандашъ и приготовился.

Старикъ чуткимъ ухомъ услышалъ шорохъ и заметался на постели. Потомъ изъ груди его послышался хриплый, надорванный голосъ:

— О, скоро-ли? Когда же, наконецъ? Моя душа вѣтаетъ изъ тѣла... Матти! Дорогой Перси! Мой сынъ... Освободи, освободи...

Этими словами и началась стенографическая запись въ книжкѣ американскаго репортера мистера Спринга, произведенная при живомъ и до-стовѣрномъ свидѣтелѣ, сидѣвшемъ тутъ же на корточкахъ, съ поднятыми на лобъ синими очками. — запись, которой было суждено впоследствии сыграть такую важную роль.

ГЛАВА X.
СТРАШНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Старый священникъ, положивъ руку на голову умирающаго незнакомца, стоялъ надъ его ложемъ, молитвенно возведя очи къ небу. Окна и двери были плотно затворены.

Но за дверью стоялъ, весь дрожа отъ трепетнаго волненія, молодой капитанъ и, прикинувъ ухомъ къ замочной скважинѣ, всѣ свои духовныя силы сосредоточилъ въ напряженномъ вниманіи.

Среди глубокой тишины отрывисто раздавался негромкій, но рѣзкій, скрипучій голосъ старика. Онъ говорилъ:

«Ничего не скроешь передъ тобой, Всевышній... Я умѣлъ обманывать людей весь свой долгій вѣкъ, но Тебя обмануть нельзя. Ты знаешь мою жизнь, но я хочу припомнить ее для того, чтобы хоть сотой долѣ моихъ дѣяній заслужить прощенье... Тяжко, о, тяжело...

Въ юности я, сынъ бѣднаго фермера, покинулъ родную страну, чтобы поискать счастья. Но какъ я его искалъ и какъ нашелъ!.. Лучше бы и вовсе не родиться, чѣмъ теперь, на смертномъ одрѣ, вспоминать про это.

*) См. „Синій Журналъ“ №№ 14—48.

Природа избрала меня своимъ любимцемъ: я былъ красивъ, какъ первый нѣжный лучъ утренней зари. Женщины при видѣ меня заболѣвали любовной лихорадкой. Разъ взглянувъ на меня, онѣ уже навсегда отворачивались отъ своихъ мужей и любовниковъ. И этотъ божественный даръ, красоту, я употребилъ во зло...

Моей первой женой была дочь Бразильскаго Нибоба. Она принесла мнѣ колоссальное богатство, но черезъ годъ послѣ свадьбы ее нашли утонувшей, въ колодцахъ... Это было мое первое дѣло...

Природная жадность не позволяла мнѣ остановиться на этомъ. Я переѣхалъ въ Австралію и тамъ подъ другимъ именемъ, женился на вдовѣ богатаго скотопромышленника. Вскорѣ она исчезла безслѣдно, и я, виновникъ ея гибели, всенародно оплакивавшій ее, безутѣшный вдовецъ — превративъ ея имущество въ золото, покинулъ страну подъ видомъ желанія забытья отъ горя.

Послѣ этого у меня было еще четыре жены и всѣ онѣ, принеся мнѣ новое богатство, неизмѣнно отправлялись туда различными путями въ вѣчность. И вотъ теперь я слышу, какъ вопіютъ къ небу ихъ загубленные мною души... Какъ жалобно и пламенно молятъ о мщеніи... Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? Какъ облегчить эту страшную ношу моей души?...

Шесть молодыхъ жизней... Шесть прекрасныхъ женщинъ, рожденныхъ для счастья...

И много, много было еще, меньшихъ и большихъ преступлений, пока протекла половина моей жизни... Я вернулся на родину, когда въ волосахъ моихъ появилась уже бѣлизна... Я былъ обладателемъ многихъ милліоновъ, которые въ глазахъ людей, принесли мнѣ тысячи всевозможныхъ выгодныхъ предпріятій на чужбинѣ.

Я могъ бы быть счастливымъ. Но справедливое небо по заслугамъ лишило меня этой возможности. Страстная жажда женской ласки, жажда, чуждая мнѣ въ теченіе долгой жизни, когда всѣ

силы мои были направлены на добываніе золота, стала мучить и снѣдать меня. Но среди женщинъ я не могъ встрѣтить ни одной, которая зажгла бы мою кровь. Къ прекраснѣйшимъ изъ нихъ я оставался холоденъ и безучастенъ, какъ гранитъ.

И эта жажда вторично выгнала меня изъ страны моихъ предковъ. Какъ хищный звѣрь ищетъ добычи для удовлетворенія голода, такъ я посвятилъ остатки своей жизни поискамъ женщины, которая могла бы утолить мою страсть...

Рис. Н. Герардова.

Спрингъ безшумно опустился на полъ и поползъ въ комнату на четверенькахъ...

Снова я обѣхалъ свѣтъ, изъ страны въ страну, тоскующимъ взоромъ съ надеждой впивался я въ каждое женское существо, но напрасно...

Проходили годы. Холодный, одинокій, презирающій людей и самого себя, я часто, о слишкомъ часто, готовъ былъ добровольно лишиться этой невыносимой жизни, но меня останавливало подлое рабство жизни, заложенное въ каждомъ изъ насъ и я оставался жить, наединѣ съ своей мукой.

И вотъ, когда мои кудри и борода стали бѣлыми, я встрѣтилъ женщину... Творецъ мой, что это была за минута, когда я увидѣлъ!.. Когда отъ одного шелеста ея платья во мнѣ, какъ въ котлѣ огромной машины, вскипѣла и забурила кровь...

Марія... Это было ея сладкое имя!

Мнѣ не трудно было овладѣть ею. Ея мужъ, ничтожный, бездарный, жалкій отпрыскъ нѣкогда богатаго и знатнаго рода, въ молодости прокутившій послѣдніе крохи наслѣдства, влачилъ существованіе, съ отвращеніемъ изъ за средствъ занимаясь дипломатіей, въ одномъ изъ государствъ Америки. Мнѣ стоило только бросить крупную горсть золота, чтобы онъ оказался благожелательнымъ посредникомъ между мной и его женой... А она, любившая блескъ нарядовъ и шумъ успѣха больше Бога и своей совѣсти, она отдалась мнѣ легко, безъ колебаній, безъ борьбы...

Ты знаешь, о Справедливое Небо, что я любилъ ее всѣмъ горячимъ пламенемъ моей крови,

что за всю мою жизнь я любилъ только ее, что никого въ этомъ свѣтѣ больше не любилъ...

Въ упоительномъ счастьи, какого, навѣрно, на землѣ не испыталъ еще ни одинъ человѣкъ, провелъ я три года, и вдругъ... О, чудовищное воспоминаніе! Боюсь, что не выдержитъ его мой слабый, потухающій мозгъ... Страшусь, что раньше времени, разорвется мое одряхлѣвшее сердце...

Однажды я узналъ, что, лаская меня, она въ то же время отдавала себя ничтожному фату, наемному секретарю ея мужа, человѣку безъ имени, безъ прошлаго и безъ будущаго...

Громъ мести прогремѣлъ въ моей оскорбленной душѣ. Нечеловѣческая любовь превратилась въ нечеловѣческую злобу. Я приговорилъ эту женщину. Но всѣ казни, какія существовали для другихъ, для нея мнѣ казались ничтожными. И я рѣшилъ мою месть сдѣлать задачей всей моей жизни...

О, разумѣется, я не подаль и виду, что узналъ объ измѣнѣ, напротивъ — я усилилъ свою заботу о ней; залилъ ее золотомъ, засыпалъ нарядами и драгоценностями. Мой планъ...

Да, это былъ планъ, достойный дьявола. Убить человѣка просто, чтобы онъ потерялъ жизнь, развѣ это месть, достойная оскорбленной любви? Нѣтъ, она должна погибнуть въ такую минуту, когда сердце ея будетъ переполнено счастьемъ, чтобы вмѣстѣ съ жизнью она потеряла и счастье. Она должна полюбить. Безумно, беззавѣтно! И для этого я долженъ окружить ее людьми, среди которыхъ она могла бы сдѣлать безошибочный выборъ...

Вотъ тутъ-то въ моей головѣ и родилась величавая мысль о созданіи тайнаго общества объединенія флотовъ всего міра... О, я хорошо понималъ, что это дѣтская сказка, не болѣе, но я также зналъ, какъ слѣпнуть люди передъ красивыми словами и какъ вырастаетъ уваженіе человѣка къ самому себѣ, когда онъ чувствуетъ себя героемъ...

Да, дѣтская сказка. Но при помощи несмѣтнаго богатства, которое я готовъ былъ бросить въ пасть дикаго звѣря, моей ненасытной мести, мнѣ удалось создать ее въ жизни и вотъ великое тайное общество зародилось... Зародилось и сразу выросло до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что встревожило не только отдѣльных людей, но цѣлыя страны и ихъ правительства. Съ нимъ стали вести борьбу... Его таинственный девизъ, обозначенный древними еврейскими буквами, которыя я начерталъ на драгоценномъ бриллиантѣ, напрасно

старались разгадать цѣлые сонмы ученыхъ мужей, всѣхъ странъ. Да, напрасно, потому, что въ тѣхъ буквахъ не было никакого смысла, онѣ были выбраны моимъ капризомъ, а самый бриллиантъ, дѣйствительно стоившій мнѣ колоссальной суммы, украшалъ изящнѣйшую въ мірѣ, но въ тоже время и преступную руку Маріи.

Двѣнадцать членовъ тайнаго совѣта тоже носили при себѣ каждый по такому же камню, но то были лишь копіи, правда, сдѣланныя съ не-подражаемымъ искусствомъ, но все-же жалкія копіи единственнаго, неимѣющаго цѣны, камня, который носила Марія.

Рис. Н. Герардова.

Терве стоялъ за дверью, весь дрожа отъ трепетнаго волненія.

Идеи нашего общества стали распространяться съ неимоверной быстротой. Бѣдное человѣчество, погруженное въ будничную борьбу за существованіе, вѣчно мучается жадной великаго и свѣтлаго... Десятки и сотни тысячъ людей въ различныхъ странахъ примкнули къ новой тайной организаціи. Явились вожди, фанатики, способные жертвовать жизнью за эфемерный, никогда неосуществимый идеалъ... О, пусть! Человѣчеству такъ плохо живется на землѣ, что иногда не грѣхъ ему позабавиться дѣтской игрой.

Но развѣ для золота есть что-нибудь не достижимое? Я не могъ не достигнуть моей цѣли и я достигъ ее. Марія — въ центрѣ, она окружена сотней лучшихъ людей, молодыхъ, мужественныхъ, пылкихъ, благородныхъ, готовыхъ рисковать своей головой ради великаго дѣла. У нея богатѣйшій выборъ...

И, между ними, какъ изумрудъ въ коронѣ восточнаго властителя, блисталъ молодой русскій, по имени Енгушевъ. Казалось, природа, создавая его, хотѣла превзойти сама себя и дать образецъ своего творчества! Но онъ былъ бѣденъ. У него не было ни знаменитыхъ предковъ, ни звонкаго имени. А Марія была тщеславна. Чтобы обратить ея вниманіе на красоту, нужно было и то, и другое.

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:
Глава X. — Страшная исповѣдь.

?

Въ коллектив-
номъ романѣ уча-
ствуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-
Данченко,

(ТРИ БУКВЫ)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гиѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимыми по-
слѣловіемъ Вас. Ре-
тинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гиѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть 1-ая.

Въ притонѣ „Кровавая мышеловка“ за игрой въ рулетку, у кн. Енгушева исчезаетъ брилліантъ. Этотъ камень, на которомъ были вырѣзаны таинственные знаки, служилъ печатью комитета таинственныхъ заговорщиковъ. Воромъ оказался жандармскій ротмистръ Персинъ, который подъ видомъ мистера Перси, давно слѣдилъ за княземъ. Перси перекрашивается въ негра и зашиваетъ камень подъ кожу, но случайная встрѣча съ компаніей художниковъ и ударъ бокса, полученный Персинимъ, служатъ причиной новаго исчезновенія камня. Своей возлюбленной, баронессѣ Маріи, Енгушевъ даритъ дубликатъ камня, и въ одно утро Марію находятъ при загадочной обстановкѣ убитой, причемъ брилліантъ находятъ у нея, вложеннымъ на мѣсто вырѣзаннаго глаза. Убийство подымаетъ на ноги какъ полицію, такъ и всю прессу, и одинъ изъ представителей послѣдней, репортеръ Спрингъ, выказываетъ чудеса ловкости и находчивости въ поискахъ за преступниками. Онъ уѣзжаетъ въ Россію, куда, по его догадкамъ, они скрылись.

Часть 2-ая.

Въ Россіи Спрингъ встрѣчается въ кафе съ товарищами, художниками Краббомъ и Калиной, и передаетъ имъ свои подозрѣнія относительно недавно прибывшей въ этотъ городъ яхты „Нирваны“, которая остановилась въ гавани яхтъ-клуба. Счастливая встрѣча пріятелей съ членомъ клуба, Нечипоренко, даетъ возможность Спрингу попасть на таинственную яхту. Спринга арестовываютъ и усилями Калины и его брата, занимающаго видный административный постъ, освобождаютъ. Братъ Калины советуетъ всѣмъ (Краббу, брату и Спрингу) укрыться у него въ имѣніи подъ видомъ служащихъ, куда они и уѣзжаютъ, подъ видомъ трехъ американцевъ. Случайно пристававшая къ берегу яхта „Есрета“ оказывается старой „Нирваной“, на которой путешествуетъ Перси, подъ именемъ Терве. Отецъ Терве (старый Укко) умираетъ и его переносятъ въ домъ, гдѣ Спрингъ прилагаетъ всѣ усилія узнать тайну камня изъ исповѣди умирающаго. Приглашаютъ православнаго священника, и Спрингъ, не смотря на уговоры пріятеля, забирается подъ кровать умирающаго... Совершенно неожиданно подъ кроватью Спрингъ замѣчаетъ спрятавшагося сыщика, но, не смущаясь этимъ, заноситъ въ книжку исповѣдь старика. Изъ словъ умирающаго узнаютъ, что именно онъ и былъ организаторомъ таинственнаго заговора.

ГЛАВА X.

СТРАШНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Но меня это не занимало. Мнѣ нужно было недостижимое на землѣ! Я купилъ ему княжескій титулъ, а вмѣстѣ съ нимъ и два десятка поколѣній знаменитыхъ предковъ, я надѣлилъ его богатствомъ, и вотъ вдругъ загремѣло имя князя Енгушева, и прекрасные глаза Маріи остановились на немъ. Начался романъ, безумный, страстный и, должно быть, упоительный...

Но въ тотъ самый день, когда Марія, вызванная княземъ Енгушевымъ въ С.-Франциско, считала себя обладательницей наивысшаго счастья—раздѣленной любви, я пришелъ къ ней и убилъ ее. Я сказалъ ей: я отнимаю у тебя то, что ты отняла у меня своей вѣроломной измѣной. Я считалъ тебя такимъ-же избранникомъ счастья, какою считаешь себя въ эту минуту ты...

И я убилъ ее. Я вырвалъ у нея глазъ, одинъ изъ пары прекрасныхъ глазъ, которые такъ искусно лгали мнѣ, и на его мѣсто вложилъ брилліантъ, но не тотъ, что носила она на своей рукѣ, а поддѣльный... О, тотъ брилліантъ вернулся ко мнѣ,—я сдѣлалъ это для того, чтобы сбить съ толку полицію, и это мнѣ удалось. Убийство подняло на ноги весь городъ и сдѣлалось достояніемъ всего міра.

Но, Богъ мой... Я теряю силы... Я чувствую, на какую ничтожную долю я облегчилъ ношу моихъ грѣховъ, но кровь стынетъ въ моихъ жилахъ, сердце замедляетъ свои удары... Матти, сынъ мой! Войди ко мнѣ, Перси...

Послѣднія слова старикъ хрипло прокричалъ, видимо, собравъ послѣднія силы. Въ комнату вошелъ капитанъ Терве. Лицо его было мертвенно-блѣдно, губы его дрожали. Онъ остановился у порога и какъ бы приросъ къ землѣ.

— Сынъ мой, вотъ послѣднее, что я долженъ сказать.—На яхтѣ, въ томъ шкафикѣ, ты знаешь... въ ящичкѣ направо... молитвенникъ, который нѣкогда, въ дѣтствѣ, подарила мнѣ мать... Чтобы взять его, ты долженъ удалить матросовъ съ яхты... Ни одна душа пусть не будетъ на немъ... Взвѣжь его, поспѣши и самъ удались... Ты не сдѣлалъ мнѣ никакого зла... И тотъ молитвенникъ пусть будетъ вложенъ въ мои руки... Съ нимъ опустите меня въ могилу... Матти, сынъ мой... Почему ты не подойдешь ко мнѣ и въ послѣдній разъ не пожмешь мою руку?.. Матти... Перси... О...

Вдругъ рука его порывисто поднялась, потомъ упала на грудь и конвульсивно прижалась къ ней.

— Онъ скончался,—сказалъ священникъ.—Подойдите къ нему.

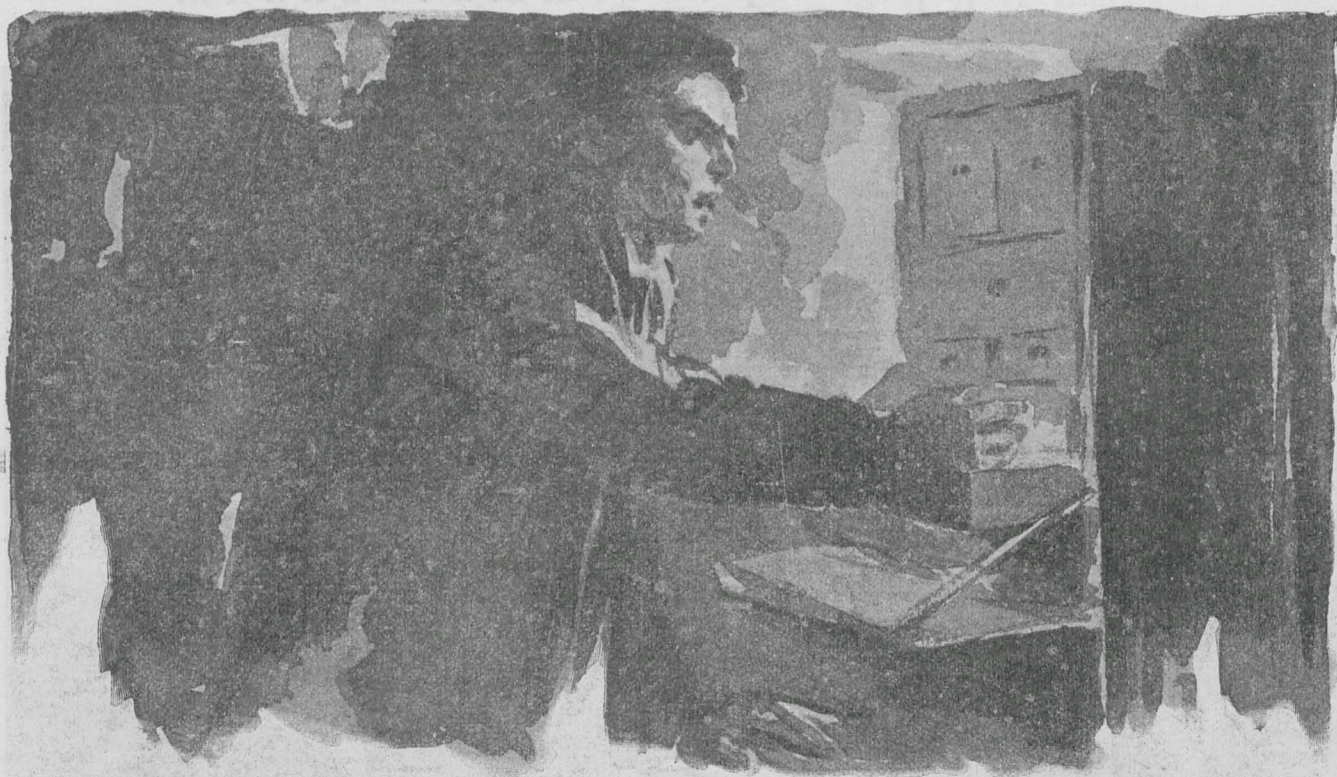
Но молодой человѣкъ не въ силахъ былъ двинуться съ мѣста. Что-то отталкивало его отъ этой ужасной постели. Хотѣлось закрыть лицо и бѣжать безъ оглядки. Въ головѣ его спутались всѣ мысли. Только одно стояло передъ нимъ, какъ неизбежное, отъ чего нельзя отказаться, что онъ не въ правѣ не исполнить,—«послѣднее, что я долженъ сказать»... Молитвенникъ... О, это «послѣднее» было полно ужасающаго смысла. Онъ почти явственно чувствовалъ, что скрыто въ глубинѣ этого «послѣдняго».

Вошла миссъ Эвелина и, взглянувъ на своего молодого друга, окаменѣла. Вслѣдъ за нею появились мис Флей и Краббъ. Но вдругъ они всѣ тревожно оглянулись.

Съ шумомъ распахнулись обѣ половинки двери, и въ комнату одинъ за другимъ ввалилась толпа людей. Ихъ было не меньше двухъ десятковъ и все это были джиге молодцы, рослые, съ крѣпкими мускулами. Нѣкоторые изъ нихъ стали у оконъ, а другіе загородили собою дверь.

* См. „Синій Журналъ“ №№ 14—49.

Рис. Н. Герардова.

Онъ протянулъ руку и схватилъ лежавшій сверху брилліантъ.

— Одинъ, съ бляхой на груди, подошелъ къ священнику и шепнулъ ему.

— Уходите отсюда, батюшка, ваша роль кончена! — и священникъ тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

Затѣмъ тотъ же человѣкъ произнесъ: — кто здѣсь называется мистеръ Флей?

— Это я, — отвѣтилъ Флей.

— Вотъ эта бумага объяснить вамъ все! — промолвилъ человѣкъ съ бляхой, — подавая ему запечатанный конвертъ.

Затѣмъ онъ приблизился къ кровати и, наклонившись, приподнялъ покрывало.

— Потрудитесь выйти оттуда, — сказалъ онъ.

Изъ подъ кровати выползъ мистеръ Спрингъ, держа въ рукъ записную книжку и карандашъ. Лицо у него было до послѣдней степени смущенное; но вышелъ онъ одинъ. Что же касается его импровизированнаго товарища, съ синими очками на лбу, то онъ, очевидно, не принялъ на свой счетъ приглашенія.

— А теперь, господа, по предписанію вышшаго начальства, объявляю всѣхъ, находящихся въ этомъ домѣ, арестованными! — промолвилъ человѣкъ съ бляхой на груди. — Предупреждаю васъ, что садъ окруженъ стражей и что малѣйшая попытка уклониться послужитъ поводомъ для выстрѣла...

— Я подчиняюсь распоряженію власти, — тихимъ подавленнымъ голосомъ произнесъ капитанъ Терве; — но прошу позволенія исполнить послѣднюю волю умершаго — съѣздить въ лодкѣ на яхту и привезти оттуда молитвенникъ, вложить ему въ руки и вмѣстѣ съ нимъ опустить въ могилу.

Человѣкъ съ бляхой на груди, на минуту задумался. — Такъ-ли это? — спросилъ онъ громко, какъ казалось, ни къ кому не обращаясь.

— Да, это такъ! — раздался глухой голосъ, какъ будто изъ затвореннаго шкафа или изъ под-

полья. Флей и Крабъ съ недоумѣніемъ переглянулись. Недоумѣніе выразилось и на лицахъ капитана и Эвелины. Только Спрингъ какъ-то загадочно усмѣхнулся. Онъ зналъ, кому принадлежитъ этотъ голосъ.

— Хорошо. Вы сдѣлаете это въ сопровожденіи конвойнаго, — сказалъ человѣкъ съ бляхой, обратившись къ капитану. — Ты проводи господина къ лодкѣ, — приказалъ онъ одному изъ людей.

Въ сопровожденіи конвойнаго, молодой человѣкъ вышелъ въ садъ. Съ смертельно блѣднымъ лицомъ, шатающимися ногами побрелъ онъ по направленію къ морю. Здѣсь на берегу сидѣли матросы, въ томъ числѣ и Тимоша, а около нихъ стояли два солдата, съ ружьями наготовѣ.

Молодой человѣкъ отвязалъ шлюпку и сѣлъ въ нее, конвойный послѣдовалъ за нимъ. Они подплыли къ яхтѣ и по спущенной лѣстницѣ оба забрались на палубу. Капитанъ спустился внизъ, а конвойный ждалъ наверху.

Дрожащими руками отперъ онъ хорошо знакомую шифоньерку, нащупалъ съ правой стороны ящикъ, котораго никогда прежде не замѣчалъ, и выдвинулъ его. Въ первую минуту онъ отшатнулся, какъ бы пронзенный какимъ-то острымъ лучемъ, исходившимъ оттуда. Онъ протянулъ руку и схватилъ лежавшій сверху брилліантъ. «Онъ здѣсь, — прошептали его губы; — какими непостижимыми путями онъ попалъ сюда?»...

И. Потапенко.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РОМАНА ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ №).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: продолженіе И. Н. Потапенко:

Глава X.—Страшная исповѣдь.

9 декабря 1911 г.

№ 51

Государственная
Библиотека
СССР
и В. И. Ленин

Цена 5 коп.

п 5680-56

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

ЦЕНА ОБЪЯВЛЕНИЙ ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ:

на 1 годъ 2 р. 50 к. | на 3 мѣс. 65 к.
» 1/2 » 1 » 25 » | » 1 » 25 »

ПЕРЕДЪ ТЕКСТОМЪ 1 р. — к.
ПОЗАДИ ТЕКСТА — » 80 »

Перемѣна адреса—25 к.; при перемѣнѣ адр. необходимъ старый бандерольный адресъ, безъ чего перемѣна затруднительна.
Адресъ Главной Конторы: Спб., Фонтанка 80. Тел. 514-27 и 524-62, Редакции: Спб., Литейный, 57. Тел. 171—91.

Авторы коллективного романа «Синяго Журнала».

Рис. Н. Герардона.

За столомъ сидятъ (слѣва, на первомъ планѣ): В. А. Тихоновъ, А. И. Купринъ, Н. И. Потанинко, за нимъ стоитъ Аркадій Аверченко.

Справа: Н. А. Тэффи, И. И. Ясинскій (стоятъ) А. Каменскій, П. П. Гнѣдичъ; у книжной полки—А. А. Измайловъ (стоитъ).

При этомъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается подписной бланкъ въ видѣ почтового перевода, которымъ Гл. Контора покорнѣйше проситъ пользоваться при подпискѣ на журналы «Сатириконъ», «Синій Журналъ» и «Галченокъ».

Вслѣдствіе болѣзни слѣдующ. участника коллективного романа Ал. Н. Будищева—о к о н ч а н і е будетъ напечатано въ одномъ изъ дальнѣйшихъ № № «Син. Журнала».

Въ коллективномъ романѣ участвуютъ:

А. И. Купринъ,
Н. А. Тэффи,
І. І. Ясинскій,
Анат. Каменскій,
В. И. Немировичъ-Данченко,

(Т Р И Б У К В Ы)

А. Измайловъ,
А. Н. Будищевъ,
В. А. Тихоновъ,
А. Аверченко,
П. П. Гнѣдичъ,
И. Н. Потапенко
и др.
съ необходимыми по-
сѣловіемъ Вас. Ре-
гинина.

И. Н. Потапенко.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“ *

Содержаніе главъ А. И. Куприна, Тэффи, І. І. Ясинскаго, А. Каменскаго, А. Аверченко, П. П. Гнѣдича, А. А. Измайлова, В. А. Тихонова и И. Н. Потапенко.

Часть 1-ая.

Въ притонѣ „Кровавая мышеловка“ за игрой въ рулетку, у кн. Енгусева исчезаетъ брилліантъ. Этотъ камень, на которомъ были вырѣзаны таинственные знаки, служилъ печатю комитета таинственныхъ заговорщиковъ.

Воромъ оказался жандармскій ротмистръ Персинъ, который подъ видомъ мистера Перси, давно слѣдилъ за княземъ. Перси перекрашивается въ негра и зашиваетъ камень подъ кожу, но случайная встрѣча съ компаніей художниковъ и ударъ бокса, полученный Персинымъ, служатъ причиной новаго исчезновенія камня.

Своей возлюбленной, баронессѣ Маріи, Енгусевъ даритъ дубликатъ камня, и въ одно утро Марію находятъ при загадочной обстановкѣ убитой, причѣмъ брилліантъ находятъ у нея, вложеннымъ на мѣсто вырваннаго глаза.

Убийство подымаетъ на ноги какъ полицію, такъ и всю прессу, и одинъ изъ представителей послѣдней, репортеръ Спрингъ, выказываетъ чудеса ловкости и находчивости въ поискахъ за преступниками. Онъ убѣждаетъ въ Россію, куда, по его догадкамъ, они скрылись.

Часть 2-ая.

Въ Россіи Спрингъ встрѣчается въ кафе съ товарищами, художниками Краббомъ и Калиной, и передаетъ имъ свои подозрѣнія относительно недавно прибывшей въ этотъ городъ яхты „Нирваны“, которая остановилась въ гавани яхтъ-клуба.

Счастливая встрѣча пріятелей съ членомъ клуба, Нечипоренко, даетъ возможность Спрингу попасть на таинственную яхту.

Спринга арестовываютъ въ усиліяхъ Калины и его брата, занимающаго видный административный постъ, освобождаютъ. Братъ Калины советуетъ всѣмъ (Краббу, брату и Спрингу) укрыться у него въ имѣніи подъ видомъ служащихъ, куда они и убѣгаютъ, подъ видомъ трехъ американцевъ.

Случайно приставшая къ берегу яхта „Есрета“ оказывается старой „Нирваной“, на которой путешествуетъ Перси, подъ именемъ Терве. Отецъ Терве (старый Укко) умираетъ и его переноситъ въ домъ, гдѣ Спрингъ прилагаетъ всѣ усилія узнать тайну камня изъ исповѣди умирающаго. Приглашаютъ православнаго священника, и Спрингъ, не смотря на уговоры пріятеля, забирается подъ кровать умирающаго...

Совершенно неожиданно подъ кроватью Спрингъ замѣчаетъ спрятавшагося сыщика, но, не смущаясь этимъ, заноситъ въ книжку исповѣдь старика. Изъ словъ умирающаго узнаютъ, что именно онъ и былъ организаторомъ таинственнаго заговора.

ГЛАВА X.

СТРАШНАЯ ИСПОВѢДЬ.

Быстро спрятавъ въ карманъ драгоценную находку, онъ нащупалъ дно ящика. Тамъ лежала небольшая книжечка въ старинномъ золоченномъ переплетѣ. Схвативъ ее, онъ быстро поднялся наверхъ, по ступенькамъ лѣстницы. Черезъ минуту лодка, въ которой сидѣли молодой человѣкъ, зажавъ въ рукъ молитвенникъ, и конвойный, вернулся къ мосткамъ.

Стали подыматься по крутому берегу наверхъ. Матросы, въ сопровожденіи солдатъ, слѣдовали за ними. Вотъ они поднялись въ садъ.

Вдругъ страшный залпъ взрыва оглушилъ ихъ. Всѣ невольно обернулись къ морю и глазамъ ихъ представилось потрясающее зрѣлище. Яхта была взорвана. Надъ моремъ кружились взлетѣвшіе вверхъ обломки мачты, а сама она вся была объята пламенемъ. Къ берегу бѣжали люди. Арестованные смѣшались съ конвойными. Краббъ, уцѣпившись за рукавъ мистера Флея, едва поспѣвалъ за нимъ своими короткими ногами.

Миссъ Эвелина, вся дрожащая, съ безумными глазами, растерянно глядѣла по сторонамъ, какъ бы отыскивая кого-то. Вдругъ она увидѣла капитана, который стоялъ, скрестивъ на груди руки и

сосредоточенно смотрѣлъ на пламя, подымавшееся къ небу.

— Матти... дорогой... единственный... ты здѣсь... ты живъ!... — Радостно восклицала она, охвативъ его шею руками и трепетно прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ.

Онъ съ нѣжной осторожностью взявъ ее за руки.

— Въ этомъ пламени горятъ наши заблужденія, чудовищный кошмаръ нашей жизни... Пусть они сгорятъ до тла. И тогда, быть можетъ, начнется новая и прекрасная жизнь... Наша новая жизнь, Эвели...

Выступилъ человѣкъ съ бляхой и строго произнесъ: — Всѣхъ арестованныхъ прошу отправиться въ домъ и оставаться тамъ безвыходно, впредь до новыхъ распоряженій начальства.

Во время суматохи, поднятой взрывомъ, мистеръ Флей, незамѣтно для другихъ, распечаталъ конвертъ и взглянулъ на бумагу. Тамъ было нѣсколько строкъ, напечатанныхъ на машинкѣ. Подписи никакой не было. Тамъ значилось:

«Братъ долженъ быть увѣренъ, что все происшедшее было вынуждено необходимостью и поведетъ къ лучшему, какъ для него, такъ и для тѣхъ, кто съ нимъ».

И. Потапенко.

ПИСЬМО КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

До конца текущаго года редакция „Синяго Журнала“ напечатала почти полностью коллективный романъ лучшихъ русскихъ писателей. „Почти“ — потому что, къ сожалѣнію, болѣзнь послѣдняго романа А. Н. Будищева приостановила романъ передъ самымъ его концомъ.

Подводя итоги тому, что уже дано, редакция съ удовольствіемъ можетъ сказать, что обещаніе сдержано, и это небывалое по обстановкѣ творчества произведеніе — не мифъ?

„Коллективный романъ“ вызвалъ цѣлую бурю въ печати и массу разговоровъ среди читателей.

„Хранители завѣтомъ Добролюбова и Чернышевскаго“ изъ мелкой провинціальной прессы — метели громы и молніи по поводу „развала въ литературѣ“ и „паденія нравовъ“.

Съ точки зрѣнія здраваго литературнаго смысла въ затѣ русскихъ писателей не было ничего предсудительнаго, заслуживающаго упрека; наоборотъ, подобный опытъ коллективнаго творчества представляется, помимо его увлекательности, особый интересъ для любителей художественнаго слова и составить цѣнный матеріалъ для анализа писательскаго творчества.

Въ русской литературѣ подобные опыты, правда, имѣли уже мѣсто.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ „Новомъ Времени“ печатался коллективный романъ („Незнакомца“) А. С. Суворина и К. о. Вспоминаютъ, что какъ-то группа писателей, во главѣ съ В. Г. Короленко, сидѣла подъ арестомъ въ одной изъ тюремъ, занялась общимъ писаніемъ большого романа.

Такимъ образомъ, попытка участниковъ коллективнаго романа, печатавшагося въ „Синемъ Журналѣ“, едва ли могла сама по себѣ вызвать съ

*) См. „Синій Журналъ“ № № 15—50.

чей-либо стороны осуждение. На нее прежде всего слѣдовало смотрѣть, какъ на занимательный экспериментъ, какъ на своеобразный замыселъ, который если-бы и не внесъ въ сокровищницу русской литературы цѣннаго приобрѣтенія, то, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ послужить рѣшительнымъ отвѣтомъ на вопросъ:

— Возможно ли одновременное совмѣстное творчество нѣсколькихъ авторовъ?

Сейчасъ интересующимся этимъ вопросомъ предоставлена удобная возможность разобраться въ немъ по существу.

Конечно, господа критики могли-бы увидѣть въ этомъ романѣ лакомый кусочекъ для своихъ аппетитовъ.

Появился даже слухъ, что романъ этотъ отъ полноты души писателей, кость — изъ жалости, брошенная или проголодавшимся за послѣдніе годы критикамъ. Отъ русскихъ писателей съ изумительной развязностью требуютъ во что-бы то ни стало ежегодныхъ великихъ произведений пера, какъ будто гениальность и талантъ — машина, систематично выбрасывающая равноцѣнные продукты своей работы. А между тѣмъ за послѣдніе годы, дѣйствительно, почти ничего яркаго и значительнаго русская литература не дала. Не удивительно, что слухъ о жертвѣ лучшихъ русскихъ писателей господамъ цѣнителямъ и толкователямъ ихъ произведений получилъ широкое распространение въ публикѣ.

— Беллетристическій пель-мель участниковъ коллективнаго романа — какое тонкое блюдо для стола господъ критиковъ.

Съ другой стороны — на повѣрку выходитъ, что и „обязательные“ годовые романы толстыхъ журналовъ по внутреннему содержанию своему и потраченному авторами ихъ вдохновенію оказываются во всякомъ случаѣ еще менѣе жизнеспособными и нужными, чѣмъ „пресловутый, по выраженію нашихъ критиковъ, коллективный романъ „Синяго Журнала“.

Попытайтесь, напримѣръ, осилить хотя бы печатающіеся въ „Русскомъ Богатствѣ“ изъ книжки въ книжку романъ В. Муйжеля „Годъ“. Нѣтъ, вы прочитайте его, слѣдуя хотя-бы купчинкинскою формулѣ: терпѣніе, терпѣніе... и согласитесь, что такіа литературная погути, на предосудительность которыхъ никто и не посмѣетъ указать (помилуйте, „Русское Богатство!“) куда безформеннѣе, расплывчатѣе и безсвязнѣе даже того совмѣстнаго творчества авторовъ, которое можетъ напоминать басню о лебедѣ, шукѣ и ракѣ.

Другой „обязательный“ годовой романъ „Современнаго Мира“ — „Проклятый родъ“, очевидно, настолько утомилъ читателя, что сама редакция, быть можетъ и къ превеликому собственному конфузу, оборвала его на одной изъ частей; сюрпризъ этотъ явился поистинѣ неожиданностью для многихъ.

Наконецъ, изъ крупныхъ произведений послѣдняго года нужно отмѣтить „У послѣдней черты“ Арцыбашева, но видно и у него не хватило матеріала для стройнаго и цѣльнаго произведенія, и, перепѣвая свои-же старыя мелодіи, писатель этотъ фаршируетъ романъ такими эксцентрическими трюками, какъ ссылки на свои-же сочиненія, какъ пародіи на произведенія современныхъ писателей и т. д.

На этой „грудѣ тлѣющихъ костей“ литературныхъ было чѣмъ критику поужинать...

Оправдывать-ли, однако, слухъ о томъ, что коллективный романъ „Синяго Журнала“ — кость, которую добродушно швырнули критикамъ.

Si pop e vero...

Мы сожалѣемъ, что тяжелая болѣзнь Ал. Н. Будищева заставляетъ редакцію прервать романъ почти при его развязкѣ. Послѣсловіе должно было дать читателямъ возможность уяснить тѣ неясности, которыя могли бы представиться при чтеніи, и вручить имъ ключъ, открывающій нѣкоторыя тайны романа.

— Три буквы, три буквы, три буквы!

Когда романъ будетъ законченъ — многое темное и загадочное, что волновало читателей, станетъ простымъ и яснымъ.

И такъ, пожелаемъ скораго выздоровленія Ал. Ник. Будищеву...
Вас. Регининъ.

Милостивый Государь

Г-нъ Редакторъ,

Тяжелый недугъ не позволяетъ мнѣ приступить къ участию въ коллективномъ романѣ.

Мнѣ безусловно воспрещена врачами всякая работа.

Съ соверш. почтеніемъ

Ал. Будищевъ

Гатчино
28 ноября.

(Спец. снимокъ для «Синяго Журнала»).

Ал. Н. Будищевъ, одинъ изъ участниковъ коллективнаго романа. Въ болѣзни талантливаго писателя сейчасъ замѣчается значительное улучшение.

„Синій Журналъ“ будетъ печатать на своихъ страницахъ въ наступающемъ году оригинальныя произведенія слѣдующихъ авторовъ:

АРКАДІИ АВЕРЧЕНКО. — Подъ метлой, — повѣсть изъ рудничной жизни.

А. Н. БУДИЩЕВЪ. — Сатанія — страна, населенная твореніями діавола. — Необычайное путешествіе Матіана Лагоса.

А. И. КУПРИНЪ. — Повѣсть.

И. Н. ПОТАПЕНКО. — Во тѣмъ время. — Исторія, случившаяся въ 2912 году.

В. А. ТИХОНОВЪ. — Отлетаи. — Разсказъ изъ жизни русскихъ людей, мытарствующихъ не всегда по своей волѣ за границей.

Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. — За горой. — Повѣсть изъ жизни золотоискателей.

Всѣ романы и разсказы будутъ иллюстрированы рисунками лучшихъ художниковъ.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.